

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

ТОМ 7 • №3 • 2021 ГОД

Подписной индекс 80309
ISSN 2542-047X

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 7 • № 3 • 2021 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара,

ул. Акад. Павлова, 1.

Тел.: +7(846) 3379963, 3379936

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

443086, Российская Федерация, г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-680026 от 13 декабря 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Подписной индекс в каталоге

АО Агентство «Роспечать» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ISSN 2410-8707

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 27.09.2021

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 16,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 70 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, г. Самара,

Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте **Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU**.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Мояна Гунева, д-р права, проф. (Бургасский свободный университет, Бургас, Болгария)

В. В. Долгинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

О. Ю. Рыбаков, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Е. А. Трещева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Р. Л. Хачатуров, д-р юрид. наук, проф. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юдин, д-р юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Б. В. Яцеленко, д-р юрид. наук, проф. (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, РФ)

© Самарский университет, 2021

Этот контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Subscription Index 80309
ISSN 2542-047X

**JURIDICAL
JOURNAL
OF SAMARA UNIVERSITY**

Vol. 7 • № 3 • 2021

JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY
IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

MAGAZINE FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: LIBRARY.RU RINTS LAN CROSSREF

The Journal is included by the HAC in the List of leading scientific editions, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from c 30.11.2017

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher: Samara National Research University

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,

Samara, 443086, Russian Federation.

Literary editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС

77-680026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the Agency «Rospechat»

Catalogue 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-62511

dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 27.09.2021.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 16,5.

Circulation 200 copies (first printing – 70 copies).

Order №

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.

Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index**.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

Momyana Guneva, Dr. of Law, professor (Burgas Free University, Burgas, Bulgaria)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (RF, Moscow, Kutafin Moscow State Law University)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, associate professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

O. Yu. Rybakov, Dr. of Law, Dr. of Philosophical Sciences, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

R. L. Khachaturov, Dr. of Law, professor (Togliatti State University, Togliatti, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

B. V. Yatselenko, Dr. of Law, professor (All-Russian State University of Justice, Moscow, RF)

© Samara University, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Кузьмин И. А.** Система юридической ответственности в контексте политологии права (первичное приближение) 7
Ельчанинова О. Ю. О некоторых подходах к определению дефиниции источников русского права в трудах советских ученых 19

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Адоевская О. А.** Реализация принципа равенства и гарантирование прав осужденных 25
Благов Е. В. О видах неоконченного преступления 31
Гладких В. И. Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах (ст. 172.3 УК РФ): еще одна не востребованная норма? 38
Михайлов В. И. Об определении понятия «обстоятельство, исключаящее преступность деяния» 46

КРИМИНОЛОГИЯ

- Александрова Л. И.** Контрафакт как криминальное явление: средства противодействия 59

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Россинский С. Б.** Позицию профессора В. А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но... 66
Шарипова А. Р. Судебная практика в уголовном и других видах судопроизводства: перспективы конвергенции 73

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Семенов А. С.** Прокурорская деятельность в свете дополнительных гарантий надлежащего исполнения на федеральном уровне решений Конституционного Суда Российской Федерации 80

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

- Трофимец И. А.** Публично-правовое значение актов гражданского состояния, подтверждающих семейный статус лица в Испании: проблемы законодательства и правоприменения 86

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Изгагина Т. Ю.** Некоторые вопросы обеспечения безопасности на трубопроводном транспорте 91
Паладьев М. А. Коллизии законодательства о нестационарной торговле 102

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- Абушенко Д. Б.** Механика взаимодействия материального и процессуального на примере цессии в исполнительном производстве 107

Трибуна молодого ученого

- Казаченков С. Д.** Цифровые технологии как вектор трансформации принципа справедливости и эффективности в налоговой системе современного государства 115
Плахтий Н. А. Юридический факт и случай: соотносимость в правовых отношениях 121
Стерлигова А. В. Европейский подход к разграничению данных, не являющихся персональными, для целей гражданского оборота 126

- Требования к оформлению статей* 132

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Kuzmin I. A.** System of legal liability in the context of political science of law (a first approximation) 7
Elchaninova O. Yu. On some approaches to determining the definition of sources of Russian law in the works of Soviet scientists 19

CRIMINAL LAW

- Adoevskaya O. A.** Implementation of the principle of equality and guarantee of the rights of convicted persons 25
Blagov E. V. About the types of unfinished crime 31
Gladkikh V. I. Failure to enter information about funds placed by individuals and individual entrepreneurs in financial accounting and reporting documents of a credit institution (Article 172.3 of the Criminal Code): another unclaimed norm? 38
Mikhailov V. I. On the definition of the concept of «a circumstance excluding the criminality of an act» 46

CRIMINAL SCIENCE

- Alexandrova L. I.** Counterfeit as a criminal phenomenon: means of counteraction 59

CRIMINAL PROCEDURE

- Rossinskiy S. B.** The position of professor V. A. Lazareva on the collection of evidence in general can be supported, but... 66
Sharipova A. R. Judicial practice in criminal and other types of legal proceedings: prospects for convergence 73

ADVOCACY AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Semenov A. S.** Prosecutorial activity in the light of additional guarantees of proper execution at the federal level of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 80

INFORMATION LAW

- Trofimets I. A.** Public-legal significance of civil status acts in family sphere in Spain: problems of legislation and law enforcement 86

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

- Izgagina T. Yu.** Some security issues in pipeline transport 91
Paladyev M. A. Conflict of legislation on non-stationary trade 102

CIVIL PROCESS

- Abushenko D. B.** Mechanics of the interaction of material and procedural using the example of an assignment in execution proceedings 107

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

- Kazachenkov S. D.** Digital technologies as a vector of transformation of the principle of justice and efficiency in the tax system of the modern state 115
Plakhtiy N. A. Legal fact and case: correlation in legal relations 121
Sterligova A. V. European approach to the delimitation of non-personal data for the purposes of civil circulation 126

- Requirements to the design of articles* 132

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА THEORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-7-18

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.01

Дата поступления: 11.07.2021
рецензирования: 20.08.2021
принятия: 28.08.2021

Система юридической ответственности в контексте политологии права (первичное приближение)

И. А. Кузьмин

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ),
г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: grafik-87@mail.ru

Аннотация: Теоретические и эмпирические данные указывают на необходимость признать ценность и применимость инструментария политологии права в юридических исследованиях. Определение научного статуса политологии права в качестве элемента общетеоретической науки о праве или самостоятельной науки на начальном этапе «апробации» ее методологических перспектив не является самоцелью. В статье предпринята попытка первичного осмысления политического содержания юридической ответственности и ее системы на нормативном и индивидуальном уровнях правового регулирования с использованием методов политологии права. На основе анализа общественно-политической практики, отечественных и зарубежных концептуальных идей, а также положений действующего законодательства России и специфики его применения автор приходит к выводу о глубоком проникновении политико-правовой действительности в структуру феномена системы юридической ответственности. Посредством определения границ «политического элемента» выявлены области соприкосновения системы юридической ответственности с социально-политической сферой в общем контексте процесса правообразования, оценки регулирующего воздействия и степени результативности правоприменительной деятельности. Раскрыты проблемные зоны системы юридической ответственности, требующие применения методов политологии права и наложения модели юридического процесса, опосредующего закрепление и реализацию ответственности, на модель политического процесса. Установлены перспективы и сформулированы предполагаемые результаты использования политико-правового анализа, политико-правового моделирования, политико-правового эксперимента и сравнительного политико-правового метода применительно к предмету исследования.

Ключевые слова: юриспруденция; политология права; юридическая ответственность; система юридической ответственности; объективное право; субъективное право; методы.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

Цитирование. Кузьмин И. А. Система юридической ответственности в контексте политологии права (первичное приближение) // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-7-18>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кузьмин И. А., 2021

Игорь Александрович Кузьмин – кафедра конституционного права, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ), 664011, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.07.2021
Revised: 20.08.2021
Accepted: 28.08.2021

System of legal liability in the context of political science of law (a first approximation)

I. A. Kuzmin

Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation
E-mail: grafik-87@mail.ru

Abstract: Theoretical and empirical data indicate the need to recognize the value and applicability of the political science tools of law in legal research. Determination of the scientific status of political science of law as an element of the general theoretical science of law or an independent science at the initial stage of «approbation» of its methodological prospects is not an end in itself. The article attempts to initially understand the political content of legal liability and its system at the normative and individual levels of legal regulation using the methods of political science of law. Based on the analysis of social and political practice, domestic and foreign conceptual ideas, as well as the provisions of the current legislation of Russia and the specifics of its application, the author comes to the conclusion that political and legal reality deeply penetrates into the structure of the phenomenon of the system of legal liability. By defining the boundaries of the «political element», areas of contact of the legal liability system with the socio-political sphere in the general context of the legal formation process, assessment of the regulatory impact and the degree of effectiveness of law enforcement are identified. The problem areas of the system of legal liability are revealed, requiring the application of the methods of political science of law and the imposition of the model of the legal process, mediating the consolidation and realization of liability, on the model of the political process. The prospects are established and the expected results of the use of political and legal analysis, political and legal modeling, political and legal experiment and a comparative political and legal method in relation to the subject of research are formulated.

Key words: jurisprudence; political science of law; legal liability; system of legal liability; objective law; subjective law; methods.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-011-00103 A «Legal responsibility in the legal system of Russia: the concept of interaction, interrelationships and elimination of contradictions with other elements of the legal system».

Citation. Kuzmin I. A. *Sistema yuridicheskoi otvetstvennosti v kontekste politologii prava (pervichnoe priblizhenie)* [System of legal liability in the context of political science of law (a first approximation)]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-7-18> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Kuzmin I. A., 2021

Igor A. Kuzmin – Department of Constitutional Law, Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, 4, Nekrasov Street, Irkutsk, 664011, Russian Federation.

В статье, опубликованной в четвертом номере журнала «Право и политика» за 2021 г., мы обозначили авторское видение политологии права как перспективного научного направления в юридических исследованиях. Настоящая работа посвящена первичному осмыслению многоаспектного феномена «система юридической ответственности» на основе сформулированных ранее методов политологии права и предшествующих изысканий по тематике [1; 2].

Под системой юридической ответственности мы предлагаем понимать *комплексную правовую категорию, элементы которой находятся во множественных связях с правовой системой и взаимодействуют как единое целое для достижения целей и выполнения функций юридической ответственности на уровне объективного права (в нормах) и субъективного права (в конкретных правоотношениях)*.

В целях раскрытия обозначенной проблематики сконцентрируемся на следующих вопросах:

1) области соприкосновения системы юридической ответственности с социально-политической сферой;

2) проблемные зоны системы юридической ответственности, требующие применения методов политологии права;

3) предполагаемые результаты и перспективы использования методов политологии права в исследованиях системы юридической ответственности.

Области соприкосновения системы юридической ответственности с социально-политической сферой достаточно многочисленны, охватывают практически все подсистемы юридической ответственности и непосредственно вытекают из

общественной практики. Так, Д. Ллойд предположил, что толерантность как одна из важнейших ценностей демократического общества должна распространяться на все категории граждан и все «спектры» высказываемых ими мнений, кроме тех ситуаций, когда они содержат призыв одной группы лиц к нетерпимости по отношению к другой социальной группе. В обозначенном ключе можно признать моральное и юридическое право подавлять подобную нетерпимость, однако принятие принудительных мер следует поставить в зависимость от целесообразности и особенностей государственной политики, проводимой в соответствующий период времени [3, с. 158]. Б. И. Зеленко убедительно доказывает общность политической и конституционно-правовой ответственности, полагая, что вторая выступает своеобразной формой первой. Исследователь признает возможность исследования политической ответственности с позиции права и видит в ней атрибутивное свойство демократического правового государства и индикатор развития социальных процессов, причем неразвитость политических традиций в России обуславливается неразвитостью самой политической ответственности и ее правовой формы. Обозначена необходимость разработки обновленного теоретико-методологического подхода к политической ответственности [4, с. 142].

Очевидно, что «политический элемент» в системе юридической ответственности следует искать не только в структуре юридической деятельности, но и за ее пределами, охватив своим вниманием также предшествующие данной деятельности и последующие обстоятельства и следствия (последствия). С точки зрения юриспруденции состояние «до» появления юридической ответственности как

института права (в объективном смысле) можно рассмотреть в контексте общего процесса правообразования и оценки (анализа) регулирующего воздействия, а состояние «после» применения юридической ответственности (в субъективном смысле) в определенной части охватывается степенью результативности (эффективности) правоприменительной деятельности.

Правообразование – объемный и многоуровневый процесс зарождения и оформления предпосылок правового регулирования [5]. Начинаясь со стадии возникновения общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании (объективный элемент), далее он переходит в стадию осознания потребности в регулировании (субъективный элемент) и завершается заключительной стадией урегулирования общественных отношений – правотворчеством. По-видимому, предпосылки появления потребности в установлении юридической ответственности (изменении ее системы) возникают объективно, следуя динамике общественного развития. Так, в 2020 г. система юридической ответственности в России претерпела изменения в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, когда в уголовное и административное законодательство был внесен ряд поправок, устанавливающих (конкретизирующих) ответственность за нарушения режима карантина и сопутствующие нарушения (федеральные законы от 01.04.2020 № 99-ФЗ¹ и от 01.04.2020 № 100-ФЗ²). Продолжаются дискуссии об особенностях ответственности за причинение ущерба беспилотными транспортными средствами [6, с. 117–120] и действия искусственного интеллекта. Так, эксперты Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) убеждены, что известная самостоятельность технологий, работающих на основе искусственного интеллекта, ставит новые задачи перед теорией и практикой юридической ответственности³.

Оценка регулирующего воздействия (ОРВ) проводится на этапе правотворческой деятельности и заключается в перспективном анализе предполагаемого воздействия проектов нормативных правовых актов на общественные отношения после обретения ими юридической силы. Так, согласно ст. 26.3-3 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ⁴, в России процедура ОРВ проводится в отношении проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, обеспечивающих правовое регулирование предпринимательской и инвестиционной деятельности, включая вопросы ответственности за нарушение правил в данной сфере. Оценка проводится на основании специ-

альных методических рекомендаций, утвержденных приказом Минэкономразвития от 26.03.2014 № 159⁵. Между тем возможности и границы применения ОРВ в правовой сфере могут быть существенно расширены и усовершенствованы по сравнению с действующим законодательством, если посмотреть на этот вопрос с позиции политико-управленческого аспекта. Необходимо понимать, что оценка заключается в выявлении некоторой совокупности способов решения проблемы и выбора наиболее оптимального и приемлемого из них. Несмотря на различные подходы и механизмы, общий подход к выбору модели правового регулирования един: достичь максимальной пользы (выгод) при минимальных издержках. При этом итоговое заключение об ОРВ дается субъектами, принимающими политические решения и формирующими пошаговый инструментальный оценки качества [7, с. 130]. Поэтому в принципиальном моменте следует согласиться с мнением Ю. Г. Арзамасова о том, что фактором активного внедрения института ОРВ в российскую практику является потребность в научном, методологически обоснованном правовом прогнозировании действия разрабатываемых правовых актов посредством избранной модели правового регулирования [8, с. 5, 16]. В проблеме определения государственно-управленческого (политического) содержания и конструкта оценки регулирующего воздействия ОРВ существенно преуспели специалисты Центра оценки регулирующего воздействия Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ⁶.

Степень результативности (эффективности) правоприменительной деятельности следует рассматривать в контексте норм права (уровень юридической ответственности в объективном смысле) и с точки зрения правоприменительных актов (уровень субъективной юридической ответственности). В. В. Кожевников, в частности, предлагает разграничивать эффективность норм права и эффективность их применения посредством обращения к системе «причина и следствие», одновременно отмечая, что результативность применения права является индикатором результативности осуществляемых норм [9, с. 43]. Анализируя эффективность мер юридической ответственности за нарушения норм земельного права, Е. Ю. Чмыхало ориентируется на принцип неотвратимости ответственности, сопоставляя удельное количество выявленных административных правонарушений с общим числом административных наказаний, назначенных за их совершение, а также общие статистические данные правонарушаемости в данной сфере. Кроме того, автор сравнивает сумму определенного суда вреда окружающей среде, причиненного земельными правонарушениями, и объем его возмещения, попутно отмечая отсутствие в правоприменительной практике единого

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (01.04.2021).

² Там же.

³ Официальный сайт НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/227178200.html> (01.04.2021).

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (01.04.2021).

⁵ Там же.

⁶ Официальный сайт Центра оценки регулирующего воздействия НИУ ВШЭ. URL: <https://ria-center.hse.ru/about> (01.04.2021).

подхода к решению вопроса о возмещении причиненного вреда в денежной форме [10, с. 194–196]. О. М. Калашеева и М. В. Шавалеев также видят эффективность юридической ответственности в реализации принципа неотвратимости последней, а также в достижении общественно полезных результатов [11, с. 91–92; 12, с. 227–228]. М. А. Кулушева утверждает, что эффективное применение ответственности по отношению к органам и должностным лицам местного самоуправления может способствовать выработке таблицы оценочных критериев социальной и политической результативности соответствующих органов власти [13, с. 52]. О. М. Иванова убеждена, что эталоном (измерителем) эффективности юридической ответственности следует избрать «ценность регулируемых и охраняемых общественных отношений для законодателя и общества» [14, с. 41]. Широкое распространение в научной литературе получило мнение о юридической ответственности как о методе обеспечения законности и функционирования публичных институтов [15, с. 141].

Я. И. Тихонов уместно связывает эффективность мер юридической ответственности с ее превентивной функцией, реализуемой в сложных социально-экономических и политических условиях правовой системы России. Посредством данной функции становится возможным контролировать различные негативные социальные тенденции и бороться с их причинами, воздерживаясь от колоссальных трат на восстановление нарушенных прав и компенсацию (возмещение) причиненного вреда [16, с. 193]. М. Ю. Осипов предлагает математические приемы определения степени эффективности юридической ответственности при выполнении функций общей и частной превенции, а также восстановления нарушенного права [17, с. 117–120]. Вышеизложенные авторские позиции наглядно свидетельствуют о существовании большой вариативности при оценке степени результативности юридической ответственности *после* ее применения, но имеют единый общий объект – состояние социально-политической обстановки в обществе, ставшее следствием действия рассматриваемого правового феномена. Через призму права обозначенную ситуацию можно рассмотреть, исходя из состояния «наказанности» самого правонарушителя и ориентируясь на общественный резонанс (оценку), вызванный существованием юридической ответственности на уровне закона и ее реализацией в конкретных правоотношениях. Очевидно, что охарактеризовать результаты реализации юридической ответственности с точки зрения полученного эффекта можно лишь при учете системы позиций гражданского общества (социальный ракурс) и публично-правовых институтов (политический ракурс).

Проблемные зоны системы юридической ответственности, требующие применения методов политологии права.

Тот факт, что теория юридической ответственности была и остается одним из наиболее

дискуссионных элементов общей теории права, в юридической науке практически не отрицается. Количество «белых пятен» в познании системы ответственности велико, и некоторые из них могут быть исследованы исключительно при помощи междисциплинарного методологического подхода, сопряженного с применением целого комплекса специальных методов, включая и политологические. Ввиду всеобъемлющего и многоуровневого по отношению к правовой материи характера система юридической ответственности включает в себя множественные области, остро нуждающиеся в проработке с точки зрения политологии права. К их числу уместно отнести следующие:

1) политические предпосылки планирования и закрепления норм юридической ответственности, а также механизмов ее реализации в законодательстве;

2) уровень (степень), направленность и принадлежность конкретным субъектам различных политических позиций, реализуемых в ходе обсуждения и принятия правотворческих решений, способных затронуть систему юридической ответственности;

3) политические основания и традиции, сформировавшиеся в процессе применения норм юридической ответственности и положенные в основу правоприменительной практики;

4) политические причины (факторы) изменений и отклонений в правоприменительной практике, получившие массовое или единичное распространение;

5) политическое содержание актов толкования норм юридической ответственности и особенностей их применения.

Несмотря на фундаментальность указанных областей взаимодействия политической сферы и системы юридической ответственности, их нельзя воспринимать упрощенно – в отрыве от политогенеза. Государство всегда было и будет организацией публичной политической власти, которая объединяет специальные управленческие структуры, определяющие и применяющие меры юридической ответственности в отношении нарушителей права. Причем наличие эффективного механизма реализации юридической ответственности зачастую рассматривается в контексте «силы власти». Возможен и обратный феномен – ответственность государства за совершенные правонарушения, занимающая особое место в структуре политогенеза в рамках замкнутых циклов [18, с. 39, 70–71, 76, 173, 188]. Так, Н. В. Красницкий, размышляя о политическом содержании инноваций, пришел к выводу о необходимости рассмотрения самого «термина “инновации” в контексте общего политического развития государства и его политического процесса» [19, с. 266]. У. Шарма доказательно выстраивает алгоритм образования предпосылок для появления системы юридической ответственности как центрального элемента системы безопасности по типу сокращенного категорического силлогизма: цивилизация и культура прогрес-

сируют там, где человеческая жизнь защищена → безопасность человека обеспечивается лишь в хорошо управляемом государстве → человек остро нуждается в хорошо управляемом государстве, без которого общественный прогресс немислим → хорошо управляемое государство является условием для развития человека → государство – политический институт высшей важности, который поддерживает законность и правопорядок в обществе → государство является неотъемлемым элементом исследования политической науки. Отмечается, что в политической науке у большинства современных исследователей среди лидеров юридические методы, особенно успешно применяемые в «политических расследованиях» (political investigation) и находящиеся в системе «избранных» у немецких политических писателей. Ориентированность юридической методологии автор усматривает в констатации правосубъектности государства и содержания норм публичного права относительно юридического режима [20].

«Проблемность» как основной критерий для выявления зон системы юридической ответственности, требующих использования методов политологии права, заключается в установлении политической подоплеки и последствиях формулирования, реализации и интерпретации формально-правовых решений.

Одним из возможных методологических приемов фиксации обозначенной «проблемности» является сопоставление правового и политического процессов, исходя из трех суперпозиций: субъекты и объекты, ресурсы и взаимодействия, складывающиеся на различных этапах политического и правового процессов. П. К. Гончаров предложил свою модель развертывания политического процесса, проходящую несколько этапов: 1) этап зарождения политического процесса (вызревание противоречий и потребностей, нуждающихся в разрешении субъектами политики); 2) этап актуализации политического процесса (осознание субъектами политики соответствующих противоречий и потребностей, сопряженное со включением в политическую повестку вытекающих из данной ситуации вопросов); 3) этап институционализации (определение позиций политических субъектов и принятие ими решений); 4) этап реализации потенциала политического процесса (практическая деятельность субъектов политики по выполнению своих решений); 5) этап конституирования новой социальной и политической реальности (завершение политического взаимодействия, увязанного с его положительными и отрицательными итогами и их оценкой, а также продолжением жизни общества в новых условиях) [21, с. 84–86]. Если сопоставить предложенную модель с правовым процессом развития юридической ответственности, то можно обнаружить весьма показательные корреляции:

– на этапе зарождения политического процесса наблюдается еще не осознанное субъектами правотворчества (субъектами политики) возник-

новение потребности в принятии политического решения о введении (усилении, ослаблении или устранении) юридической ответственности для достижения требуемых показателей политической стабильности в контексте законности и правопорядка, что соответствует первому этапу процесса правообразования;

– этап актуализации политического процесса юридически свидетельствует о фиксации субъектами правотворчества (субъектами политики) необходимости введения (усиления, ослабления или устранения) юридической ответственности и может выражаться в формализации или официальном заявлении о включении данного вопроса в планы правотворческой деятельности, что соответствует второму этапу процесса правообразования;

– этап институционализации политического процесса заключается в правотворческой деятельности, сопряженной с активным участием в ней субъектов политики, предпринимаящих действия по разработке и утверждению правового акта о введении (усилении, ослаблении или устранении) юридической ответственности в том виде, который приемлем для определенной политической группы, что соответствует третьему этапу процесса правообразования;

– на этапе реализации потенциала политического процесса мы наблюдаем динамику ранее трансформированной системы юридической ответственности, по которой можно отследить корректировку правовой реальности и политических решений, выносимых в ходе действия измененного механизма правового регулирования;

– конституирование на завершающем этапе новой социальной и политической реальности связано с установлением пересмотренной правоприменительной практики и принятием новых нормативных и индивидуальных актов-разъяснений относительно трансформаций, которые претерпела система юридической ответственности.

Предложенный интегративный подход к восприятию политико-правового процесса становления и развития системы юридической ответственности не способен в полной мере показать все проблемные зоны ее взаимодействия с политической сферой, но вполне пригоден для определения перспектив применения методов политологии. Сложно игнорировать и то обстоятельство, что «усложнение общественных отношений и изменение общественно-политического строя обусловили как специализацию, так и унификацию отраслей отечественного права и законодательства... В свою очередь, данные процессы (и не только они) предопределили становление и развитие новых отраслевых институтов юридической ответственности» [22, с. 41–42].

Предполагаемые результаты и перспективы использования методов политологии права в исследованиях системы юридической ответственности.

Обозначим четыре наиболее перспективных (по нашему мнению) метода политологии права,

которые в потенциале способны обеспечить качественное развитие юридических исследований, включая и проблематику системы юридической ответственности. В их числе политико-правовой анализ, политико-правовое моделирование, политико-правовой эксперимент и сравнительный политико-правовой метод.

Охарактеризуем каждый из обозначенных методов, исходя из предполагаемых результатов и перспектив его использования в познании системы юридической ответственности.

Политико-правовой анализ является универсальным приемом познания политико-правовой действительности и в значительной степени представляет собой развитие базовых институциональных методов политических и юридических исследований. Ю. А. Нисневич обоснованно указывает, что данный метод относится к группе качественных и позволяет оперировать ценностными оценками при выявлении политических целей и результатов таких действий совместно с их правовой формализацией, что открывает существенные перспективы для построения целостного восприятия изучаемых объектов и предметов [23, с. 10]. Разграничивая правовую и политическую компоненты политико-правового анализа, в первую из них автор включает анализ содержания законодательства на соответствие его основному закону и глобальным международным актам о правах и свободах человека и гражданина, а во вторую – анализ политической направленности официальных решений (действий) органов власти на решение определенных вопросов [24, с. 8]. Не оспаривая в принципиальной части данную позицию, отметим, что правовую компоненту политико-правового анализа не следует сводить лишь к нормам права (правотворческой деятельности), она гораздо шире. Как верно заметил П. Крейг, исследуя при помощи политико-правового анализа принцип субсидиарности национального права государств-участников Европейского Союза (ЕС) в отношении наднационального права Европейского Союза, эффективность правового регулирования и политических решений также зависит от правоприменительной деятельности [25, с. 84–85]. Результаты использования метода политико-правового анализа в исследованиях системы юридической ответственности в перспективе должны разрешить до настоящего времени не решенные вопросы о социально-политических предпосылках установления юридической ответственности, о содержании политической воли, необходимой для применения и толкования (совершенствования) «мертвых» норм юридической ответственности, о политических оценках эффективности ответственности и многом другом.

Метод *политико-правового моделирования* предполагает специфический синтез, в результате которого из элементов отдельных политических и юридических явлений воссоздаются интегративные конструкции в виде фрагментарных образов политико-правовой реальности, отражающих

важнейшие признаки последней. Так, С. В. Кодан отмечает преимущества политико-юридического подхода в познании государственно-правового развития и размышляет над процессами российской модернизации в условиях отказа от конфликтной марксистской модели и стремления к западной модели развития общества. Моделирование общественных изменений в теории модернизации опирается, по мнению автора, на линейный подход [26]. С. В. Бондарев подчеркивает опасность простого механического переноса моделей организации и функции самоуправления в контексте изменений российской правовой и политической систем [27, с. 15]. В. А. Петрушкин убежден, что использование моделирования в праве позволит разобраться во взаимовлиянии правовой модели (законодательства и правоприменения), политической и экономической ситуации [28, с. 22]. А. Ю. Петухов демонстрирует обратную картину: от политического моделирования к правовой действительности [29, с. 20–21]. В свою очередь, А. Ю. Мамычев утверждает, что процесс обеспечения социокультурной общности и цивилизационной идентичности можно охарактеризовать посредством нескольких взаимосвязанных уровней. К примеру, эмпирический уровень политико-правовой жизни общества показывает специфику политического взаимодействия и обычных-правовых форм, в которых поведение складывается на основе типизированных моделей социально-властного взаимодействия. Институциональный уровень воплощает в себе типизированные модели позитивного взаимодействия в системе «личность – общество – государство», а его динамическая активность носит институционально-нормативный характер, охватывая законодательную, правоприменительную, судебную и иную политико-правовую практику. Уровень социально-культурной целостности также связан с устойчивыми формами и способами восприятия феноменов политико-правовой реальности с учетом обозначенных моделей взаимодействия [30, с. 14]. Размышляя над перспективами использования метода прогнозного моделирования в праве, Е. Н. Салыгин полагает, что изучение более широкого контекста регулятивных правовых предписаний характеризует институциональные связи правовых норм и среду их возникновения и развития (социально-экономические и политические условия). При создании того или иного правового предписания специалист по ОРВ должен определить, как данный акт впишется в систему приоритетов экономической политики государства. Моделирование правового поведения требует социолого-экономического анализа политических факторов среды функционирования правовых институтов [31, с. 12, 18, 22]. Результаты использования метода политико-правового моделирования в исследованиях системы юридической ответственности позволят уточнить институциональную структуру последней и особенности взаимодействия составляющих ее правовых средств с внешней политической средой на различных

этапах развертывания механизмов ответственности.

В перспективе станет возможным создать интегративную политико-правовую модель системы юридической ответственности, адаптированную для ее внедрения в общественно-политическую практику и учитывающую разнообразные факторы (противодействия) среды, в которой предполагается задействовать охранительный потенциал негативных санкций.

По отношению к рассмотренным методам *политико-правовой эксперимент* и *сравнительный политико-правовой метод* являются в большей степени вспомогательными и специализированными.

До недавнего времени возможность применения научного эксперимента политологической мыслью отрицалась. Вместе с тем новейшие исследования доказывают обратное, о чем свидетельствует, в частности, многолетнее исследование Дж. Холбеяна, посвященное выявлению социально-психологических причин формирования у взрослых людей избирательного абсентеизма (на основе экспериментального вмешательства по методике Fast Track, учитывающей ряд социально значимых характеристик) [32, с. 574–580]. Другим, не менее показательным примером выступает совместный проект авторского коллектива (Г. Симоновиц, Г. Кежди и П. Кардос), нацеленный на минимизацию и профилактику этнических предрассудков венгров по отношению к цыганам в форме онлайн-игры приключенческого жанра. Экспериментальная составляющая игры проявлялась в постановке перед участниками различных вопросов ситуативного характера, позволяющих оценить динамику и скорректировать в положительную сторону восприятие цыган игроками с последующим анализом результатов [33, 186–192]. Важность экспериментирования проявляется также в содействии социуму определять и решать вопросы «стратегии и тактики политического развития так, чтобы эта работа не создавала дополнительных сложностей текущей политике, не нарушала размерности хода политических дел» [34, с. 64]. В. Л. Волгин также полагает, что политическое экспериментирование выступает одним из основных факторов современной политической жизни и может рассматриваться с самых разных позиций, обладает вариативностью форм [35]. Метод правового эксперимента проявляется в контролируемой апробации предполагаемых изменений в правовой жизни при помощи правовых средств. Соответственно, правовой эксперимент применим к любым видам юридической деятельности, включая правотворческую и правореализационную (правоприменительную) [36, с. 29–31]. В. Н. Ельцов уместно обращает внимание, что цель правового эксперимента – идеальный результат, к достижению которого стремится экспериментатор (компетентный орган), проверяющий гипотезу предполагаемой к внедрению правовой идеи [37, с. 8]. Учитывая «неформальный» характер поли-

тической действительности и формализованную сущность правовых явлений, ставших объектом экспериментирования, мы склоняемся к тому, что *метод политико-правового эксперимента* синтезирует внутреннюю (политическую) и внешнюю (юридическую) составляющие, позволяя комплексно оценивать предполагаемые изменения в системе общественных отношений, предоставляя качественно новую информацию о возможных проблемах, рисках и перспективах взаимодействия затрагиваемых сфер. В числе проблемных вопросов, нуждающихся в политико-правовом эксперименте в России, мы предлагаем актуализировать исследования правового нигилизма в политической сфере и противоречий между социумом и государством, тормозящих развитие институтов гражданского общества. Система юридической ответственности также нуждается в политическом и праксеологическом осмыслении ответственности публичных органов власти [38, с. 40–41]. С учетом активного конституционно-правового и административно-правового реформирования, набирающего обороты в нашем государстве в последнее время, мы предлагаем рассмотреть возможность апробации законодательных новелл по совершенствованию юридической ответственности (например, муниципально-правовой) на одной из федеральных территорий, первая из которых была учреждена на основе поселка Сириус в Краснодарском крае.

Соответственно, эксперимент может пониматься не только как научный метод познания окружающей действительности, но и как способ ограниченного по времени, территории (кругу лиц) локального проектирования окружающей социальной реальности в целях получения необходимого опыта для принятия управленческих решений. Исходя из второй позиции, представляется возможным согласиться с В. А. Сивицким и М. Ю. Сорокиным в том, что к правовому эксперименту не обязательно «пристегивать» категорию научности, поскольку здесь важнее обеспечить нормотворческую рациональность, руководствуясь логикой управленческой деятельности [39, с. 18–19].

Сравнительный политико-правовой метод создает предпосылки для развития компаративистики политологии права, показывая особенности организации политических и правовых явлений и процессов в различных государствах и правовых системах в их соотношении (единстве, различии, взаимодействии и т. д.). А. А. Малиновский, размышляя о проблемах методологии сравнительного правоведения, приходит к убеждению, что сравнение правовых систем следует начинать с сопоставления их официальной символики, поскольку даже иллюзорное сходство может содержать в себе фундаментальные содержательные отличия, указывающие на политическую идеологию и ценности общества [40, с. 13]. А. Ю. Мордовцев, Т. В. Мордовцева и А. Ю. Мамычев, опираясь на работы античных философов, доказывают суще-

ствование политико-правовой действительности (пространства, мира, дискурса) и потребности ее изучения в сравнительном срезе [41, с. 32–40]. А. Лейпхарт замечает, что сравнительный метод в политических исследованиях зачастую используется интуитивно, без «подключения» его сильных сторон и понимания места в методологии [42, с. 682]. Взаимообусловленность политических и правовых процессов в каждом из государств ставит перед компаративистами задачу познать не только внешние юридические конструкции, отраженные в нормах права, но и общую политическую обстановку и факторы, влияющие на установление и реализацию данных конструкций. Показательным примером здесь может послужить исследование «Конституционно-правовая охрана в странах Северо-Восточной Азии», в которой авторы оценивали правоохранительную систему основных стран региона через призму ее конституционно-правовой организации, опираясь на политико-правовую ситуацию в государстве и стремясь сопоставлять выявленные особенности с ситуацией в Российской Федерации [43]. Сравнительный политико-правовой метод в отношении системы юридической ответственности важен как с позиции выявления слабых и сильных сторон межотраслевого института ответственности, так и с точки зрения понимания его политической обусловленности и соответствующих «неправовых» препятствий при его реализации на практике. Как уже было отмечено, институт публично-правовых органов, играя важную роль в правовом государстве, имеет непосредственную политическую подоплеку (нежелание органов власти создавать для себя потенциальный риск подвергнуться наказанию), которая также нуждается в выявлении и преодолении в общественно полезных целях, для чего необходимо обращаться и к зарубежному опыту.

Подведем итоги проведенному исследованию.

Во-первых, методологический инструментарий юридической науки нуждается в расширении и совершенствовании за счет привлечения методов и средств политологии права. Для этого необходимо решение трех базовых проблем: определение статуса политологии права в отношениях с юридическими и политическими науками; выявление обла-

стей их пересечения, обоснование специфических методов политологии права.

Во-вторых, на примере проблематики системы юридической ответственности можно проследить потенциал политологии права в исследовании политической составляющей этого важнейшего правоохранительного института. Система юридической ответственности – это комплексная правовая категория, элементы которой находятся во множественных связях с правовой системой и взаимодействуют как единое целое для достижения целей и выполнения функций юридической ответственности на уровне объективного права (в нормах) и субъективного права (в конкретных правоотношениях). Первичное «внедрение» в частную теорию юридической ответственности методологического инструментария политологии права должно проходить последовательно, по стадиям: 1) очерчивание области соприкосновения системы юридической ответственности с социально-политической сферой; 2) определение в данной области проблемных зон системы юридической ответственности, требующих применения методов политологии права; 3) оценка предполагаемых результатов и перспектив использования методов политологии права в исследованиях системы юридической ответственности.

В-третьих, учет особенностей всей совокупности видов юридической деятельности, в которых находят свои проявления отдельные элементы системы юридической ответственности, необходим для субсидиарного (восполнительного) применения методов и средств политологии права. На теоретическом уровне необходимо поэтапное наложение динамической модели юридической ответственности на модель политического процесса для выявления взаимодействия и противоречий между юридическими и политическими феноменами.

В-четвертых, достижения отечественной и зарубежной гуманитарной науки наглядно демонстрируют преимущества прямой и обратной интеграции политических и юридических методов, в результате которой возникают новые перспективные методологические конструкции политико-правового характера, которые могут актуализировать и укрепить позиции политологии права, а также расширить возможности комплексного познания социальных феноменов, включая и систему юридической ответственности.

Библиографический список

1. Кузьмин И. А. Методологические ориентиры в общетеоретических исследованиях юридической ответственности // Журнал российского права. 2018. № 7 (259). С. 62–72. DOI: http://doi.org/10.12737/art_2018_7_5.
2. Кузьмин И. А. Система юридической ответственности как объект научных исследований // Государство и право. 2018. № 10. С. 61–70. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013207690002074-3>.
3. Ллойд Д. Идея права / пер. с англ. М. А. Юмашевой, Ю. М. Юмашевой. Изд. 5-е. Москва: КНИГОДЕЛ, 2009. 376 с. URL: <http://padabum.com/x.php?id=111022>.
4. Зеленко Б. И. О политической ответственности // Власть. 2016. Т. 24, № 4. С. 138–143. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25933926>.
5. Корнев А. В., Богмацера Э. В. К вопросу о понятии правообразования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 2 (5). С. 5–9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12885422>.

6. Чучаев А. И., Маликов С. В. Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортным средством: состояние и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 117–124. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.117-124>.
7. Минаев А. В. Оценка регулирующего воздействия: современное состояние и перспективы развития в России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2011. № 4. С. 127–142. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17046831>.
8. Арзамасов Ю. Г. Оценка регулирующего воздействия и риски в праве: опыт России и континентальной Европы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 5. С. 4–31. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.5.4.31>.
9. Кожевников В. В. Эффективность норм права и эффективности их применения // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3 (147). С. 39–44. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29373078>.
10. Чмыхало Е. Ю. Эффективность государственного принуждения в земельном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 3 (122). С. 190–200. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35331560>.
11. Калашеева О. М. Проблемы эффективности юридической ответственности // Вестник науки. 2018. Т. 2, № 9 (9). С. 91–92. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36543130>; <https://www.xn---8sbempeclwd3bmt.xn--plai/article/560>.
12. Шавалеев М. В. О мерах повышения эффективности принципа неотвратимости на стадии реализации правоотношений юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 227–229. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18090775>; https://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media61819/79%20Savaleev.pdf.
13. Кулушева М. А. Институт юридической ответственности как метод оценки эффективности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2003. № 5. С. 39–52. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12417320>.
14. Иванова О. М. О проблеме эффективности юридической ответственности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2009. № 1 (5). С. 39–45. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16359872>.
15. Макарейко Н. В. Проблемы юридической ответственности государства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 137–142. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41437095>; http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2019_-_5_unicode/18.pdf.
16. Тихонов Я. И. Превенция и эффективность мер юридической ответственности // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33). С. 192–194. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22805508>.
17. Осипов М. Ю. Основные подходы к исследованию проблем эффективности юридической ответственности // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2, № 1 (2). С. 117–120. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23031159>.
18. Ромашов Р. А. Политогенез: Храм – Пóλις – Государство – State: монография. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. 300 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41225170>; <https://www.litmir.me/br/?b=668042&p=1>.
19. Красницкий Н. В. Политическое содержание инноваций // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5–1. С. 264–267. URL: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2011_5/44.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18242168>.
20. Sharma U., Sharma S. Principles and Theory of Political Science: 2 vols. Set. New Delhi: Atlantic Publishers & Distributors (P) Limited, 2007. 306 p.
21. Гончаров В. К. Политический процесс: сущность и содержание // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 78–86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32782938>.
22. Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий: монография / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского, А. А. Мусаткиной. Москва: РИОР, 2020. 658 с.
23. Нисневич Ю. А. Политико-правовой анализ как метод политических исследований // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Т. 4, № 1. С. 6–15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16050701>.
24. Нисневич Ю. А. Современные методы политических исследований // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2011. № 2. С. 5–16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16316663>.
25. Craig P. Subsidiarity: A Political and Legal Analysis // Journal of Common Market Studies. 2012. Vol. 50, S1. P. 72–87. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-5965.2011.02228.x>.
26. Кодан С. В. Политико-юридический подход в исследовании государственно-правового развития России (XIX – начало XX вв.) // Социодинамика. 2012. № 2. С. 88–117. URL: https://e-notabene.ru/pr/article_177.html; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21164856>.
27. Бондарев С. В. Политико-правовая институционализация местной власти в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 44 с. URL: <https://www.disscat.com/content/politiko-pravovaya-institutsionalizatsiya-mestnoi-vlasti-v-sovremennoi-rossii/read>.
28. Петрушкин В. А. Функции правового моделирования (теоретико-правовой обзор и анализ) // Государственная служба. 2014. № 4. С. 21–24. URL: <https://pa-journal.igsu.ru/articles/r78/1802>.

29. Петухов А. Ю. Моделирование политических и социальных процессов: электронное учебное пособие. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. 141 с.
30. Мамычев А. Ю. Формы и направления цивилизационного моделирования политико-правового развития российского общества: через прошлое в будущее // Журнал института наследия. 2018. № 2. С. 14. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/209.html>.
31. Салыгин Е. Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 12–35. URL: <https://law-journal.hse.ru/data/2014/11/21/1316205848/Салыгин.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21305967>.
32. Holbein J. B. Childhood Skill Development and Adult Political Participation // American Political Science Review. 2017. Vol. 111, Issue 3. P. 572–583. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0003055417000119>.
33. Simonovits G., Kézdi G., Kardos P. Seeing the World Through the Other's Eye: An Online Intervention Reducing Ethnic Prejudice // American Political Science Review. 2018. Vol. 112, Issue 1. P. 186–193. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0003055417000478>.
34. Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Экспериментирование в политических процессах по формированию правового государства // Информационная безопасность регионов. 2014. № 2 (15). С. 60–64. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22998256>.
35. Волгин В. Л. Политический эксперимент как фактор современной политической жизни: Проблемы и тенденции на опыте Республики Калмыкия: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Москва, 1999. 244 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19147627>.
36. Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: вопросы идентификации и преодоления: монография / под ред. В. Ю. Панченко, А. А. Петрова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 396 с. URL: <https://elib.grsu.by/katalog/566048pdf.pdf?d=true>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29716241>.
37. Ельцов В. Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 24 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/pravovoi-eksperiment-v-sovremennoi-rossii-problemy-effektivnosti/read>.
38. Маркунин Р. С. Система юридической ответственности органов публичной власти: принципы формирования // Государство и право. 2020. № 6. С. 35–42. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013207690009934-9>.
39. Сивицкий В. А., Сорокин М. Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15–30. URL: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.15.30>.
40. Малиновский А. А. Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3 (19). С. 9–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26620754>.
41. Мордовцев А. Ю., Мордовцева Т. В., Мамычев А. Ю. Сравнительное правоведение в античном философско-правовом мире: социокультурный и правоментальный анализ // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 32–41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35127031>.
42. Lijphart A. Comparative Politics and the Comparative Method // The American Political Science Review. 1971. Vol. 65, № 3. P. 682–693. DOI: <http://doi.org/10.2307/1955513>.
43. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Конституционно-правовая охрана в странах Северо-Восточной Азии: монография. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации, 2017. 115 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32775555>.

References

1. Kuzmin I. A. *Metodologicheskie orientiry v obshcheteoreticheskikh issledovaniyakh yuridicheskoi otvetstvennosti* [Methodological guidelines in general theoretical researches of legal liability]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 7 (259), pp. 62–72. DOI: http://doi.org/10.12737/art_2018_7_5 [in Russian].
2. Kuz'min I. A. *Sistema yuridicheskoi otvetstvennosti kak ob"ekt nauchnykh issledovaniy* [System of legal liability as object of scientific research]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2018, no. 10, pp. 61–70. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013207690002074-3> [in Russian].
3. Lloyd D. *Ideya prava. Perevod s angliiskogo M. A. Yumashevoi, Yu. M. Yumashevoi. Izd. 5-e.* [The idea of law. Translation from English by M. A. Yumasheva, Yu. M. Yumasheva. 5th edition]. Moscow: KNIGODEL, 2009, 376 p. Available at: <http://padabum.com/x.php?id=111022> [in Russian].
4. Zelenko B. I. *O politicheskoi otvetstvennosti* [On the political responsibility]. *Vlast'* [The Authority], 2016, vol. 24, no. 4, pp. 138–143. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25933926> [in Russian].
5. Kornev A. V., Bogmatsera E. V. *K voprosu o ponyatii pravoobrazovaniya* [On the question of the concept of legal education]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2008, no. 2, pp. 5–9. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12885422> [in Russian].
6. Chuchaev A. I., Malikov S. V. *Otvettvennost' za prichinenie ushcherba vysokoavtomatizirovannym transportnym sredstvom: sostoyanie i perspektivy* [Responsibility for causing harm by a highly automated vehicle: state and perspectives]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 6 (103), pp. 117–124. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.117-124> [in Russian].

7. Minaev A. V. *Otsenka reguliruyushchego vozdeistviya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya v Rossii* [Regulatory impact assessment: its current status and development prospects in Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2011, no. 4, pp. 127–142. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17046831> [in Russian].
8. Arzamasov Yu. G. *Otsenka reguliruyushchego vozdeistviya i riski v prave: opyt Rossii i kontinental'noi Evropy* [Regulatory Impact Assessment and Risks in Law: Experience of Russia and Continental Europe]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2019, no. 5, pp. 4–31. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.5.4.31> [in Russian].
9. Kozhevnikov V. V. *Effektivnost' norm prava i effektivnosti ikh primeneniya* [The effectiveness of the rule of law and the effectiveness of their application]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2017, no. 3 (147), pp. 39–44. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29373078> [in Russian].
10. Chmihalo E. Yu. *Effektivnost' gosudarstvennogo prinuzhdeniya v zemel'nom prave* [Effectiveness of state enforcement in land law]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy], 2018, no. 3 (122), pp. 190–200. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=3533156> [in Russian].
11. Kalasheeva O. M. *Problemy effektivnosti yuridicheskoi otvetstvennosti* [Problems of the effectiveness of legal responsibility]. *Vestnik nauki*, 2018, vol. 2, no. 9 (9), pp. 91–92. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36543130>; <https://www.xn----8sbempclwd3bmt.xn--p1ai/article/560> [in Russian].
12. Shavaleev M. V. *O merakh povysheniya effektivnosti printsipa neotvratimosti na stadii realizatsii pravootnoshenii yuridicheskoi otvetstvennosti* [About effectiveness of the principle inevitability of legal liability]. *Vektor nauki TGU. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences], 2010, no. 3, pp. 227–229. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18090775>; https://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media61819/79%20Savaleev.pdf [in Russian].
13. Kulusheva M. A. *Institut yuridicheskoi otvetstvennosti kak metod otsenki effektivnosti deyatel'nosti organov i dolzhnostnykh lits mestnogo samoupravleniya* [An institution of legal responsibility as a method to evaluate the efficiency of bodies and officials activity in local self-government]. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2003, no. 5, pp. 39–52. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12417320> [in Russian].
14. Ivanova O. M. *O probleme effektivnosti yuridicheskoi otvetstvennosti* [About the problem of efficiency of legal liability]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo*, 2009, no. 1 (5), pp. 39–45. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16359872>. [in Russian]
15. Makareyko N. V. *Problemy yuridicheskoi otvetstvennosti gosudarstva* [Problems of legal responsibility of the State]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2019, no. 5, pp. 137–142. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41437095>; http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2019_-_5_unicode/18.pdf [in Russian].
16. Tikhonov Ya. I. *Preventsiya i effektivnost' mer yuridicheskoi otvetstvennosti* [Prevention and effectiveness of the measures of legal responsibility]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of Vladimir Law Institute], 2014, no. 4 (33), pp. 192–194. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22805508> [in Russian].
17. Osipov Y. M. *Osnovnye podkhody k issledovaniyu problem effektivnosti yuridicheskoi otvetstvennosti* [The main approaches to the study of problems of effectiveness legal responsibility]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Studies], 2015, vol. 2, no. 1 (2), pp. 117–120. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23031159> [in Russian].
18. Romashov R. A. *Politogenez: Khram – Πόλις – Gosudar'stvo – State: monografiya* [Politogenesis: Temple – Πόλις – Gosudar'stvo – State: monograph]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2020, 300 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41225170>; <https://www.litmir.me/br/?b=668042&p=1> [in Russian].
19. Krasnitsky N. V. *Politicheskoe sodержание innovatsii* [Political content of innovations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2011, no. 5–1, pp. 264–267. Available at: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2011_5/44.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18242168> [in Russian].
20. Sharma U., Sharma S. *Principles and Theory of Political Science: 2 vols. Set*. New Delhi: Atlantic Publishers & Distributors (P) Limited, 2007. 306 p.
21. Goncharov P. K. *Politicheskii protsess: sushchnost' i sodержание* [Political process: nature and content]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2018, no. 2, pp. 78–86. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32782938> [in Russian].
22. *Yuridicheskaya otvetstvennost' v pravovoi sisteme Rossii: normativnye i pravorealizatsionnye problemy vzaimosvyazei, vzaimodeistviya i protivorechii: monografiya. Pod red. A. V. Mal'ko, D. A. Lipinskogo, A. A. Musatkinoi* [Legal responsibility in the legal system of Russia: normative and legal implementation problems of interconnections, interactions and contradictions. Ed by A. V. Mal'ko, D. A. Lipinsky, A. A. Musatkina]. Moscow: RIOR, 2020, 658 p. [in Russian].
23. Nisnevich Y. A. *Politiko-pravovoi analiz kak metod politicheskikh issledovaniy* [The method of political and legal analysis]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Administration Projection], 2011, vol. 4, no. 1, pp. 6–15. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16050701> [in Russian].
24. Nisnevich Y. A. *Sovremennye metody politicheskikh issledovaniy* [The modern methods of political research]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2011, no. 2, pp. 5–16. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16316663> [in Russian].

25. Craig P. Subsidiarity: A Political and Legal Analysis. *Journal of Common Market Studies*, 2012, vol. 50, Issue S1, pp. 72–87. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-5965.2011.02228.x>.
26. Kodan S. V. *Politiko-yuridicheskii podkhod v issledovanii gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii (XIX – nachalo XX vv.)* [Political and legal approach in the study of the state and legal development of Russia (XIX – early XX centuries)]. *Sotsiodinamika*, 2012, no. 2, pp. 88–117. Available at: https://e-notabene.ru/pr/article_177.html; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21164856> [in Russian].
27. Bondarev S. V. *Politiko-pravovaya institutsionalizatsiya mestnoi vlasti v sovremennoi Rossii: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [Political and legal institutionalization of local government in modern Russia: author's abstract of Doctoral of Political Sciences thesis]. Rostov-on-Don, 2009, 44 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/politiko-pravovaya-institutsionalizatsiya-mestnoi-vlasti-v-sovremennoi-rossii/read> [in Russian].
28. Petrushkin V. A. *Funksii pravovogo modelirovaniya (teoretiko-pravovoi obzor i analiz)* [The functions of legal modeling (a theoretical and legal review and analysis)]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Administration], 2014, no. 4, pp. 21–24. Available at: <https://pa-journal.igsu.ru/articles/r78/1802> [in Russian].
29. Petukhov A. Yu. *Modelirovanie politicheskikh i sotsial'nykh protsessov: elektronnoe uchebnoe posobie* [Modeling of political and social processes: an electronic tutorial]. Nizhny Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2015, 141 p. Available at: http://www.unn.ru/books/met_files/MCPP.pdf [in Russian].
30. Mamychev A. Yu. *Formy i napravleniya tsivilizatsionnogo modelirovaniya politiko-pravovogo razvitiya rossiiskogo obshchestva: cherez proshloe v budushchee* [Forms and directions of civilization modeling of political and legal development of the Russian society: in the future across the past]. *Zhurnal instituta naslediya* [The Heritage Institute Journal], 2018, no. 2, p. 14. Available at: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/209.html> [in Russian].
31. Salygin E. N. *Modelirovanie v prave: problemy i perspektivy* [Modeling in Law: Challenges and Prospects]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2013, no. 3, pp. 12–35. Available at: <https://law-journal.hse.ru/data/2014/11/21/1316205848/Сальгин.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21305967> [in Russian].
32. Holbein J. B. Childhood Skill Development and Adult Political Participation. *American Political Science Review*, 2017, vol. 111, Issue 3, pp. 572–583. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0003055417000119>.
33. Simonovits G., Kézdi G., Kardos P. Seeing the World Through the Other's Eye: An Online Intervention Reducing Ethnic Prejudice. *American Political Science Review*, 2018, vol. 112, Issue 1, pp. 186–193. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0003055417000478>.
34. Vestov F. A., Fast O. F. *Ekspérimentirovanie v politicheskikh protsessakh po formirovaniyu pravovogo gosudarstva* [Political experiments in political processes for creating a state governed by the rule of law]. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov*, 2014, no. 2 (15), pp. 60–64. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22998256> [in Russian].
35. Volgin V. L. *Politicheskii eksperiment kak faktor sovremennoi politicheskoi zhizni: Problemy i tendentsii na opyte Respubliki Kalmykiya: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02* [Political experiment as a factor in modern political life: Problems and trends on the experience of the Republic of Kalmykia: Candidate's of Political Sciences thesis: 23.00.02]. Moscow, 1999, 244 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19147627> [in Russian].
36. *Yuridicheskie prepyatstviya v realizatsii prav i zakonnykh interesov: voprosy identifikatsii i preodoleniya: monografiya. Pod red. V. Yu. Panchenko, A. A. Petrova* [Panchenko V. Yu., Petrova A. A. (Eds.) Legal obstacles in the realization of rights and legitimate interests: issues of identification and overcoming]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2016, 396 p. Available at: <https://elib.grsu.by/katalog/566048pdf.pdf?d=true>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29716241> [in Russian].
37. Eltsov V. N. *Pravovoi eksperiment v sovremennoi Rossii: problemy effektivnosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal experiment in modern Russia: problems of efficiency: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Tambov, 2009, 24 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/pravovoi-eksperiment-v-sovremennoi-rossii-problemy-effektivnosti/read> [in Russian].
38. Markunin R. S. *Sistema yuridicheskoi otvetstvennosti organov publichnoi vlasti: printsipy formirovaniya* [System of legal responsibility of public authorities: principles of formation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 6, pp. 35–42. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013207690009934-9> [in Russian].
39. Sivitsky V. A., Sorokin M. Yu. *Pravovoi eksperiment i razvitie prava* [Legal experiment and development of law]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2016, no. 4, pp. 15–30. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.15.30> [in Russian].
40. Malinovsky A. A. *Metodologiya sravnitel'nogo pravovedeniya* [Methodology of comparative law]. *Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2016, no. 3 (19), pp. 9–24. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26620754> [in Russian].
41. Mordovtsev A. Yu., Mordovtseva T. V., Mamychev A. Yu. *Sravnitel'noe pravovedenie v antichnom filosofsko-pravovom mire: sotsiokul'turnyi i pravomental'nyi analiz* [Comparative jurisprudence in the ancient philosophical and legal world: sociocultural and legal analysis]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Research], 2018, no. 4, pp. 32–41. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35127031> [in Russian].
42. Lijphart A. Comparative Politics and the Comparative Method. *The American Political Science Review*, 1971, vol. 65, no. 3, pp. 682–693. DOI: <https://doi.org/10.2307/1955513>.
43. Yurkovsky A. V., Kuzmin I. A. *Konstitutsionno-pravovaya okhrana v stranakh Severo-Vostochnoi Azii: monografiya* [Constitutional and legal protection in the countries of North-East Asia: monograph]. Irkutsk: Irkutskii yuridicheskii institut (filial) Akad. Gen. prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2017, 115 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32775555> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-19-24

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13, 340.14

Дата поступления: 27.06.2021

рецензирования: 30.07.2021

принятия: 28.08.2021

О некоторых подходах к определению дефиниции источников русского права в трудах советских ученых**О. Ю. Ельчанинова**

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: olga220169_69@mail.ru

Аннотация: В работе проведено исследование существенных характеристик понятия «источники права», показано разнообразие позиций по вопросам систематизации источников русского права, дана характеристика концептуальных подходов к их классификации. Основной объем произведения посвящен анализу учения об источниках права, утвердившегося в правовой доктрине в советский период. Сделан вывод о том, что содержание понятия зависит от конкретной эпохи, в условиях которой оно формировалось. В советский период в правовом понимании доминировал нормативно-позитивистский подход с акцентом на изучение природы формальных источников права, отражающих причины юридической обязательности нормы. Указано, что советские ученые под источниками права в материальном смысле понимали материальные условия общественной жизни. Автором показано, что отсутствие унификации термина «источники права» определяется существенной полисемичностью его структурных элементов. Советские ученые, прикоснувшиеся к учению об источниках русского права, опираясь на предыдущие труды, привносили в него что-то новое, расширяя понятийно-категорийные границы.

Ключевые слова: источник права; форма права; сущность права; признаки права; источник права в формальном смысле; источник права в материальном смысле; нормативный факт; активные и неактивные источники; монистический подход к праву; теория позитивного права; нормативистский подход к пониманию права.

Цитирование. Ельчанинова О. Ю. О некоторых подходах к определению дефиниции источников русского права в трудах советских ученых // *Юридический вестник Самарского университета*. 2021. Т. 7, № 3. С. 19–24. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-19-24>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ельчанинова О. Ю., 2021

Ольга Юрьевна Ельчанинова – старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт ФСИН России, 109388, Российская Федерация, г. Москва, ул. Нарвская, 15, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 27.06.2021

Revised: 30.07.2021

Accepted: 28.08.2021

On some approaches to determining the definition of sources of Russian law in the works of Soviet scientists**O. Yu. Elchaninova**

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

E-mail: olga220169_69@mail.ru

Abstract: The article studies the essential characteristics of the concept of «sources of law», shows a variety of positions on the issues of systematization of sources of Russian law, gives a characteristic of conceptual approaches to their classification. The main volume of the work is devoted to the analysis of the doctrine of the sources of law, which was established in the legal doctrine in the Soviet period. The conclusion is made that the content of the concept depends on the specific era in which it was formed. In the Soviet period, a normative approach prevailed in legal thinking with an emphasis on studying the nature of formal sources of law, reflecting the reasons for the legal obligation of a norm. It is indicated that Soviet scientists understood the material conditions of social life as sources of law in the material sense. The author shows that the lack of unification of the term «sources of law» is determined by the essential polysemicity of its structural elements. Soviet scientists who touched the doctrine of the sources of Russian law, relying on previous works, brought something new to it, expanding the conceptual and categorical boundaries.

Key words: source of law; form of law; essence of law; signs of law; source of law in the formal sense; source of law in the material sense; normative fact; act and non-act sources; monistic approach to law; theory of positive law; normative approach to understanding law.

Citation. Elchaninova O. Yu. *O nekotorykh podkhodakh k opredeleniyu defnitsii istochnikov russkogo prava v trudakh sovetskikh uchenykh* [On some approaches to determining the definition of sources of Russian law in the works of Soviet scientists]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 19–24. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-19-24> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Elchaninova O. Yu., 2021

Olga Yu. Elchaninova – senior researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, bldg. 1, 15, Narvskaya Street, Moscow, 109388, Russian Federation.

В условиях глобальных изменений, произошедших в России в течение последних десятилетий, затронувших политическую, экономическую, социальную сферы общественной жизни, отечественная наука столкнулась с необходимостью оценки этих изменений, объяснения их причин, прогноза развития глубинных процессов, запущенных в обществе. Как показывает исторический опыт, подобная оценка невозможна без проведения историко-правовых исследований. Смена политического строя в стране, с одной стороны, открыла доступ к документам, архивным материалам, недоступным к исследованию в советский период в силу политической ангажированности, а с другой стороны, позволила исследователям по-новому взглянуть на известные исторические материалы. Между тем введение в научный оборот новых документов не повлияло существенным образом на изменение устоявшихся представлений о многих социальных явлениях, в том числе о национальной правовой системе. В этой связи очевидным становится потребность в обновлении методического инструментария, способного расширить представление о правовой природе источников русского права. Актуальность такого обновления подтверждается наличием большого количества исследований различных аспектов учения об источниках права, проводимых в современной России. В своих работах, учитывая новые подходы, отечественные исследователи развивают дискуссионные вопросы относительно соотношения понятий «источник» и «форма» права, классификации источников права, отграничения их от смежных категорий, таких как «исторический источник», «исторический памятник» и т. п.

Во многих современных исследованиях авторы продолжают поиск наиболее точной дефиниции, охватывающей все существенные характеристики понятия «источник права». Непрекращающиеся дискуссии по этому вопросу объясняются, с одной стороны, отсутствием унифицированного понятийного аппарата, а с другой – многозначностью самого понятия «источник права». Многозначность этого понятия отмечалась многими авторами. В словаре В. Даля «источник права» определяется и как сила, и как источник, и как начало чему-либо, и как письменный документ [1, с. 59].

В историко-правовой науке понятие «источник» используется для объяснения причин какого-либо явления. В теории права множественность толкования понятия «источник права» объясняется тем, что этим понятием обозначаются как формальные, так материальные источники права. В рамках данной статьи мы рассмотрим подходы к дефиниции источников права, нашедшие отражение в трудах советских ученых.

В советской историографии источников права в зависимости от приоритетов в выборе методов исследования можно выделить два этапа: 1) 1917–1920-х гг.; 2) середина 1920-х гг. – 1991 г.

На первом этапе марксистская идеология еще не оказывала всеобъемлющего влияния на отечественную правовую науку, поэтому сохранялись дореволюционные подходы в исследовании источников права, публиковались труды по истории права, дипломатике, являющиеся логическим продолжением исследований, начатых на рубеже XIX–XX вв. Так, А. С. Лаппо-Данилевский был разработчиком теоретических основ отечественной дипломатики, которые позже легли в основу феноменологической концепции юридического источниковедения. Важным критерием для «систематизации» источников он считал их значение для познания. В его классификации можно обнаружить деление всех источников на два вида: источники, изображающие факт, и источники, обозначающие факт. При этом автор не исключает наличия источников смешанного характера, которые содержат признаки одного и другого вида. А. С. Лаппо-Данилевский не исключал возможности еще одного классификационного принципа – тематического, согласно которому источники следует различать «по их конкретному содержанию». Он определил такие акты, как «документы или “грамоты” с правозначимым содержанием, то есть такие, которые определяют некое правоотношение – правительственное постановление или юридическую сделку – в письменную форму» [2, с. 39]. Их, в свою очередь, он разделил на акты осведомительного (декларативного) и акты удостоверительного (конститутивного) характера. В первом случае акт служит «для показания о состоявшемся правоотношении; он создается для закрепления в памяти тех действий или событий, которые породили его»; во втором случае акт является «основанием для признания правоотношения состоявшимся; он составляется для закрепления тех элементов или условий, из которых оно состоит» [2, с. 40–41]. Хотя ученый не исключал и смешения квалифицирующих признаков этих видов актов, а посему их различие могло быть весьма условным.

Несмотря на серьезные наработки в области методологии и дипломатики, работам А. С. Лаппо-Данилевского все же не удалось избежать серьезной критики, прежде всего со стороны историков права. В качестве основного контраргумента его концепции называлось отсутствие четких границ, критериев для дифференциации источников на активные и неактивные.

В работах Ф. В. Тарановского исследовались понятие и классификация источников права [3, с. 168]. В своих исследованиях Федор Васильевич чаще всего обращался к сравнительно-правовому ме-

тоду, считая его верным спутником позитивизма. Он определял основные подходы к исследованию источников права, признавая плюрализм всесторонним подходом к изучению историко-правовых явлений. Ф. В. Тарановский поддерживал позицию Л. И. Петражицкого относительно термина «нормативный факт». По его мнению, процесс позитивации права представляет собой превращение известного представления, мнения, суждения о правах и обязанностях в обязательную норму поведения. Факт, с которым соединяется такое превращение, вполне правильно и уместно назвать нормативным фактом» [3, с. 169]. Например, если после изучения закона поведение человека становится правомерным, то такой закон можно считать «нормативным фактом». И наоборот.

Как отмечалось ранее, начало второго этапа развития советской историографии приходится на середину 1920-х. В отличие от предыдущего этапа, когда в научной среде еще допускался плюрализм мнений, формирующаяся советская наука рассматривала все общественные процессы исключительно с марксистских позиций. Ученые, получившие образование в советское время, прошедшие через институт красной профессуры и пришедшие на смену дореволюционным исследователям, в основе своей, кто вынужденно, кто вполне осознанно, опирались на марксистско-ленинские постулаты, являющиеся для советской науки аксиомами. Общие тенденции развития советской науки оказали решающее влияние на учение об источниках права. В полной мере это проявилось в трудах М. А. Рейснера [4], П. И. Стучки [5], Д. И. Курского [6], Е. Б. Пашуканиса [7] и др.

В системе взглядов М. А. Рейснера право представляет собой надстройку над экономическим базисом, т. е. оно есть результат производственных отношений [4, с. 248]. Он подчеркивал, что именно экономическая основа придает реальность праву, именно она обуславливает ту или иную его форму» [4, с. 249]. Кроме того, он трактовал право как совокупность представлений социума о должном, правильном «порядке вещей», закрепленных в социальных нормах – нравственности, религии, экономических правилах, обычаях, морали и т. п. Собственно, отсюда он и выводит термин – «правовая идеологическая форма», т. е. право как идеология, выраженная в определенной форме (классовой, общей и т. п.).

В трудах М. А. Рейснера присутствовал особый подход в определении понятия «право», которое он рассматривал как компромисс интересов и идеологий различных социальных групп (классов), а не как волю господствующего класса. Обосновывая вывод о том, что право является идеологической формой, ученый выделял его признаки, к которым относил: справедливость, компромиссность, идеологичность, связь с экономикой. В отличие от сложившейся практики, М. А. Рейснер исключал из перечня признаков права государственное принуждение и классовость.

П. И. Стучка, критикуя буржуазную науку за ее стремление к абстрактным конструкциям и за

ее нежелание признавать классовые противоречия, сформулировал концепцию «пролетарского права». По его мнению, подобно тому, как пролетарское государство выступает орудием подавления классового меньшинства, так и формы права такого типа представляют собой правила и законы этого насилия. П. И. Стучка, много рассуждая о соотношении права и закона, отмечает, что право классовое свое выражение находит в законе, а законодательство и законоприменение составляют монополию классовой государственной власти [5].

По мнению Е. Б. Пашуканиса, буржуазное право представляет собой последний и наиболее развитый тип права, он, в отличие от П. И. Стучки, отрицает наличие «пролетарского права». Евгений Брониславович считал, что в переходный период пролетариат может использовать для своих классовых интересов формы права предыдущей формации, после чего за ненадобностью оно само отомрет. В дальнейшем Е. Б. Пашуканис момент отмирания буржуазного права связал с отменой рыночных отношений и переходом к плановой экономике с ее централизованным производством и распределением. Он четко разграничивал нормативное и правовое начала, полагая, что чем больше норм, тем меньше права. Он, открыто полемизируя с нормативистами, одним из первых в исследовании права понял ложность дихотомии «инструментальность – формальность». Не отказавшись от марксистской теории права, он представил интересную формулировку, согласно которой право, пока оно не сводится к воли господствующей социальной группы, существует автономно, т. е. оно может функционировать согласно своей внутренней динамике [7].

Учение об источниках права, опираясь на марксистскую методологию, развивали такие юристы, как: Н. Г. Александров, С. И. Вильнянский, С. А. Голунский, С. Л. Зивс, Д. А. Керимов, С. Ф. Кечекьян, М. С. Строгович и др.

С. Ф. Кечекьян, поддерживая марксистское положение о том, что право является возведенной в закон волей экономически господствующего класса, в своих трудах отстаивал тезис о том, что для того, чтобы воля господствующего класса приобрела правовое содержание, она должна быть в соответствующей форме объективирована. Являясь сторонником многозначности понятия «источники права», С. Ф. Кечекьян выделял источники права в материальном смысле, под которыми подразумевал материальные условия общественной жизни (уровень развития производственных отношений и производительных сил). Под источниками права в формальном смысле ученый понимал причины юридической обязательности нормы [8, с. 22].

В развитие этого положения А. Ф. Шебанов различал три значения понятия «источник права». В материальном смысле источник права, по его мнению, представлял «силу, которая создает право». В формальном смысле понималась форма, в соответствии с которой норма права становится общеобязательной [9, с. 25]. Под источниками по-

знания права ученый понимал различные носители информации, содержащие данные о праве в определенную историческую эпоху для конкретного общества. В своих исследованиях А. Ф. Шебанов содержанием права определял как объективированную в правовых нормах волю советского государства, а сущность советского права – как общую волю народа. Из этого он делал вывод о признаках советского права, к которым относил общеобязательность, нормативность и всеобщность.

Дальнейшее развитие учения об источниках права в 1960–1970 гг. привело к дифференцированному пониманию формы права, постановке проблемы соотношения внутренней и внешней форм права. Например, С. Л. Зивс под источником права понимал форму выражения и установления действующих правовых норм. Источник права – это внешняя форма объективизации правовой нормы. Именно это отграничивает источник права от других правовых актов, которые порождают, закрепляют, прекращают конкретное правоотношение [10, с. 25].

Развивая учение об источниках права, Д. А. Керимов исходил из признания взаимообусловленности категорий формы и содержания, утверждая, что единством формы и содержания права выступает правовая норма, а источником права является сила, порождающая право. Он также отмечал, что содержание права предопределяет его форму, а форма права организует его содержание [11, с. 218]. Основываясь на рассуждениях, приведенных выше, Д. А. Керимов выделял внутреннюю и внешнюю формы права. По его мнению, внутреннюю форму образует структура правовой нормы, а внешнюю форму можно отнести к категории источника права.

Во второй половине XX века развитие учения об источниках права основывалось не только на исследованиях общетеоретических аспектов, но и на исследованиях в области юридического источниковедения, дипломатики. Расширился круг тем, затрагиваемых в этих исследованиях. Например, в работах А. А. Введенского [12, с. 85–109] исследовалась подлинность источников права; труды С. М. Каштанова, Н. Е. Носова посвящались методике изучения жалованных грамот; в исследованиях С. С. Волкова [13], В. Я. Дерягина [14, с. 97–107] рассматривались язык и формуляр частных актов XVI–XVII вв. Продолжая традиции ученых XIX века, неocenимый вклад в исследование источников русского права внес А. И. Андреев, ученик А. С. Лаппо-Данилевского. Среди опубликованных работ А. И. Андреева можно выделить следующие: «Грамота 1685 г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XI» [15, с. 333], «Описание актов, хранящихся в Постоянной историко-археологической комиссии» [16, с. 288], «Новоторговый устав 1667 г.» [17, с. 303–307].

Применяя методику формулярного анализа, С. М. Каштанов указывал на необходимость разграничения актов и законов. По его мнению, назна-

чением законов является установление правовых норм, а акты лишь используют эти нормы права. Правоотношения, которые закрепляются актами, не должны противоречить принятым законодательным нормам (в том числе и нормам обычного права). Кроме того, актами в узком смысле ученый называл не весь массив разнородных документов, а лишь те из них, которые устанавливают определенные правоотношения.

Таким образом, проведенный анализ учения об источниках права в Советской России позволил нам сформулировать ряд тезисов.

Во-первых, содержание понятия зависит от того, какие именно социальные условия приводят к юридическому оформлению общественных отношений. В советский период в правопонимании доминировал нормативно-позитивистский подход с акцентом на изучение природы формальных источников права. Под источниками права в широком смысле понималась «диктатура пролетариата, советская власть» [19, с. 173], под источниками права в узком смысле – «законодательные нормы» [20, с. 44]. Таким образом, источниками права признавались установленные в официальном порядке формы выражения общенародной воли, посредством которых она приобретала общеобязательный характер [18, с. 173].

Во-вторых, отсутствие единообразного термина «источники права» определяется сущностной полисемичностью его структурных элементов. Ученые, предлагая альтернативные термины, например «форма права» (Г. Ф. Шершеневич), «нормативный фактор» (Л. И. Петражицкий, В. Ф. Тарановский), с одной стороны, расширяли понятийно-категорийные границы, а с другой – затрудняли процесс унификации понятийного аппарата, поскольку приходилось устанавливать соотношение вновь вводимых понятий с дефиницией «источники права».

В-третьих, проведенный анализ позиций советских ученых относительно источников русского права позволяет констатировать, что большинство исследователей поддерживали тезис о том, что в формальном понимании источники русского права логично дифференцировать по двум группам: 1) устанавливаемые государством; 2) санкционированные государством. К первой относились источники, содержащие властные предписания, а вторую группу образовывали те источники, которые изначально формировались обществом, а впоследствии санкционировались государством.

В-четвертых, в рассматриваемый период в научный оборот был введен огромный массив актов национального права, что имело большое теоретическое и практическое значение. Источники русского права, вновь вводимые в научный оборот, способствовали активизации научного поиска в деле разработки учения об источниках права и расширению представлений об эволюции отечественной правовой системы.

Библиографический список

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 2000. Т. 2. URL: <https://runivers.ru/lib/book3178/10118/>.
2. Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Санкт-Петербург: Северная звезда, 2007. 283 с. URL: <https://imwerden.de/publ-5008.html>.
3. Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Санкт-Петербург: Типография К. Маттисена, 1917. 534 с. URL: <https://www.litres.ru/f-taranovskiy/uchebnik-enciklopedii-prava/>.
4. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Москва; Ленинград: Госиздат, 1925. 276 с. URL: <https://ru.calameo.com/books/002381731a5c2017a5b13>.
5. Стучка П. И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве и о государстве. Т. 1. Москва: Госиздат, 1921. 125 с. URL: http://kritikaprava.org/library/135/revolyutsionnaya_rol_prava_i_gosudarstva_obschee_uchenie_o_prave.
6. Курский Д. И. На путях развития советского права: Статьи и речи. 1919–1926. Москва: Юридическое изд. НКЮ РСФСР, 1927. 118 с. URL: https://vk.com/wall-61771654_8859.
7. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. Москва: Изд-во Соц. акад., 1924. 160 с. URL: https://vk.com/wall-52467290_8751.
8. Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Ученые записки Московского государственного университета. Вып. 116. Труды Юридического факультета. Кн. 2. Москва, 1946. С. 3–25.
9. Шебанов А. Ф. О понятиях источника права и формы права // Правоведение. 1965. № 4. С. 23–33.
10. Зивс С. Л. Источники права. Москва: Наука, 1981. 240 с. URL: https://www.studmed.ru/zivs-s-l-istochniki-prava_f16a61e0f4a.html.
11. Керимов Д. А. Философские проблемы права. Москва: Мысль, 1972. 472 с.
12. Введенский А. А. Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв. Ленинград: Соцэкгиз, 1933. С. 85–109. URL: <http://opentextnn.ru/history/istochnikovedenie-history/xviii-xix/vvedenskij-a-falsifikacija-dokumentov-v-moskovskom-gosudarstve-xvi-xvii-vv>.
13. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974. 164 с.
14. Дерягин В. Я. Об историко-стилистическом исследовании актовых текстов // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 97–107. URL: <https://vja.ruslang.ru/archive/1980-4.pdf>.
15. Андреев А. И. Грамота 1685 г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XI // Летопись занятий Археографической комиссии. 1926. Вып. 33. С. 333–338.
16. Андреев А. И. Описание актов, хранящихся в Постоянной историко-археографической комиссии // Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии за 1926 год. 1927. Вып. 1 (34). С. 288–373.
17. Андреев А. И. Новоторговый устав 1667 г. (К истории его составления) // Исторические записки. 1942. Т. 13. С. 303–307.
18. Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 304 с. URL: https://www.rulit.me/data/programs/resources/fb2/Kollektiv-avtorov_Teoriya-gosudarstva-i-prava-Uchebnik_RuLit_Me_434402.fb2.zip.
19. Марченко М. Н. Источники права. 2-е изд. Москва: Норма, 2014. 672 с.
20. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. Москва, 1976. 264 с. URL: <https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=102>.

References

1. Dal V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 vols.]. Moscow, 2000, Vol. 2. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3178/10118> [in Russian].
2. Lappo-Danilevsky A. S. *Ocherk russkoi diplomatiki chastnykh aktov* [Essay on Russian diplomacy of private acts]. Saint Petersburg: Severnaya zvezda, 2007, 283 p. Available at: <https://imwerden.de/publ-5008.html> [in Russian].
3. Taranovsky F. V. *Uchebnik entsiklopedii prava* [Textbook of the encyclopedia of law]. Saint Petersburg: Tipografiya K. Mattisena, 1917, 534 p. Available at: <https://www.litres.ru/f-taranovskiy/uchebnik-enciklopedii-prava> [in Russian].
4. Rejsner M. A. *Pravo. Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshchee pravo* [Right. Our right. Someone else's right. Common law]. Moscow, Leningrad: Gosizdat, 1925, 276 p. Available at: <https://ru.calameo.com/books/002381731a5c2017a5b13> [in Russian].
5. Stuchka P. I. *Revolyutsionnaya rol' prava i gosudarstva. Obshchee uchenie o prave i o gosudarstve. T. I* [Revolutionary role of law and state. General doctrine of law and state. Vol. 1]. Moscow: Gosizdat, 1921, 125 p. Available at: http://kritikaprava.org/library/135/revolyutsionnaya_rol_prava_i_gosudarstva_obschee_uchenie_o_prave [in Russian].

6. Kursky D. I. *Na putyakh razvitiya sovetskogo prava: Stat'i i rechi. 1919–1926* [On the path of development of Soviet law: Articles and speeches. 1919–1926]. Moscow: Yuridicheskoe izd. NKYu RSFSR, 1927, 118 p. Available at: https://vk.com/wall-61771654_8859 [in Russian].
7. Pashukanis E. B. *Obshchaya teoriya prava i marksizm. Opyt kritiki osnovnykh yuridicheskikh ponyatii* [General theory of law and Marxism. Experience in criticizing basic legal concepts]. Moscow: Izd-vo Sots. akad., 1924, 160 p. Available at: https://vk.com/wall-52467290_8751 [in Russian].
8. Kechekyan S. F. *O ponyatii istochnika prava* [On the concept of the source of law]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Moscow, 1946, Issue 116. *Trudy Yuridicheskogo fakul'teta*. Book 2, pp. 3–25 [in Russian].
9. Shebanov A. F. *O ponyatiyakh istochnika prava i formy prava* [On the concepts of the source of law and the forms of law]. *Pravovedenie*, 1965, no. 4, pp. 23–33. [in Russian].
10. Zivs S. L. *Istochniki prava* [Sources of law]. Moscow: Nauka, 1981, 240 p. Available at: https://www.studmed.ru/zivs-s-l-istochniki-prava_f16a61e0f4a.html [in Russian].
11. Kerimov D. A. *Filosofskie problemy prava* [Philosophical problems of law]. Moscow: Mysl', 1972, 472 p. [in Russian].
12. Vvedensky A. A. *Fal'sifikatsiya dokumentov v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.* [Falsification of documents in the Moscow state of the XVI–XVII centuries]. Leningrad: Sotsekgiz, 1933, pp. 85–109. Available at: <http://opentextnn.ru/history/istochnikovedenie-history/xviii-xix/vvedenskij-a-falsifikacija-dokumentov-v-moskovskom-gosudarstve-xvi-xvii-vv> [in Russian].
13. Volkov S. S. *Leksika russkikh chelobitnykh XVII v. Formulyar, traditsionnye etiketnye i stilevye sredstva* [Vocabulary of Russian petitions of the XVII century. Entry form, traditional etiquette and stylistic means]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1974, 164 p. [in Russian].
14. Deryagin V. Ya. *Ob istoriko-stilisticheskoy issledovaniy aktovykh tekstov* [On historical and stylistic study of act texts]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 1980, no. 4, pp. 97–107. Available at: <https://vja.ruslang.ru/archive/1980-4.pdf> [in Russian].
15. Andreev A. I. *Gramota 1685 g. tsarei Ioanna i Petra Alekseevichei shvedskomu korolyu Karlu XI* [Charter of 1685 of kings John and Peter Alekseevich to the Swedish king Karl XI]. *Letopis' zanyatii Arkheograficheskoi komissii*, 1926, Issue 33, pp. 333–338 [in Russian].
16. Andreev A. I. *Opisanie aktov, khranyashchikhsya v Postoyannoi istoriko-arkheograficheskoi komissii* [Description of acts stored in the permanent historical and archaeological commission]. In: *Letopis' zanyatii Arkheograficheskoi komissii*, 1927, Issue I (34), pp. 288–373 [in Russian].
17. Andreev A. I. *Novotorgovyi ustav 1667 g. (K istorii ego sostavleniya)* [New trade charter of 1667 (On the history of its compilation)]. *Istoricheskie Zapiski* [Historical Transactions], 1942, vol. 13, pp. 303–307 [in Russian].
18. Golunskiy S. A., Strogovich M. S. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1940, 304 p. Available at: https://www.rulit.me/data/programs/resources/fb2/Kollektiv-avtorov_Teoriya-gosudarstva-i-prava-Uchebnik_RuLit_Me_434402.fb2.zip [in Russian].
19. Marchenko M. N. *Istochniki prava. 2-e izd.* [Sources of law. 2nd edition]. Moscow: Norma, 2014, 672 p. [in Russian].
20. Vasiliev A. M. *Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii teorii prava* [Legal categories. Methodological aspects of developing a system of categories of the theory of law]. Moscow, 1976, 264 p. Available at: <https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=102> [in Russian].

УГОЛОВНОЕ ПРАВО CRIMINAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-25-30

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.8

Дата поступления: 06.07.2021
рецензирования: 15.08.2021
принятия: 28.08.2021

Реализация принципа равенства и гарантирование прав осужденных

О. А. Адоевская

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: adoevskaya-olga@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам реализации общепризнанного принципа равенства в уголовно-исполнительном законодательстве и гарантированию прав осужденных, а также содержащихся под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Анализируются права осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Доказывается, что не все права осужденных и лиц, содержащихся под стражей, гарантируются законом в соответствии с принципом равенства, который относится к числу общепризнанных принципов международного права и российского права и направлен на защиту от дискриминации. Доказывается, что в уголовно-исполнительном законодательстве не предусмотрена достаточная совокупность законодательных ограничений, гарантирующих защиту от дискриминации по какому-либо из признаков социальной принадлежности. В настоящее время в уголовно-исполнительном законодательстве не закреплена возможность отбывать наказание в виде лишения свободы в отношении женщин и несовершеннолетних по месту жительства, как это предусмотрено для мужчин. Такое законодательное решение способствует разрыву семейных и социально полезных связей у осужденных женщин и несовершеннолетних. Запрет пользоваться адвокатами техническими средствами на территории исправительного учреждения является дискриминационным, поскольку ущемляет право осужденных к лишению свободы по сравнению с другими осужденными на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированной Конституцией Российской Федерации. В статье показаны различия уголовно-исполнительной политики в отношении имущих и неимущих лиц, что также является классово дискриминационным и недопустимым. Сделан вывод, что реализация принципа равенства осужденных перед законом является обязанностью законодательных и правоприменительных органов и способствует достижению целей уголовно-исполнительного законодательства, а также укреплению веры граждан в институты государственной власти.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство; общепризнанные принципы международного права; принцип равенства; запрет дискриминации; гарантирование прав осужденных.

Цитирование. Адоевская О. А. Реализация принципа равенства и гарантирование прав осужденных // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-25-30>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Адоевская О. А., 2021

Ольга Александровна Адоевская – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 06.07.2021
Revised: 15.08.2021
Accepted: 28.08.2021

Implementation of the principle of equality and guarantee of the rights of convicted persons

O. A. Adoyevskaya

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Abstract: The article deals with the problems of implementing the universally recognized principle of equality in penal enforcement policy and guaranteeing the rights of convicts, as well as suspects accused of committing crimes in custody.

The fundamental rights of convicted and detained persons are analyzed. It is proved that not all fundamental rights of convicted and detained persons are guaranteed by law in accordance with the principle of equality, which is among the universally recognized principles of international law and is aimed at international legal protection against discrimination. It is proved that the penal enforcement legislation does not provide for legislative restrictions guaranteeing protection against discrimination on any grounds. In the case of convicted and detained persons, there are often inequalities in gender, age, property and legal aid. Now an opportunity to serve prison term concerning women and minors at the place of residence as it is provided for men isn't enshrined in the criminal and executive legislation. Such a legislative decision contributes to the severance of family and socio-useful ties among convicted women and minors. The prohibition of the use of technical means by lawyers in the territory of a correctional institution is discriminatory, since it infringes on the right of convicts to receive qualified legal assistance, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. The article shows the differences in penal policy between the haves and the poor, which is also classically discriminatory and unacceptable. It was concluded that the implementation of universally recognized principles of international law, including the principle of equality of citizens before the law and the court, is the responsibility of the legislative and law enforcement agencies and contributes to the achievement of the goals of criminal enforcement legislation, as well as to strengthening citizens' faith in the institutions of State power.

Key words: penal law; principle of equality; prohibition of discrimination; universally recognized principles of international law; guaranteeing the rights of convicted persons.

Citation. Adoyevskaya O. A. *Realizatsiya printsipa ravenstva i garantirovanie prav osuzhdennykh* [Implementation of the principle of equality and guarantee of the rights of convicted persons]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-25-30> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Adoyevskaya O. A., 2021

Olga A. Adoyevskaya – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Одним из ключевых направлений в деле гарантирования прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, является последовательная реализация принципа равенства и запрета какой-либо дискриминации. Принцип равенства осужденных перед законом представлен в ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ). Положения о запрете дискриминации закреплены в ст. 6 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ.

Принцип равенства, включающий идеи равноправия, защиты от дискриминации, относится к числу общепризнанных принципов международного права. Это следует из положений Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. (ст. 1, 2), Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (п. 1 ст. 2, ст. 3, 24, 25, 26, 27), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (п. 2 ст. 2, ст. 3, п. 3 ст. 10), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (ст. 1), Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ст. 14).

В литературе отмечается, что «сам принцип недискриминации (равноправия, запрета дискриминации) может рассматриваться и как самостоятельное право человека (право на равное обращение), и как принцип правового положения человека в правовом государстве, предполагающий, что все люди могут в полном объеме и на равных основаниях осуществлять гарантируемые права и свободы» [1, с. 9].

В статье 19 Конституции РФ провозглашается равенство перед законом и судом и запрет на «лю-

бые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

Средством гарантирования принципа равноправия является ст. 136 УК РФ, в которой предусмотрена уголовная ответственность государственных и муниципальных должностных лиц и служащих за нарушение конституционного принципа равенства путем дискриминации. Заметим, что о дискриминации могут свидетельствовать ситуации, в которых допускается различное обращение с людьми, которые находятся в одинаковом положении при отсутствии разумных, объективных и достаточных оснований для разного обращения [2, с. 34–37].

Исследователи отмечают: «...в России большинство правовых норм, относящихся к равноправию и дискриминации, являются материальными нормами, и в законодательстве явно не хватает достаточных процедурных гарантий против дискриминации» [1, с. 302]. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении уголовно-исполнительного законодательства, в котором не предусмотрены законодательные ограничения, гарантирующие защиту от дискриминации по какому-либо из признаков социальной принадлежности.

Осужденные и лица, содержащиеся под стражей, не всегда имеют возможность реализовать свое право на равное отношение. Например, неравноправие в отношении названных лиц присутствует ввиду режимных ограничений: по признаку пола, возраста, имущественному положению, по доступу к информации, к получению образования, выбору труда, оказанию юридической помощи.

К неравенству осужденных привело сокращение исправительных учреждений в связи со снижением «тюремного населения» в результате пенитенциарной реформы: направленной на гума-

низацию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Уменьшение числа исправительных учреждений привело к тому, что не все осужденные имеют возможность отбывать наказание в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены (ч. 1 ст. 73 УИК РФ).

Особенно остро это отразилось на несовершеннолетних осужденных. Сокращение воспитательных колоний с 62 (в 2010 г.) до 18 (в 2021 г.) имеет своим следствием то, что теперь в большинстве субъектов Российской Федерации отсутствуют воспитательные колонии, поэтому несовершеннолетние осужденные, в отличие от взрослых осужденных, не имеют возможности отбывать наказание по месту жительства в целях сохранения их семейных и социально полезных связей. Особенно сложная ситуация складывается с несовершеннолетними осужденными женщинами. В настоящее время в РФ всего 2 женских воспитательных колоний, поэтому большинство их воспитанниц отбывает наказание вдали от дома.

К сожалению, возможность отбывать наказание по месту жительства в отношении женщин и несовершеннолетних не предусмотрена в уголовно-исполнительном законодательстве. Согласно ч. 3 ст. 73 УИК РФ, осужденные женщины, несовершеннолетние осужденные направляются для отбывания наказания по месту нахождения соответствующих исправительных учреждений.

Получается, что в более льготном положении оказались совершеннолетние мужчины, для которых законодателем предусмотрена возможность отбывать наказание по месту жительства или осуждения.

Необходимо заметить, что осужденные женщины и несовершеннолетние относятся к социально уязвимым категориям населения, что подтверждается на уровне международных актов, включая Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщины-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила). Следовательно, они нуждаются в особой государственной защите и поддержке и недопустимости дискриминации, даже если тяжелые последствия, связанные с отбыванием наказания в исправительном учреждении вдали от дома, специально против них не направлены.

Принцип равноправия полов и меры государственной поддержки материнства и детства гарантируются в основном законе страны – Конституции РФ (ст. 19 и 38 соответственно).

Следовательно, уголовно-исполнительное законодательство и практика его применения нуждаются в совершенствовании в части отбывания наказания в виде лишения свободы несовершеннолетними и женщинами. Необходимо для этой категории лиц предусмотреть возможность отбывать наказание в исправительных учреждениях

по месту жительства в целях сохранения их родственных и социально полезных связей. На такое решение проблемы нацеливают и Европейские пенитенциарные правила (п. 17.1).

Кроме того, необоснованно разным является отношение к осужденным к лишению свободы и осужденным к другим видам уголовного наказания по критерию права на юридическую помощь. Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» уточнен порядок предоставления свидания осужденным, лишенным свободы. Как следует из пояснительной записки к проекту названного Федерального закона, изменения направлены на совершенствование существующего порядка предоставления осужденным свиданий с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, в том числе с представителями в Европейском Суде по правам человека, лицами, оказывающими осужденным юридическую помощь в связи с намерением обратиться в Европейский Суд по правам человека, а также нотариусами, и на приведение законодательства Российской Федерации в соответствие с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Соответствующие изменения связаны с решением Европейского Суда по правам человека при рассмотрении жалобы № 1555/04 «Захаркин против Российской Федерации». Этим решением был выявлен правовой пробел в российском законодательстве, которое не предусматривает специальных правил для свиданий осужденных и их представителей в Европейском Суде.

Согласно законодательным новеллам, «для получения юридической помощи осужденным предоставляются свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, в том числе с представителями в Европейском Суде по правам человека, лицами, оказывающими осужденным юридическую помощь в связи с намерением обратиться в Европейский Суд по правам человека, нотариусами без ограничения их числа продолжительностью до четырех часов» (ч. 4 ст. 89 УИК РФ).

Но при этом адвокатам или иным лицам, имеющим право на оказание юридической помощи, теперь запрещено проносить на территорию исправительного учреждения технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись. На территорию исправительного учреждения адвокаты или иные лица, имеющие право на оказание юридической помощи, вправе проносить копировально-множительную технику, фотоаппаратуру и компьютеры – только для снятия копий с материалов личного дела осужденного, при этом должны пользоваться такими копировально-множительной техникой и фотоаппаратурой, компьютерами в отсутствие осужденного в отдельном помещении, определенном администрацией исправительного учреждения.

Запрет проносить на территорию исправительного учреждения технические средства связи в целях осуществления юридической защиты осужденных является дискриминационным, поскольку ущемляет их право на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированной ст. 48 Конституции РФ, и не соответствует конституционному запрету издавать законы, отменяющие или умаляющие права человека (часть 2 статьи 55 Конституции РФ).

Такое законодательное решение также противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, на которых основывается уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения (ч. 1 ст. 3 УИК РФ).

Так, Международный пакт о гражданских и политических правах гарантирует на основе полного равенства каждому, кому предъявлено уголовное обвинение: иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником (подпункт «b» п. 3 ст. 14). Аналогичные правила закреплены в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подпункты «b», «с» п. 3 ст. 6).

Но законодательные новеллы нарушают положения международных норм и дискриминируют осужденных к лишению свободы в части получения ими юридической помощи, которая должна оказываться им на основе полного равенства с другими гражданами.

Российские правозащитники также критикуют комментируемые законодательные новеллы и указывают, что запрет на использование звукозаписывающей аппаратуры ограничит возможности адвоката и иных лиц, имеющих право на оказание юридической помощи, по аудиофиксации показаний осужденного и его мнения по вопросу, являющемуся предметом оказания ему юридической помощи. Законодательные запреты и ограничения фактически исключают возможность фото-, кино- и видеофиксации адвокатами следов пыток, насилия или другого жестокого и бесчеловечного обращения с осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях.

Запрет пользоваться компьютером в присутствии осужденных серьезно осложнит процесс оказания юридической помощи ввиду отсутствия доступа к правовым системам («Гарант», «КонсультантПлюс»), повысит необходимую продолжительность и, следовательно, общую стоимость адвокатской помощи. Таким образом, делает ее менее доступной для осужденных к наказанию в виде лишения свободы. В отсутствие осужденного будет сложно оформлять адвокатские опросы и иные процессуальные документы. Кроме того, увеличение времени, необходимого для оказания осужденным правовой помощи, и, как следствие, число необходимых для ее оказания свиданий осужденных с адвокатами и иными лицами, имеющими право оказывать юридическую помощь, повысят загруженность помещений, ис-

пользуемых для свиданий осужденных с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, что также снизит доступность этой помощи для осужденных.

Напомним, что в 2017 году Верховным Судом РФ уже рассматривался аналогичный вопрос – проноса и использования адвокатом (защитником) при свиданиях с осужденным мобильных средств связи, фотоаппаратов, видео- и аудиотехники. Верховный Суд РФ рассмотрел административное исковое заявление гражданина Ш., имеющего статус адвоката, о признании частично недействующими пункта 77 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. № 295 (далее – Правила), и пункта 17 приложения № 1 к данным Правилам. Согласно названным пунктам Правил и приложения к ним, лицам, прибывшим на свидания, запрещается иметь при себе фотоаппараты, фотоматериалы, кинокамеры, видео-, аудиотехнику, электронные носители и накопители информации, средства мобильной связи и коммуникации либо комплектующие к ним, обеспечивающие их работу. Эти ограничения были распространены и на адвокатов. Гражданин Ш. указал, что оспариваемые положения ограничивают право адвоката (защитника) на оказание квалифицированной юридической помощи осужденному и не соответствуют ст. 48 Конституции РФ, ч. 1 ст. 16, п. 11 ч. 1 ст. 53, ст. 84, п. 1 ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, подпунктам 1, 3 п. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также противоречат целому ряду норм международного права. Верховный Суд РФ согласился с заявителем и удовлетворил административное исковое заявление¹.

Решение Верховного Суда РФ было обжаловано Министерством юстиции РФ и Генеральной прокуратурой РФ. Но Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ Апелляционным определением от 06 февраля 2018 № АПЛ17-529 оставила это решение без изменения.

С учетом правовых позиций Верховного Суда РФ также полагаем, что новые законодательные запреты и ограничения носят явно дискриминационный характер в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, поскольку ограничивают их в праве на получение квалифицированной юридической помощи по сравнению с другими категориями осужденных. Как следствие, ослабляются для них гарантии защиты и других конституционных прав.

¹ Решение Верховного Суда РФ от 10.11.2017 № АКПИ17-867 «О признании недействующим пункта 77 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утв. Приказом Минюста России от 16.12.2016 № 295, и частично недействующим пункта 17 приложения № 1 к указанным Правилам». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Еще одна актуальная проблема – неравное отношение к осужденным с учетом их имущественного положения. Запрет дискриминации, в том числе по признаку имущественного положения, который провозглашен в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 6), не всегда соблюдается в уголовно-исполнительной практике. Например, право на телефонный звонок родственнику предоставляется только тем подозреваемым и обвиняемым, у которых есть деньги на лицевом счете. Соответствующие положения закреплены в пп. 150, 151 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных Приказом Министерства юстиции РФ от 14 октября 2005 года № 189.

Таким образом, малообеспеченные люди ограничиваются в правах и не могут получить право на телефонный звонок родственнику или другому лицу. Принцип равенства в отношении лиц, содержащихся в следственных изоляторах, не реализуется ни законодателем, ни правоприменителем. Напротив, их правовой статус поставлен в зависимость от их имущественного положения.

В настоящее время в Министерстве юстиции РФ разработан проект приказа «О внесении изменений в Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденные приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 14 октября 2005 № 189». Согласно проекту, «подозреваемым или обвиняемым женщинам телефонный разговор со своими детьми предоставляется в течение 24 часов с момента поступления в СИЗО с письменного разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, либо суда» [3]. Не ясно, почему речь идет только о женщинах? В соответствии с принципом равенства право на телефонный звонок должно предоставляться и мужчинам, имеющим детей. Получается, что проигнорированы положения ст. 61 Семейного кодекса РФ о равенстве прав и обязанностей родителей и допущена дискриминация в отношении мужчин, имеющих детей.

Считаем, что критическое состояние уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации, несмотря на перманентное обновление уголовно-исполнительного законодательства, во многом связано с игнорированием самими участниками законодательного процесса принципов российского уголовно-исполнительного права, включая принцип равенства осужденных перед законом.

Ясно, что УИК РФ не может дать ожидаемых результатов, если его принципы не реализуются в законотворчестве, следовательно, не достигаются и цели уголовно-исполнительного законодательства.

Специалисты в области теории права указывали, что «правовая теория вольно или невольно связывала реализацию права преимущественно с поведением граждан. Между тем реализация права зависит в первую очередь от тех, кто его творит...

Исходной формой реализации права государством является законотворчество» [4, с. 418].

С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев в исследовании, посвященном принципам советского уголовного права, писали: «... нормы-принципы способны воздействовать и на позиции законодателя. ... При издании новых, изменении или отмене прежних уголовно-правовых предписаний законодатель всегда руководствуется не только объективными потребностями государства, общества, граждан, но и нравственными, этическими представлениями и правовыми взглядами людей, отраженными в принципах уголовного права. Принятие законодателем специальной нормы, статьи УК, закрепляющей тот или иной уголовно-правовой принцип, означало бы, что этим принципом он будет руководствоваться и в дальнейшем, в процессе разработки и принятия других уголовно-правовых норм» [5, с. 32].

Т. В. Кленова, исследуя принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве, заключает, что «все они имеют адресатом законодателя, но если принципы уголовного права представляют собой ориентир для наполнения норм уголовного закона правовым содержанием, то принципы кодификации определяют, как следует выражать уголовно-правовые нормы в законодательстве, чтобы добиться наилучших правовых результатов...» [6, с. 197].

Специалисты в области уголовно-исполнительного (ранее исправительно-трудового) права также указывали, что принципы должны пронизывать весь строй уголовно-исполнительного законодательства.

Так, А. Е. Наташев в работе, посвященной принципам советского исправительно-трудового права, писал: «Будучи продуктами общественного сознания, принципы исправительно-трудового права имеют определенное объективное содержание потому, что они обусловлены объективными закономерностями развития советского общества. С этой точки зрения принципы исправительно-трудового права имеют определяющее значение для построения системы данной отрасли права и ее институтов. Их объективный характер означает также, что закрепление этих принципов в правовых нормах и проведение в жизнь составляет материальную, объективную потребность и прокладывает себе дорогу, несмотря на игнорирование их в отдельные периоды» [7, с. 6]. Этот автор также считал, что принципы исправительно-трудового права должны получать прямое воплощение в той или иной норме или отражаться в группе норм, иначе они утратят свойство правового принципа. В своей работе он делал вывод, что Основы исправительно-трудового законодательства и исправительно-трудовые кодексы союзных республик являлись воплощением принципов советского исправительно-трудового права [7, с. 3–38].

Очевидно, что и на современном этапе развития уголовно-исполнительного законодательства требования принципов уголовно-исполнительного права должны не игнорироваться, а, напротив,

служить критерием выбора законодательных решений, обуславливать содержание уголовно-исполнительных норм, определять перспективы правоприменения и гарантировать сохранение идентичности этой отрасли.

Возвращаясь к принципу равенства перед законом, подчеркнем, что его цивилизационная цен-

ность подтверждена на уровне норм международного права. Несоблюдение принципа равенства в законодательской деятельности, а затем и в применении норм уголовно-исполнительного права работниками уголовно-исполнительной системы рискует вылиться в дискриминацию и подорвать доверие граждан к государственным институтам.

Библиографический список

1. Защита личности от дискриминации: в 3 т. Т 1 / [Дикман С. С. и др.]. Москва: Новая юстиция, 2009. URL: https://www.hse.ru/data/2010/03/19/1217889640/Hrestomatia_Tom_1_Block_NEW.pdf.
2. Кленова Т. В. Проблема равенства в уголовном праве // Российский судья. 2011. № 7. С. 34–38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16559341>.
3. Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=114449> (дата обращения: 10.05 2021).
4. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. академика РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсесянца. Москва: НОРМА (Издательская группа «НОРМА – ИНФРА-М»), 2001. 832 с. URL: <https://refdb.ru/look/1905070-pall.html>.
5. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. Москва: Наука, 1988. 176 с. URL: http://www.adhdportal.com/book_1671.html.
6. Кленова Т. В. Общие и специальные принципы уголовного права, их соотношение // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 1. С. 194–199. DOI: <http://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.1.30>.
7. Натасhev А. Е. Принципы советского исправительно-трудового права. Москва: ВНИИ МВД СССР, 1971, 40 с.

References

1. *Zashchita lichnosti ot diskriminatsii: v 3 t. T 1. [Dikman S. S. i dr.]* [Dickman S. S. et al. Protection of the individual against discrimination: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Novaya yustitsiya, 2009. Available at: https://www.hse.ru/data/2010/03/19/1217889640/Hrestomatia_Tom_1_Block_NEW.pdf [in Russian].
2. Klenova T. V. *Problema ravenstva v ugovnom prave* [Problem of equality in criminal law]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2011, no. 7, pp. 34–38. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16559341> [in Russian].
3. *Ofitsial'nyi sait dlya razmeshcheniya informatsii o podgotovke federal'nymi organami ispolnitel'noi vlasti proektov normativnykh pravovykh aktov i rezul'tatov ikh obshchestvennogo obsuzhdeniya* [Official website for posting information on the preparation by federal executive authorities of draft regulatory legal acts and the results of their public discussion]. Available at: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=114449> (accessed 10.05.2021) [in Russian].
4. *Problemy obshchei teorii prava i gosudarstva. Uchebnik dlya vuzov. Pod obshch. red. akademika RAN, d.yu.n., prof. V. S. Nersesyantsa* [Nersesyants V. S. (Ed.) Problems of the general theory of law and state. Textbook for universities]. Moscow: NORMA (Izdatel'skaya gruppa «NORMA – INFRA-M»), 2001, 832 p. Available at: <https://refdb.ru/look/1905070-pall.html> [in Russian].
5. Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. *Printsipy sovetskogo ugovnogo prava* [Principles of Soviet criminal law]. Moscow: Nauka, 1988, 176 p. Available at: http://www.adhdportal.com/book_1671.html [in Russian].
6. Klenova T. V. *Obshchie i spetsial'nye printsipy ugovnogo prava, ikh sootnoshenie* [General and special principles of criminal law and their correlation]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2017, vol. 16, no. 1, pp. 194–199. DOI: <http://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.1.30> [in Russian].
7. Natashev A. E. *Printsipy sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava* [Principles of Soviet correctional labor law]. Moscow: VNII MVD SSSR, 1971, 40 p. [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.236.1

Дата поступления: 14.07.2021
рецензирования: 21.08.2021
принятия: 28.08.2021

О видах неоконченного преступления

Е. В. Благов

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: blagov@uniyar.ac.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению объема понятия неоконченного преступления. В литературе, кроме названных законодателем (приготовление к преступлению и покушение на преступление), выделяются также другие (добровольный отказ от преступления, добровольно оставленные приготовление и покушение, неполное и полное покушение на преступление) виды неоконченного преступления. На основе нормативного материала (ст. 29 и 31 УК РФ) такому подходу дается критическая оценка. Одновременно отмечается, что в науке при трактовке неоконченного преступления никак не учитываются нередко производимые классификации приготовления к преступлению и покушения на преступление. Отмечено автором считается непоследовательностью теоретического анализа. В статье предлагается различать, с одной стороны, полное и неполное неоконченные преступления, с другой стороны, объективно и субъективно неоконченные преступления. При этом полным признается неоконченное преступление, при котором лицо считает, что совершило все необходимое для доведения преступления до конца; неполным – неоконченное преступление, при котором лицо считает, что совершило не все необходимое для доведения преступления до конца; объективно неоконченным – преступление, не доведенное до конца не вследствие ошибки со стороны лица, его совершившего; под субъективно неоконченным – преступление, не доведенное до конца вследствие ошибки со стороны лица, его совершившего. Оценивая значение выявленных видов неоконченных преступлений, автор заключает, что они, не влияя на саму уголовную ответственность, важны для ее реализации, ибо чем полнее совершено неоконченное преступление, тем ближе оно к оконченному и тем более строгое при прочих равных условиях допустимо наказание; ошибочные же действия лица свидетельствуют о меньшей его общественной опасности, что при прочих равных условиях, наоборот, должно влечь менее строгое наказание.

Ключевые слова: неоконченное преступление; приготовление к преступлению; покушение на преступление; добровольный отказ от преступления; полные и неполные; объективно и субъективно неоконченные преступления.

Цитирование. Благов Е. В. О видах неоконченного преступления // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-31-37>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Благов Е. В., 2021

Евгений Владимирович Благов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.07.2021
Revised: 21.08.2021
Accepted: 28.08.2021

About the types of unfinished crime

E. V. Blagov

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: blagov@uniyar.ac.ru

Annotation: The article is devoted to the study of the scope of the concept of an unfinished crime. In the literature, in addition to the types of unfinished crime named by the legislator (preparations for a crime and attempts at a crime), others are also distinguished (voluntary refusal of a crime, voluntarily abandoned preparation and attempt, incomplete and complete attempt at a crime). Based on the normative material (Articles 29 and 31 of the Criminal Code of the Russian Federation), this approach is critically evaluated. At the same time, it is noted that in science, at the level of an unfinished crime, the often produced classifications of preparations for a crime and attempts at a crime do not manifest themselves in any way. The author considers this to be an inconsistency of theoretical analysis. He tries to overcome it and offers to distinguish, on the one hand, complete and incomplete unfinished crimes, on the other hand, objectively and subjectively unfinished crimes. At the same time, it is proposed to understand under complete-an unfinished crime, in which a person believes that he has done everything necessary to bring the crime to an end; under incomplete – an unfinished crime, in which a person believes that he has not done everything necessary to bring the crime to an end; under objectively unfinished – crimes that were not completed due to an error on the part of the persons who committed

them; under subjectively unfinished – crimes that were not completed due to an error on the part of the persons who committed them. Assessing the significance of the identified types of unfinished crimes, in conclusion, it is noted that they, without affecting the criminal responsibility itself, are important for its implementation, because the more completely an unfinished crime is committed, the closer it is to the finished one and the more severe punishment is permissible, all other things being equal; erroneous actions of a person indicate less public danger, which, all other things being equal, on the contrary, should entail less severe punishment.

Key words: unfinished crime; preparation for a crime; attempted crime; voluntary refusal of a crime; complete and incomplete; objectively and subjectively unfinished crimes.

Citation. Blagov E. V. *O vidakh neokonchennogo prestupleniya* [About the types of unfinished crime]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-31-37> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Blagov E. V., 2021

Evgeny Vladimirovich Blagov – Doctor of Legal Sciences, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Казалось бы, никакой проблемы с выделением видов неоконченного преступления не должно быть. В части 2 ст. 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) прямо предусмотрено, что таким преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление.

Основанием нормативной классификации видов неоконченного преступления является то, на какой стадии, приводящей к оконченому преступлению, завершается деяние. И произведенное деление позволило законодателю дифференцировать наказуемость разных неоконченных преступлений (ст. 66 УК РФ).

Однако приготовлению к преступлению подчас отказывается в статусе неоконченного преступления. Объясняется это тем, что приготовительные действия не запрещены нормами Особенной части УК РФ [1, с. 26–29; 2, с. 17]. Правда, из уголовного законодательства такое объяснение вовсе не вытекает.

Преступление – деяние, запрещенное Уголовным кодексом (а не его Особенной частью!) под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Ответственность за неоконченное преступление наступает, хотя и со ссылкой на ст. 30 УК РФ, но по соответствующей статье Особенной части (ч. 3 ст. 29). Наказание за неоконченное преступление назначается, хотя и в урезанных пределах, но по этой же статье (ст. 66 УК РФ). Более того, в литературе указывается, что в ряде статей Особенной части уголовного законодательства сформулированы деяния, признаваемые оконченными преступлениями при совершении лишь приготовления (ст. 208, 209, 210 [3, с. 23–24]; ст. 204.1 и 290.1 [4, с. 23]; ст. 151 и 240 [5, с. 16]; ст. 205.1, 209, 210 и др. [1, с. 29]; ст. 205.1, 205.4, 208, 209, 210, 222 и др. [6, с. 148–149]; ст. 146, 171.1, 191.1 и др. [7, с. 445]; ст. 208, 209, 210, 205.4, 205.5 [8, с. 116]; ст. 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 282.1, 282.2, 282.3 [9, с. 301] УК РФ).

Одновременно в теории иногда называются виды неоконченного преступления, непосредственно не установленные законом. Так, ими ничтоже сумняшеся считаются:

– приготовление к преступлению, покушение на преступление и добровольный отказ от преступления [10, с. 117];

– приготовление к преступлению, покушение на преступление, добровольно оставленное приготовление и добровольно оставленное покушение [11, с. 103];

– приготовление к преступлению, неполное покушение на преступление, полное покушение на преступление [12, с. 54, 65].

Понятно, что основная проблема, возникающая при выделении видов неоконченного преступления, связана с добровольным отказом. Что касается полного и неполного покушения на преступление, добровольно оставленного приготовления и покушения, они явно являются разновидностями соответственно покушения и добровольного отказа, в силу чего *самостоятельными* видами неоконченного преступления быть явно не могут ни при каких условиях.

С учетом места расположения и содержания ст. 31 УК РФ можно найти аргументы, свидетельствующие как за допустимость включения добровольного отказа в число видов неоконченного преступления, так и против этого:

«за» – а) размещение в главе о *неоконченном преступлении*, б) добровольный отказ как прекращение *приготовления к преступлению* (ч. 1 ст. 29), в) осознание возможности доведения *преступления* до конца (ч. 1);

«против» – а) название «добровольный отказ от преступления», б) добровольный отказ как прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления (ч. 1 ст. 29), в) при добровольном отказе лицо не подлежит уголовной ответственности (ч. 2), г) при добровольном отказе совершается деяние (ч. 3), д) организатор преступления и подстрекатель к преступлению должны предотвратить совершение преступления исполнителем (ч. 4), е) пособник преступлению должен предпринять все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления (ч. 4).

Имеются и иные нормативные аргументы против включения добровольного отказа в число видов неоконченного преступления:

– в ч. 2 ст. 29 УК РФ он не признан неоконченным преступлением;

– в главе 6, имеющей название «Неоконченное преступление», отражается также оконченное преступление (ч. 1 ст. 29 УК РФ);

– прекращение приготовления к преступлению не может происходить с осознанием лицом возможности доведения преступления до конца, ибо при приготовлении преступление не доводится до конца по не зависящим от лица обстоятельствам (ч. 1 ст. 30 УК РФ);

– вопреки ч. 2 ст. 31 УК РФ лицо не может не подлежать уголовной ответственности, если отказалось от доведения преступления до конца, ибо при этом нельзя не начать его совершение. Не подлежит же уголовной ответственности лицо, которое преступления не совершало (а совершило, например, общественно опасное деяние – ст. 21 УК РФ);

– если при добровольном отказе лицо не подлежит уголовной ответственности, оно преступления не совершает. Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом (ст. 8). И тогда не понятно, откуда в фактически совершенном (непреступном) деянии может взяться состав (пусть) иного преступления, чтобы лицо подлежало уголовной ответственности (ч. 3 ст. 31 УК РФ).

Таким образом, современное уголовно-правовое регулирование добровольного отказа таково, что за последним, безусловно, нельзя признавать статус вида неоконченного преступления. Соответственно, законодательно следует разобраться с природой добровольного отказа от преступления и на этой основе осуществить его непротиворечивую регламентацию.

В доктрине природу добровольного отказа от преступления определяют неодинаково. Различными авторами он не только относится, как отмечалось, к видам неоконченного преступления, но и трактуется с точки зрения исключения уголовной ответственности [13, с. 8] или в определенных случаях – привлечения к ней [14, с. 14], а также называется основанием освобождения от нее [15, с. 8–9] либо обстоятельством, исключающим преступность деяния [16, с. 159]. Считается также, что добровольный отказ занимает промежуточное положение между преступным и правомерным поведением [17, с. 7].

Скорее всего, на основе предписаний действующего Уголовного кодекса природу добровольного отказа от преступления окончательно не определить. Вместе с тем при любых условиях он ближе всего находится к неоконченным преступлениям.

Если при добровольном отказе лицо может подлежать уголовной ответственности, следовательно, до его начала совершается преступление. Им не способно быть оконченное преступление, поскольку при добровольном отказе лицо должно осознавать возможность доведения преступления до конца. Деяние же не доводится до конца лишь при неоконченном преступлении.

Все упирается в то, что на основании закона неоконченные преступления не просто не доводятся до конца, а по обстоятельствам, не зависящим от лица. Вот здесь-то и «зарыта собака».

Оконченный и неоконченный – с точки зрения логики соответственно положительное и отрицательное понятие. Если оконченный – это завершённый, доведённый до конца, то неоконченный – это, напротив, незавершённый, не доведённый до конца. И все. Тем самым почему именно незавершённый, не доведённый до конца совершенно никакой роли играть не может.

Получается, что для неоконченного преступления в принципе не должно быть важным, по каким именно обстоятельствам оно не было доведено до конца. Они не характеризуют понятие неоконченного преступления, что является непосредственной функцией признаков любого понятия. Данные обстоятельства только объясняют, почему преступление было не окончено, а это более всего относится к определению последствий признания преступности деяния. Если обстоятельства недоведения преступления до конца не зависели от лица, оно при прочих равных условиях несет уголовную ответственность, если зависели, то освобождается от нее, но в обоих случаях – подлежит ей.

Стало быть, лишь при изъятии из определений приготовления к преступлению и покушения на преступление признака «по не зависящим от лица обстоятельствам» можно будет согласиться с существующим в литературе делением неоконченного преступления на прекращенную и пресеченную преступную деятельность [18, с. 192] или прерванное по не зависящим от лица обстоятельствам преступление и добровольно неоконченное (оставленное) [19, с. 23; 20, с. 365] либо добровольно и вынужденно прекращенное преступление [7, с. 248]. В то же время это все только в плане *de lege ferenda*. Пока же добровольный отказ от преступления и неоконченное преступление лежат в различных уголовно-правовых плоскостях. Поэтому в настоящее время точнее говорить о двух видах неоконченного деяния: неоконченное преступление (приготовление к преступлению и покушение на преступление) и добровольно неоконченное деяние (добровольный отказ от преступления) [21, с. 112–113].

Хотя повсеместно выделяются виды покушения на преступление [19, с. 272; 18, с. 286; 12, с. 15], а подчас и виды приготовления к преступлению [22, с. 231–233; 18, с. 241; 23, с. 142, 143, 145], не закрепленные законодательно, это никак не сказывается, хотя очевидно, что должно бы сказываться, на понимании неоконченного преступления в целом.

С учетом подходов теории к видам приготовления к преступлению и покушения на преступление имеются необходимые и достаточные уголовно-правовые основания для различения полных и неполных, а также объективно и субъективно неоконченных преступлений.

Полные и неполные неоконченные преступления характеризуются разным объемом совершения. Дело в том, что неоконченные преступления обычно совершаются не одновременно: поочередно могут соз-

даваться условия для совершения преступления при приготовлении; начальные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления, могут в дальнейшем продолжаться вплоть до причинения в некоторых случаях общественно опасных последствий (разумеется, не тех или не в том размере, как предусмотрено законом) при покушении. Эти процессы происходят внутри собственно приготовления к преступлению и покушения на преступление. Соответственно, количество действий (бездействия) при совершении неоконченного преступления способно быть большим и меньшим.

Полное – неоконченное преступление, при котором лицо считает, что совершило все необходимое для доведения преступления до конца. При таком неоконченном преступлении именно с точки зрения деятеля осуществляется все, что было необходимо, для совершения окончательного преступления. Лицо осознает это, а не зависящие от лица обстоятельства не позволяют совершить окончательное преступление.

Полными неоконченными преступлениями могут быть лишь покушения на преступление, при которых лицо совершило все желаемые действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления (например, при покушении на убийство сделало даже так называемый контрольный выстрел, но смерть потерпевшего все равно не наступила). Приготовление к преступлению не способно стать полным неоконченным преступлением, поскольку при приготовлении только создаются условия для совершения преступления, а действия (бездействие), непосредственно направленные на его совершение, еще не начинаются. Следовательно, лицо не может считать, что осуществило все необходимое для доведения преступления до конца.

Неполное – неоконченное преступление, при котором лицо считает, что совершило не все необходимое для доведения преступления до конца. При таком неоконченном преступлении именно с точки зрения деятеля осуществляется не все, что было необходимо, для совершения окончательного преступления. Лицо осознает это, а не зависящие от лица обстоятельства не позволяют совершить окончательное преступление. Неполными неоконченными преступлениями могут быть:

– любые приготовления к преступлению. Дело в том, что при них создаются условия для совершения преступления, а это бессмысленно в отсутствие желания совершить окончательное преступление;

– покушения на преступления, при которых лицо совершило не все желаемые действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления (например, не успело сделать тот же самый контрольный выстрел при покушении на убийство).

Как видно, расчленение полных и неполных неоконченных преступлений происходит по объективно-субъективному критерию. Иного быть не

может. Использование лишь объективного критерия – самого по себе объема совершения неоконченного преступления – не позволит произвести данное расчленение, ибо всегда найдется что-то еще нужное к совершению для гарантированного доведения преступления до конца (например, более тщательно прицелиться в жизненно важный орган во время контрольного выстрела). Использование только субъективного критерия – желания – не раскрывает, почему неоконченное преступление признается полным или неполным.

Объективно и субъективно неоконченные преступления разделяются по характеру обстоятельств, повлиявших на недоведение преступления до конца. *Объективно неоконченные* – преступления, не доведенные до конца не вследствие ошибки со стороны лиц, их совершивших.

Дело в том, что даже безошибочные действия лица далеко не всегда приводят к совершению окончательного преступления. Этому могут помешать разнообразные не зависящие от лица обстоятельства, в силу которых преступление не доводится до конца (действие сил природы, машин или механизмов, людей либо животных и т. п.).

Объективно неоконченными преступлениями способны стать многие приготовления к преступлению и покушения на преступление. И те и другие могут произойти вследствие, например, задержания лица. Покушение на преступление вероятно при соответствующем сопротивлении жертвы или осечке при выстреле и в других случаях.

Субъективно неоконченные – преступления, не доведенные до конца вследствие ошибки со стороны лиц, их совершивших¹. Объективные обстоятельства в таких случаях позволяли совершить окончательное преступление.

Ошибка может возникнуть как при создании условий для совершения преступления, так и при совершении действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления. В первом случае – это, например, приискание или изготовление средства, не пригодного для совершения преступления (безвредного порошка вместо яда). Во-втором случае – это, скажем, посягательство на отсутствующий или не обладающий соответствующими свойствами объект с орудиями (средствами), не позволяющими совершить преступление.

Конечно, нельзя не видеть разницы между нормативными и иными видами неоконченных преступлений. Особенность первых заключается в том, что они влияют как на уголовную ответственность (ч. 3 ст. 29 УК РФ), так и на назначение наказания (ст. 66). Иные же виды неоконченных преступлений на саму уголовную ответственность влияния не оказывают и относятся только к сфере ее реализации, ибо понятно, что чем полнее совер-

¹ Не хотелось бы, чтобы выделение субъективно неоконченных преступлений критиковалось, только исходя из терминологического обозначения, так как, конечно, они не окончены и объективно. Дело в истоке неоконченности тех и других.

шено неоконченное преступление, тем ближе оно к оконченному и тем более строгое при прочих равных условиях допустимо наказание; ошибочные же действия лица свидетельствуют о меньшей его общественной опасности, что при прочих равных условиях, наоборот, должно влечь менее строгое наказание.

Между тем узость сферы применения иных делений неоконченных преступлений не способна означать их ненужность для уголовного права. Как следует из изложенного, иметь представление о них необходимо, хотя бы для обеспечения назначения справедливого наказания, о чем говорится в ст. 6 и 60 УК РФ.

Библиографический список

1. Проценко С. В. О приготовлении к преступлению // Российский следователь. 2012. № 10. С. 26–29. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/61792-prigotovlenii-prestupleniyu>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23031482>.
2. Килимбаев Р. В. Основание и пределы ответственности за неоконченное преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2021. 26 с. URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2016/07/Автореф-Основание-и-пределы-ответственности-за-неоконченное-преступление.pdf>.
3. Тедеев К. Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 29 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/stadii-soversheniya-prestupleniya-i-konstruktsii-sostavov/read>.
4. Капинус О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от уголовной ответственности // Уголовное право. 2011. № 2. С. 21–26. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/55329-izmeneniya-zakonodatelstve-dolzhnostnykh-prestupleniyakh-voprosy-kvalifikacii-osvobozhdeniya>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15635105>.
5. Решетникова Д. В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 22 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005495628.pdf.
6. Актуальные проблемы уголовного права / под ред. О. С. Капинус. Москва: Проспект, 2016. 488 с. URL: https://litgid.com/read/aktualnye_problemy_ugolovnoogo_prava_kurs_lectsiy/page-5.php; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24186006>.
7. Бабий Н. А. Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях. Санкт-Петербург: Юрлитинформ, 2017. 752 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27348074>.
8. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. 288 с.
9. Феоктистов М. В. Оптимизация ответственности за приготовление к преступлению: некоторые вопросы теории и практики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке / редкол.: Ю. В. Грачева [и др.]. Москва: РГ-Пресс, 2021. С. 300–305.
10. Назаренко Г. В. Русское уголовное право. Общая часть. Москва: Ось-89, 2000. 256 с. URL: https://www.studmed.ru/nazarenko-gv-ugolovnoe-pravo-obschaya-chast-kurs-lectsiy_80ebdcabddb.html.
11. Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Неоконченные преступления. Орел: ОрелГТУ, 2002. 160 с.
12. Редин М. П. Преступления по степени их завершенности. Москва: Юрлитинформ, 2006. 200 с. URL: <https://www.bezzakonov.net/single-post/2017-01-13-d0-a0-d0-b5-d1-b4-d0-b8-d0-bd-d0-9c-d0-b8-d1-85-d0-b0-d0-b8-d0-bb-d0-9f-d0-b5-d1-82-d1>.
13. Дронова Т. Н. Добровольный отказ от преступления: теория, закон и правоприменение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. 24 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005424709.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30363798>.
14. Клюев А. А. Особенности добровольного отказа от совершения преступления в неоконченном посягательстве и в соучастии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 28 с. URL: <http://lawtheses.com/osobennosti-dobrovolnogo-otkaza-ot-soversheniya-prestupleniya-v-neokonchenom-posyagatelstve-i-v-souchastii>.
15. Скорилкин Н. М. Добровольный отказ от преступления и его место в системе обстоятельств, освобождающих от наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998. 21 с. URL: <http://lawtheses.com/dobrovolnyy-otkaz-ot-prestupleniya-i-ego-mesto-v-sisteme-obstoyatelstv-osvobozhdayuschih-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti>.
16. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы. Москва: Проспект, 2017. 304 с. URL: <https://iknigi.net/avtor-aleksandr-zacepin/177233-dopolnitelnaya-kvalifikaciya-prestupleniya-obschie-i-specialnye-voprosy-monografiya-aleksandr-zacepin/read/page-1.html>.
17. Орлова О. И. Добровольный отказ от преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 21 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/dobrovolnyi-otkaz-ot-prestupleniya-problemy-teorii-i-praktiki/read>.
18. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. 351 с. URL: https://royallib.com/read/kozlov_anatolijuchenie_o_stadiyah_prestupleniya.html#0.
19. Бородин С. В. Преступления против жизни. Москва: Юристъ, 2000. 356 с. URL: <https://iknigi.net/avtor-stanislav-borodin/107643-prestupleniya-protiv-zhizni-stanislav-borodin/read/page-1.html>.

20. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1 / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Москва: Зерцало-М, 2002. 624 с. URL: <https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=682>.
21. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. Москва: Проспект, 2016. 224 с. URL: <https://all-advokatura.ru/upload/iblock/c21/c2111d8ca95fddb9f46da5ea203966b7.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39237722>.
22. Уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Петрашева. Москва: ПРИОР, 1999. 544 с.
23. Энциклопедия уголовного права / изд. проф. Малинина. Санкт-Петербург, 2006. Т. 5. 464 с.

References

1. Protsenko S. V. *O prigotovlenii k prestupleniyu* [On preparation for a crime]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2012, no. 10, pp. 26–29. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/61792-prigotovlenii-prestupleniyu>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23031482> [in Russian].
2. Kilimbayev R. V. *Osnovanie i predely otvetstvennosti za neokonchennoe prestuplenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Basis and limits of responsibility for an unfinished crime: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Ryazan, 2021, 26 p. Available at: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2016/07/Автореф-Основание-и-пределы-ответственности-за-неоконченное-преступление.pdf> [in Russian].
3. Tedeev K. T. *Stadii soversheniya prestupleniya i konstruktii sostavov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Stages of committing a crime and the construction of compositions: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2005, 29 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/stadii-soversheniya-prestupleniya-i-konstruktii-sostavov/read> [in Russian].
4. Kapinus O. *Izmeneniya v zakonodatel'stve o dolzhnostnykh prestupleniyakh: voprosy kvalifikatsii i osvobozhdeniya vzyatodatel'ya ot ugovnoy otvetstvennosti* [Changes in the law of misconduct: issues of development and liberation of the briber disclaimers]. *Ugovnoe pravo*, 2011, no. 2, pp. 21–26. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/55329-izmeneniya-zakonodatel'stve-dolzhnostnykh-prestupleniyakh-voprosy-kvalifikatsii-osvobozhdeniya>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15635105> [in Russian].
5. Reshetnikova D. V. *Konstruirovaniye sostavov prestuplenii po momentu okonchaniya: voprosy zakonodatel'noi tekhniki i sudebnoi praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Constructing the elements of crimes at the time of completion: issues of legislative technique and judicial practice: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara, 2012, 22 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005495628.pdf [in Russian].
6. *Aktual'nye problemy ugovnogo prava. Pod red. O. S. Kapinus* [Kapinus O. S. (Ed.) Actual problems of criminal law]. Moscow: Prospekt, 2016, 488 p. Available at: https://litgid.com/read/aktualnye_problemy_ugovnogo_prava_kurs_lektsiy/page-5.php; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24186006> [in Russian].
7. Babiy N. A. *Uchenie o stadiyakh prestupleniya i neokonchennykh prestupleniyakh* [Doctrine of the stages of crime and unfinished crimes]. Saint Petersburg: Yurlitinform, 2017, 752 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27348074> [in Russian].
8. Inogamova-Hegai L. V. *Kontseptual'nye osnovy konkurentsii ugovno-pravovykh norm* [Conceptual foundations of competition of criminal law norms]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2017, 288 p. [in Russian].
9. Feoktistov M. V. *Optimizatsiya otvetstvennosti za prigotovlenie k prestupleniyu: nekotorye voprosy teorii i praktiki* [Optimization of responsibility for preparation for a crime: some questions of theory and practice]. In: *Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Red. kol. Yu. V. Gracheva i dr.* [Gracheva Yu. V. et al. (Eds.) Criminal law: strategy of development in the XXI century]. Moscow: RG-Press, 2021, pp. 300–305. [in Russian].
10. Nazarenko G. V. *Russkoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. General part]. Moscow: Os'-89, 2000, 256 p. Available at: https://www.studmed.ru/nazarenko-gv-ugovnoe-pravo-obschaya-chast-kurs-lekciy_80ebdcabdb.html [in Russian].
11. Nazarenko G. V., Sitnikova A. I. *Neokonchennyye prestupleniya* [Unfinished crimes]. Orel: OrelGTU, 2002, 160 p. [in Russian].
12. Redin M. P. *Prestupleniya po stepeni ikh zavershennosti* [Crimes by the degree of their completion]. Moscow: Yurlitinform, 2006, 200 p. Available at: <https://www.bezzakonov.net/single-post/2017-01-13-d0-a0-d0-b5-d0-b4-d0-b8-d0-bd-d0-9c-d0-b8-d1-85-d0-b0-d0-b8-d0-bb-d0-9f-d0-b5-d1-82-d1> [in Russian].
13. Dronova T. N. *Dobrovol'nyi otkaz ot prestupleniya: teoriya, zakon i pravoprimenenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Voluntary refusal of a crime: theory, law and law enforcement: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Ryazan, 2012, 24 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005424709.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30363798> [in Russian].
14. Klyuev A. A. *Osobennosti dobrovol'nogo otkaza ot soversheniya prestupleniya v neokonchennom posyagatel'stve i v souchastii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Features of voluntary refusal to commit a crime in an unfinished encroachment and in complicity: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Krasnodar, 2003, 28 p. Available at: <http://lawtheses.com/osobennosti-dobrovol'nogo-otkaza-ot-soversheniya-prestupleniya-v-neokonchennom-posyagatel'stve-i-v-souchastii> [in Russian].
15. Skorilkin N. M. *Dobrovol'nyi otkaz ot prestupleniya i ego mesto v sisteme obstoyatel'stv, osvobozhdayushchikh ot nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Voluntary refusal of a crime and its place in the system of circumstances

that release from punishment: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 1998, 21 p. Available at: <http://lawtheses.com/dobrovolnyy-otkaz-ot-prestupleniya-i-ego-mesto-v-sisteme-obstoyatelstv-osvobozhdayuschih-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti> [in Russian].

16. Zatsepin A. M. *Dopolnitelnaya kvalifikatsiya prestupleniya: obshchie i spetsial'nye voprosy* [Additional qualification of a crime: general and special issues]. Moscow: Prospekt, 2017, 304 p. Available at: <https://iknigi.net/avtor-aleksandr-zacepin/177233-dopolnitelnaya-kvalifikatsiya-prestupleniya-obschie-i-specialnye-voprosy-monografiya-aleksandr-zacepin/read/page-1.html> [in Russian].

17. Orlova O. I. *Dobrovol'nyi otkaz ot prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Voluntary refusal of a crime: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Krasnoyarsk, 2007, 21 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/dobrovolnyi-otkaz-ot-prestupleniya-problemy-teorii-i-praktiki/read> [in Russian].

18. Kozlov A. P. *Uchenie o stadiyakh prestupleniya* [Doctrine on the stages of crime]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2002, 351 p. Available at: https://royallib.com/read/kozlov_anatoliy/uchenie_o_stadiyah_prestupleniya.html#0 [in Russian].

19. Borodin S. V. *Prestupleniya protiv zhizni* [Crimes against life]. Moscow: Yurist", 2000, 356 p. Available at: <https://iknigi.net/avtor-stanislav-borodin/107643-prestupleniya-protiv-zhizni-stanislav-borodin/read/page-1.html> [in Russian].

20. *Kurs ugolovnogo prava. Obshchaya chast'. T. 1. Pod red. N. F. Kuznetsovoi, I. M. Tyazhkovoi* [Kuznetsova N. F., Tyazhkova I. M. (Eds.) The course of criminal law. General part. Vol. 1]. Moscow: Zertsalo-M., 2002, 624 p. Available at: <https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=682> [in Russian].

21. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava. Chast' Obshchaya. Pod red. L.V. Inogamovoi-Khegai* [Inogamova-Hegay L. V. (Ed.) Actual problems of criminal law. General Part]. Moscow: Prospekt, 2016, 224 p. Available at: <https://all-advokatura.ru/upload/iblock/c21/c2111d8ca95fddb9f46da5ea203966b7.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39237722> [in Russian].

22. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Pod red. V. N. Petrasheva* [Petrashev V. N. (Ed.) Criminal law. General part]. Moscow: PRIOR, 1999, 544 p. [in Russian].

23. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. Izd. prof. Malinina* [Malinin (Ed.) Encyclopedia of criminal law]. Saint Petersburg, 2006, vol. 5, 464 p. [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343. 533

Дата поступления: 30.06.2021
рецензирования: 10.08.2021
принятия: 28.08.2021

Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах (ст. 172.3 УК РФ): еще одна невостребованная норма?

В. И. Гладких

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: gladkich04@mail.ru

Аннотация: На примере ст. 172.3 УК РФ рассматривается проблема недостаточной востребованности ряда составов преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ). Отмечается, что на фоне начавшейся в стране с 2009 года кампании по либерализации уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности и значительного снижения числа данного вида преступлений (более чем в четыре раза) идет перманентный процесс криминализации общественно опасных деяний, посягающих на общественные отношения в сфере экономики. Вместе с тем из 60 составов главы 22 УК РФ «работает» не более четверти. Почти каждая третья норма является полностью невостребованной правоприменительной практикой. Одной из таких норм стала введенная в декабре 2018 года в настоящий Кодекс норма статьи 172.3 об ответственности за невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах. Причинами такого положения, по мнению автора, являются недостаточная криминологическая обоснованность введения в УК РФ таких норм, их конструктивное несовершенство, дублирование другими схожими по содержанию составами, отсутствие подтвержденных практикой методик раскрытия и расследования уголовных дел данной категории, низкий уровень профессионализма сотрудников правоприменительных органов, ведущих уголовные дела по преступлениям экономической направленности, и др. В статье вносятся предложения по совершенствованию уголовной политики в сфере противодействия преступлениям экономической направленности, основанные на системном, научно обоснованном подходе.

Ключевые слова: преступления экономической направленности; вопросы квалификации и правоприменения; криминализация и декриминализация; финансовые документы учета и отчетности; кредитные организации; денежные средства; невнесение сведений; фальсификация финансовых документов.

Цитирование. Гладких В. И. Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах (ст. 172.3 УК РФ): еще одна невостребованная норма? // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 38–45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-38-45>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гладких В.И., 2021

Виктор Иванович Гладких – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Научного центра № 5, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 30.06.2021
Revised: 10.08.2021
Accepted: 28.08.2021

Failure to enter information about funds placed by individuals and individual entrepreneurs in financial accounting and reporting documents of a credit institution (Article 172.3 of the Criminal Code): another unclaimed norm?

V. I. Gladkikh

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
E-mail: gladkich04@mail.ru

Abstract: On the example of Article 172.3 of the Criminal Code of the Russian Federation the article considers the problem of insufficient demand for a number of crimes committed in the field of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation). It is noted that against the background of the campaign that began in the country in 2009 to liberalize criminal policy in the field of combating economic crime and a significant decrease in the number of this type of crime (more than four times), there is a permanent process of criminalization of socially dangerous

acts that infringe on public relations in the economic sphere. At the same time, out of 60 compositions of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, no more than a quarter are relatively «working». Almost a third of the norms are completely unclaimed by law enforcement practice. One of these norms was Article 172.3 on responsibility for failure to enter information about funds placed by individuals and individual entrepreneurs in financial accounting and reporting documents of a credit institution. The reasons for this state of affairs, according to the author, are the insufficient criminological substantiation of the introduction of such norms into the Criminal Code, their constructive imperfection, duplication by other compositions similar in content, the lack of practice-proven methods of disclosing and investigating cases of this category, the low professionalism of law enforcement officers conducting criminal cases, cases of economic crimes, etc. Proposals are made to improve the criminal policy in the field of combating economic crimes, based on a systematic, scientifically grounded approach.

Key words: economic crimes; qualification and enforcement issues; criminalization and decriminalization; financial accounting and reporting documents; credit organizations; cash; failure to enter information; falsification of financial documents.

Citation. Gladkikh V. I. *Nevnesenie v finansovye dokumenty ucheta i otchetnosti kreditnoi organizatsii svedenii o razmeshchennykh fizicheskimi litsami i individual'nymi predprinimatel'nyimi denezhnykh sredstvakh (st. 172.3 UK RF): eshche odna nevostrbovannaya norma?* [Failure to enter information about funds placed by individuals and individual entrepreneurs in financial accounting and reporting documents of a credit institution (Article 172.3 of the Criminal Code): another unclaimed norm?]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 38–45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-38-45> [in Russian].

Conflict of interest information: the author declares no conflict of interest.

© Gladkikh V.I., 2021

Viktor I. Gladkikh – Doctor of Laws, professor, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher at Scientific Center No. 5, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, bldg. 1, 25, Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russian Federation.

Несмотря на объявленный руководством страны в 2008–2009 годах курс на либерализацию уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности, вот уже на протяжении четверти века мы наблюдаем трудно объяснимую с точки зрения криминологической обоснованности, а также законодательной разумности и достаточности правотворческую экспансию, проявляющуюся в непрерывном процессе изменения уголовного законодательства, что особенно отчетливо выражено в содержании и структуре главы 22 УК РФ – «Преступления в сфере экономической деятельности». Достаточно сказать, что со времени вступления в силу действующего Уголовного кодекса (1 января 1997 года) количество статей данной главы выросло с 32 до 60, то есть практически в два раза даже с учетом полной или частичной декриминализации ряда составов [1; 2, с. 71–73].

Трудно найти разумное объяснение такой законодательной активности, даже принимая во внимание происшедшие за эти годы в стране радикальные структурные изменения в системе социально-экономических отношений, учитывая, что наибольшее число изменений и дополнений уголовного законодательства приходится на последнее десятилетие, характеризующееся относительной стабильностью политико-экономической системы Российского государства и криминологической ситуации.

Особенно диссонирует несоответствие процессов постоянной криминализации экономических отношений отмечаемому снижению числа выявленных и зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности: по данным МВД России, если в 2009 году число таких преступлений составляло 428,8 тысячи, то в 2020 году – 105,5 тысячи [3].

Это несоответствие еще как-то можно было объяснить, если бы нормы-новеллы были востре-

бованы правоприменительной практикой. Однако это далеко не так.

По нашим подсчетам, из шестидесяти составов, входящих в главу 22 УК РФ, порядка 28, или 46,7 %, практически не работают, то есть по ним ежегодно не осуждается ни одного человека либо осуждаются считанные единицы. К ним можно отнести статьи 169, 170, 170.2, 172.1, 172.2, 172.3, 174, 178, 181, 184, 185, 185.1, 185.2, 185.3, 185.4, 185.5, 185.6, 190, 192, 193, 195, 197, 199.3, 199.4, 200.4, 200.5, 200.6, 200.7 УК РФ.

Менее трети, или 28,3 %, составов востребованы крайне редко: например, статьи 170.1, 174.1, 176, 179, 183 УК РФ и др.

На долю относительно востребованных составов приходится всего около пятнадцати статей, или 25 %, при разбросе числа привлеченных к уголовной ответственности лиц от нескольких десятков (например, ст. 187 УК РФ) до 1300 человек (ст. 173.2 УК РФ).

По нашему мнению, к основным причинам такой невостребованности можно отнести недостаточную криминологическую обоснованность включения в Уголовный кодекс подобного рода норм, наличие конструктивных дефектов в их составах, отсутствие научно обоснованных и практически подтвержденных методик раскрытия и расследования таких преступлений, невысокий уровень профессионализма сотрудников правоохранительных органов, раскрывающих и расследующих уголовные дела по экономическим преступлениям, и др. [4, с. 29–38].

Немаловажную роль, на наш взгляд, в процессе чрезмерной и некачественной законодательской деятельности в сфере уголовно-правовых и других, смежных общественных отношений играет такой фактор, как оценка деятельности законодательных органов по «валовому» принципу – чем больше принято законов, тем выше оценка их де-

тельности. Такой экстенсивный подход усугубляется зачастую недостаточной правовой квалификацией субъектов законодательной инициативы, не компенсируемой должной криминологической, антикоррупционной, лингвистической и другими видами экспертиз проектов нормативных правовых актов. Не исключено негативное влияние на процесс законотворчества таких факторов, как лоббирование определенных корпоративных интересов и даже коррупции.

На несовершенство и дефекты уголовно-правового законотворчества, в частности в сфере экономической деятельности, обращали внимание многие исследователи [5, с. 254–259; 6, с. 67–72; 7, с. 2–4; 8, с. 27–35; 9, с. 53].

Попробуем подтвердить все вышесказанное на примере относительно недавно появившейся в Уголовном кодексе ст. 172.3 – «Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах».

Данная норма была принята Государственной думой Федерального Собрания Российской Федерации Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ.

Указанный закон принят во исполнение Национального плана противодействия коррупции на 2016–2017 годы, пунктом «а» статьи 14 которого Министерству юстиции Российской Федерации предписывалось рассмотреть вопрос о целесообразности усиления ответственности за внесение в документы отчетности финансовых организаций заведомо недостоверных сведений [10].

В свою очередь, данное предписание являлось мерой по реализации рекомендаций Рабочей группы ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок по результатам оценки Российской Федерации в рамках второй фазы мониторинга выполнения одноименной Конвенции ОЭСР от 17 декабря 1997 г. [11].

Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 17 апреля 2012 г. [12].

Статьей 8 Конвенции – «Учет» – в целях эффективной борьбы с подкупом иностранных должностных лиц установлено, что каждая из стран-участниц ОЭСР должна принять все необходимые меры по регламентации ведения бухгалтерского учета и других учетных документов, раскрытию сведений в финансовых отчетах, а также внедрить в практическую деятельность стандарты учета и аудита для воспрепятствования ведению «двойной бухгалтерии», осуществлению неучтенных сделок, отражению несуществующих расходов и пассивов с ложным указанием их источника, а также использованию поддельных документов.

Следует отметить, что в Уголовном кодексе присутствует достаточно близкая по содержанию рассматриваемой статье 172.3 статья 172.1 – «Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации», которая

была введена Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 218-ФЗ.

Одной из причин введения в УК РФ ст. 172.1 авторы законопроекта назвали возможность воспрепятствовать своевременному получению заинтересованными лицами сведений о финансовом положении организации, оказавшейся в ситуации банкротства, а также основаниях для отзыва (аннулирования) у нее лицензии на определенные виды деятельности и (или) назначения в ней временной администрации.

Этим же Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ в ст. 172.1 УК РФ был введен такой квалифицирующий признак, как совершение деяния, указанного в части первой данной статьи, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Данная норма, как мы говорили выше, относится к числу практически невостребованных – ежегодно по ней осуждается не более двух-трех человек [13, с. 75–78; 14, с. 166–168; 15, с. 238].

Тем же Федеральным законом в так называемую антирейдерскую статью 170.1 УК РФ – «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета» были включены части 4 и 5, предусматривающие ответственность за внесение в реестр владельцев ценных бумаг либо в систему депозитарного учета заведомо неполных или недостоверных сведений, а равно подтверждение достоверности таких сведений в целях сокрытия признаков банкротства кредитной или иной финансовой организации либо оснований для отзыва (аннулирования) лицензии и (или) назначения в организации временной администрации.

Как считает И. В. Лозинский, законодателем была введена специальная уголовно-правовая норма, направленная на борьбу именно с обозначенным видом фальсификации. До этого содеянное можно было квалифицировать по статьям, устанавливающим уголовную ответственность за совершение криминальных банкротств – 195–197 УК РФ. В данной ситуации, по мнению автора, налицо применение уголовного закона по аналогии, что не соответствует принципу законности (ст. 3 УК РФ) [16, с. 43].

Указанная норма, по нашей градации, относится к нормам, мало востребованным правоприменительной практикой: ежегодно по ст. 170.1 УК РФ осуждается порядка трех десятков человек [17, с. 23–36; 18].

Уже эти обстоятельства, на наш взгляд, должны были заставить законодателя задуматься о целесообразности введения в Уголовный кодекс ст. 172.3.

В данном случае, думается, решающим фактором криминализации данного деяния явилось желание и в определенной степени обязанность следовать международным правовым рекомендациям, в частности вышеназванной Конвенции организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) от 17 декабря 1997 г.

Сразу же отметим, что практика применения ст. 172.3 УК РФ отсутствует. Теорией уголовного права данная норма пока освещена слабо.

По мнению В. Ю. Малаховой, актуальность изучения практического применения ст. 172.3 УК РФ заключается в необходимости контролировать кредитные организации страны, в частности точный объем денежных средств, расположенных на депозитных счетах физических и юридических лиц, а также в качестве профилактических мер ведения незаконной банковской деятельности, в частности ведения безналичных расчетов, извлечения нелегальных доходов и выведения их в офшорные зоны [19, с. 85–87].

В целом соглашаясь с такой трактовкой, следует все же отметить, что этот автор оставляет за пределами анализа фактическую подоплеку принятия рассматриваемой нормы, а именно ее антикоррупционную направленность.

Также В. Ю. Малахова допускает, на наш взгляд, некоторую непоследовательность, утверждая, с одной стороны, что преступление, предусмотренное ст. 173.2 УК РФ, является в узком понимании разновидностью незаконной банковской деятельности, с другой – приходит к выводу, что предусмотренные ст. 172.3 УК РФ деяния не подпадают под признаки незаконной банковской деятельности, поскольку в ее составе отсутствуют такие объективные признаки, как осуществление банковской деятельности без регистрации или специального разрешения (лицензии).

Также она не видит проблем при разграничении ст. 173.2 и 172.1 УК – [19, с. 85–87]. Мы считаем, это не совсем верно.

Непосредственным объектом состава ст. 172.1 УК РФ можно назвать установленный порядок ведения финансовых документов учета и отчетности финансовой организации.

В качестве непосредственного объекта состава ст. 172.3 УК РФ выступает порядок ведения финансовой отчетности о банковских вкладах и договорах финансовой организации. Как видим, разница между данными понятиями объектов не столь существенная. При этом определение объекта преступления в данном случае имеет больше теоретическое и классификационное значение, нежели является практическим основанием для разграничения рассматриваемых составов.

Есть определенная схожесть и различия в предметах рассматриваемых составов. Для статьи 171.1 УК РФ это документы и (или) регистры бухгалтерского учета и (или) отчетность организаций, перечисленных в части первой данной статьи.

В статье 172.3 УК РФ предметом преступления являются: договор банковского вклада, договор банковского счета, документы и (или) регистры бухгалтерского учета, отчетная документация кредитной организации. Как видим, отчасти эти понятия для обоих составов являются общими.

Что касается содержания объективной стороны рассматриваемых составов, в них также можно усмотреть как сходство, так и различия.

На наш взгляд, трудно установить заметную разницу между фальсификацией финансовых документов учета и отчетности финансовой организации и сокрытием денежных средств физических лиц и индивидуальных предпринимателей в ст. 172.3 УК РФ, совершенным путем невнесения в документы и (или) регистры бухгалтерского учета и (или) отчетность (отчетную документацию) кредитной организации сведений о таких денежных средствах. Представляется вполне логичным считать последнее деяние разновидностью фальсификации предмета (ст. 172.1 УК РФ).

Указанное обстоятельство сразу же порождает проблему разграничения ст. 172.1 и 172.3 УК РФ в указанной части их содержания.

Что касается объективной стороны в ст. 172.1 УК РФ, то она гораздо шире, нежели в ст. 172.3 УК РФ, поскольку, помимо рассмотренного деяния, включает еще: а) подтверждение достоверности фальсифицированных сведений, б) представление их в Центральный банк Российской Федерации, в) публикацию или раскрытие таких сведений в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Обе рассматриваемые статьи по конструкции носят формальный характер, поскольку ни одна из них не предусматривает обязательного наступления общественно опасных последствий. Вместе с тем уголовная ответственность по ст. 172.3 УК РФ увязана с суммой сокрытых денежных средств, составляющей более трех миллионов рублей за период в пределах одного финансового года.

Признавая частичную схожесть объективной стороны рассматриваемых составов, посмотрим на другие их элементы.

Пожалуй, наиболее серьезные расхождения отмечаются между признаками субъективной стороны того и другого деяния, в частности целями их совершения. В статье 172.3 УК РФ законодатель не счел нужным дать указание на цель невнесения в документы и (или) регистры бухгалтерского учета и (или) отчетность (отчетную документацию) кредитной организации сведений о таких денежных средствах. Однако содержание объективной стороны рассматриваемого деяния не позволяет достоверно сформулировать цель его совершения, а, соответственно, и сопряженный с нею мотив преступления. Это порождает правовую неопределенность данной нормы. Между тем, как известно, безмотивных преступлений не бывает, и в данном случае мотивом (мотивами) может выступать и стремление уклониться от уплаты налогов, и ведение «теневой» банковской деятельности, и желание вывести неучтенные финансовые средства за рубеж, и легализация преступно нажитых доходов, и финансирование с их помощью терроризма, и подкуп должностных и контролирующих лиц, и т. п.

Такие неопределенность и разновариантность возможной цели (целей) и мотивов, безусловно, затрудняют правоприменительную практику по делам данной категории.

Напротив, в ст. 172.1 УК РФ цель совершения преступления достаточно конкретизирована – это сокрытие предусмотренных законодательством Российской Федерации признаков банкротства либо оснований для отзыва (аннулирования) у организации лицензии и (или) назначения в организации временной администрации.

Полностью совпадают квалифицирующие признаки данных составов, предусмотренные их частями вторыми – совершение деяний, предусмотренных частями первыми, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Субъектами состава ст. 172.1 УК РФ являются руководители и другие ответственные лица (заместители руководителя, старшие бухгалтеры, бухгалтеры). В статье 172.3 УК РФ – это руководители и другие ответственные работники банковских и иных кредитных организаций.

Таким образом, вырисовывается следующая картина.

Введенная во исполнение международных правовых рекомендаций и предписаний отечественных антикоррупционных нормативных правовых актов в Уголовный кодекс два с половиной года назад ст. 172.3 «Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах» оказалась полностью невостребованной правоприменительной практикой. Отчасти это можно объяснить некоторой схожестью объективных и субъективных признаков данной нормы с признаками ст. 170.1 УК РФ, но в большей степени – с признаками появившейся в 2014 году в уголовном законодательстве ст. 172.1 «Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации». Можно предположить, что деяния, имеющие признаки фальсификации финансовых документов, но совершаемые в кредитно-банковской сфере, также подпадают под действие ст. 172.1 УК РФ с условием, что невнесение соответствующих сведений в финансовые документы отчета и отчетности – суть та же фальсификация или ее специальная разновидность в виде преступного бездействия. Однако, как мы уже говорили, и ст. 172.1 УК практически бездействует.

Нам удалось найти лишь одно уголовное дело, оконченное производством и рассмотренное с вынесением обвинительного приговора в суде первой инстанции по признакам ст. 172.1 УК РФ. Оно касалось обвинения гр-на К., главного бухгалтера ООО «Тандембанк» (кредитной организации, действующей на основании лицензии Центрального банка России), в удалении денежных средств, находящихся на счетах АБС «РС-Банк», из платежных поручений с целью недопущения их отражения в отчете о наличии неисполненных обязательств.

Всего Банком не исполнено платежных поручений с истекшим сроком на общую сумму 2,9 млн рублей, которые не нашли отражения в отчетности [20].

Как видим, содеянное вполне вписывается и в рамки состава преступления, предусмотренно-

го ст. 172.3 УК РФ, однако судебно-следственная практика предпочла при квалификации более широкое по содержанию и форме деяние в виде фальсификации финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (ст. 172.1 УК РФ).

Причинами того, что ст. 172.1 УК РФ также мало востребована, являются факторы общего порядка, характерные в целом для практики применения многих статей главы 22 УК РФ – «Преступления в сфере экономической деятельности», в данном случае – сложности доказывания заведомой недостоверности сведений, вносимых в учетные документы или документы отчетности, умысла на достижение целей сокрытия признаков банкротства либо оснований для аннулирования лицензии на совершение предпринимательской деятельности и назначения в организацию временной администрации, отсутствие опыта работы у следственных органов по такого рода делам и т. п.

Это в особой степени касается и комментируемой ст. 172.1 УК РФ, содержание которой сформулировано, на наш взгляд, совершенно невнятно – без указания на цели и мотивы указанного деяния, без конкретизации содержания его объективной стороны.

Следует также обратить внимание на некоторое несоответствие названия данной статьи и содержания ее диспозиции (ч. 1). В названии статьи употребляется нейтральное слово «невнесение», что может подразумевать под собой и неосторожную форму вины, и даже невиновное совершение деяния (по ошибке, невнимательности и т. п.). В содержании же объективной стороны используется слово «сокрытие», которое несет в себе признаки умышленного (пользуясь западной терминологией, преднамеренного, то есть заранее обдуманного) преступления.

Резюмируя вышеизложенное, следует в очередной раз констатировать, что рассматриваемая статья 172.3 УК РФ является типичным образцом непродуманного, криминологически не обоснованного уголовно-правового законодательства, обусловленного спонтанным реагированием законодателя либо на периодически появляющиеся в практике экономической, прежде всего предпринимательской, деятельности новые формы противоправного поведения, либо на рекомендации международных нормативных правовых актов (Конвенций), механически имплементируемых в отечественное уголовное законодательство, порождающее нормы-фикции, нормы-клоны, нормы с неопределенно оценочным содержанием, не воспринимаемые действующим законодательством и практикой его применения, множачие и без того большое число неработающих или «мертвых» норм.

Сказанное в очередной раз говорит в пользу проведения более продуманной, системной, научно обоснованной уголовно-правовой политики, в частности в сфере противодействия экономической преступности, не отягощенной признаками конъюнктурных либо политически ангажированных подходов.

Библиографический список

1. Безверхов А. Г. К проблеме декриминализации экономических преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4 (18). С. 24–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22914373>.
2. Постанюк В. Д. К проблеме декриминализации ответственности за преступления экономического характера // Евразийская адвокатура. 2019. № 2 (39). С. 71–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38166512>.
3. Состояние преступности в России // Сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.06.2021).
4. Гладких В. И. Законодательные огрехи и прорехи (к вопросу о качестве уголовно-правового законодательства) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 29–38. DOI: <http://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-3-29-38>.
5. Лозинский И. В. К проблеме дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 254–259. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/435/32>.
6. Куркин П. Д., Анощенко С. В. Статья 172.1 УК РФ в аспекте охраны интересов кредитной организации // Законодательство. 2018. № 7. С. 67–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35564405>.
7. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Новые тенденции уголовно-правовой политики РФ в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 2–4. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/103988-novye-tendencii-ugolovno-pravovoj-politiki-sfere-protivodejstviya>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29115716>.
8. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 27–35. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/99547-prestupleniya-sfere-ekonomicheskoy-deyatelnosti-ruinakh-ugolovno-zakona>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32464710>.
9. Иногамова-Хегай Л. В. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве // Уголовное право. 2017. № 4. С. 53–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32309237>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/101940-sovremennye-tendencii-kriminalizacii-dekriminalizacii-rossijskom-ugolovnom-prave>.
10. Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40657>.
11. Конвенция организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) от 17.12.97 по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций. URL: <https://zakonbase.ru/content/base/272445> (дата обращения: 12.06.2021).
12. Федеральный закон «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» от 1 февраля 2012 года № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 6. Ст. 622. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002012006000&docid=3>.
13. Батюкова В. Е. Преступления в банковской сфере // Закон и право. 2020. № 3. С. 75–78. DOI: <http://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10120>.
14. Зоров П. М. Некоторые особенности объективной стороны фальсификации финансовых документов учета и отчетности финансовой организации // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 166–168. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34941807>.
15. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право. Москва: Проспект, 2021. 238 с.
16. Лозинский И. В. К вопросу об определении задачи уголовного права по охране общественных отношений в сфере экономической деятельности // Уголовная юстиция. 2019. № 3. С. 42–47. DOI: <http://doi.org/10.17223/23088451/13/8>.
17. Изосимов С. В. Уголовно-правовая характеристика фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета. Москва: РУДН, 2012. С. 23–36.
18. Куемжиева Е. Г. Криминалистическое обеспечение расследования фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 201 с.
19. Малахова В. Ю. Об ответственности за невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах // Закон и право. 2020. № 4. С. 85–87. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10169>.
20. Приговор по статье 172.1 УК РФ (Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации). URL: <https://advokat15ak.ru> (дата обращения: 10.06.2021).

References

1. Bezverkhov A. G. *K probleme dekriminalizatsii ekonomicheskikh prestuplenii* [On the problem of decriminalization of economic crimes]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia], 2014, no. 4 (18), pp. 24–35. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22914373> [in Russian].
2. Postanyuk V. D. *K probleme dekriminalizatsii otvetstvennosti za prestupleniya ekonomicheskogo kharaktera* [On the problem of decriminalization of responsibility for economic crimes]. *Evrasiiskaya advokatura* [Eurasian advocacy], 2019, no. 2 (39), pp. 71–73. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38166512> [in Russian].
3. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii* [The state of crime in Russia]. Retrieved from the website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics> (accessed 12.06.2021) [in Russian].
4. Gladkikh V. I. *Zakonodatel'nye ogrekh i prorekh (k voprosu o kachestve ugovolno-pravovogo zakonotvorchestva)* [Legislative flaws and gaps (to the issue of the quality of criminal law-making)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2018, no. 3, pp. 29–38. DOI: <http://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-3-29-38> [in Russian].
5. Lozinsky I. V. *K probleme dal'neishego sovershenstvovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, okhranyayushchego obshchestvennye otnosheniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti* [On the development of the Russian Federation criminal legislation for the protection of social relations in the sphere of economic activity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2018, no. 435, pp. 254–259. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/435/32> [in Russian].
6. Kurkin P. D., Anoschenkova S. V. *Stat'ya 172.1 UK RF v aspekte okhrany interesov kreditnoi organizatsii* [Article 172.1 of the Russian Federation Criminal Code: interests of lending institutions]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2018, no. 7, pp. 67–72. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35564405> [in Russian].
7. Avdeev V. A., Avdeeva O. A. *Novye tendentsii ugovolno-pravovoi politiki RF v sfere protivodeistviya prestupleniyam korrupsionnoi napravlenosti* [New trends of criminal law policy of the Russian Federation in the sphere of counteraction to corruption crimes]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2017, no. 5, pp. 2–4. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/103988-novye-tendencii-ugovolno-pravovoj-politiki-sfere-protivodejstviya>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29115716> [in Russian].
8. Lopashenko N. A. *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: o ruinakh ugovolnogo zakona* [Crimes in the Economic Activity Sphere: On Ruins of the Criminal Legislation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2018, no. 2, pp. 27–35. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/99547-prestupleniya-sfere-ekonomicheskoi-deyatelnosti-ruinakh-ugovolnogo-zakona>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32464710> [in Russian].
9. Inogamova-Khegai L. V. *Sovremennye tendentsii kriminalizatsii i dekriminalizatsii v rossiiskom ugovolnom prave* [Current Trends of Criminalization and Decriminalization in the Russian Criminal Law]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2017, no. 4, pp. 53–58. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/101940-sovremennye-tendencii-kriminalizatsii-dekriminalizatsii-rossijskom-ugovolnom-prave>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32309237> [in Russian].
10. *Ukaz Prezidenta RF ot 1 aprelya 2016 g. № 147 «O Natsional'nom plane protivodeistviya korrupsii na 2016–2017 gody»* [Decree of the President of the Russian Federation as of April 1, 2016 № 147 «On the National Anti-Corruption Plan for 2016–2017»]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40657> [in Russian].
11. *Konventsia organizatsii ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya (OESR) ot 17.12.97 po bor'be s podkupom dolzhnostnykh lits inostrannykh gosudarstv pri provedenii mezhdunarodnykh delovykh operatsii* [Convention of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) as of 17.12.97 on Combating Bribery of Foreign Officials in International Business Transactions]. Available at: <https://zakonbase.ru/content/base/272445> (accessed 12.06.2021) [in Russian].
12. *Federal'nyi zakon «O prisoedinenii Rossiiskoi Federatsii k Konventsii po bor'be s podkupom inostrannykh dolzhnostnykh lits pri osushchestvlenii mezhdunarodnykh kommercheskikh sdelok» ot 1 fevralya 2012 goda № 3-FZ* [Federal Law «On the Accession of the Russian Federation to the Convention on Combating Bribery of Foreign Officials in the Conduct of International Commercial Transactions» dated February 1, 2012 № 3-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2012, no. 6, Article 622. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002012006000&docid=3> [in Russian].
13. Batyukova V. E. *Prestupleniya v bankovskoi sfere* [Crimes in the banking sector: problems and analysis]. *Zakon i pravo* [Law and Law], 2020, no. 3, pp. 75–78 and others. DOI: <http://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10120> [in Russian].
14. Zorov P. M. *Nekotorye osobennosti ob'ektivnoi storony fal'sifikatsii finansovykh dokumentov ucheta i otchetnosti finansovoi organizatsii* [Some peculiarities of the objective side of falsification of financial documents of accounting and reporting of a financial organization]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2017, no. 4, pp. 166–168. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34941807> [in Russian].
15. Klepitsky I. A. *Novoe ekonomicheskoe ugovolnoe pravo* [New economic criminal law]. Moscow: Prospekt, 2021, 238 p. [in Russian].

16. Lozinsky I. V. *K voprosu ob opredelenii zadachi ugovnogo prava po okhrane obshchestvennykh otnoshenii v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti* [On the Definition of the Objective of Criminal Law on the Protection of Public Relations in the Sphere of Economic Activity]. *Ugolovnaya yustitsiya* [Russian Journal of Criminal Law], 2019, no. 3, pp. 42–47. DOI: <http://doi.org/10.17223/23088451/13/8>.

17. Izosimov S. V. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika fal'sifikatsii edinogo gosudarstvennogo reestra yuridicheskikh lits, reestra vladel'tsev tsennykh bumag ili sistemy depozitarnogo ucheta* [Criminal and legal characteristics of falsification of the unified state register of legal entities, the register of securities owners or the depository accounting system]. Moscow: RUDN, 2012, pp. 23–36. [in Russian].

18. Kuimzhieva E. G. *Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya fal'sifikatsii edinogo gosudarstvennogo reestra yuridicheskikh lits, reestra vladel'tsev tsennykh bumag ili sistemy depozitarnogo ucheta: dis. ... kand. yurid. nauk* [Forensic support for the investigation of the falsification of the unified state register of legal entities, the register of securities owners or the depository accounting system: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Krasnodar, 2016, 201 p. [in Russian]

19. Malakhova V. Yu. *Ob otvetstvennosti za nevneseenie v finansovye dokumenty ucheta i otchetnosti kreditnoi organizatsii svedenii o razmeshchennykh fizicheskimi litsami i individual'nymi predprinimatel'nyimi denezhnykh sredstvakh* [On the issue of liability for non-inclusion in financial documents of accounting and reporting of a credit institution information on funds placed by individuals and individual entrepreneurs]. *Zakon i pravo*, 2020, no. 4, pp. 85–87. DOI: <http://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10169> [in Russian].

20. *Prigovor po stat'e 172.1 UK RF (Fal'sifikatsiya finansovykh dokumentov ucheta i otchetnosti finansovoi organizatsii)* [Sentence under Article 172.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (Falsification of financial accounting and reporting documents of a financial organization)]. Available at: <https://advokat15ak.ru> (accessed 10.06.2021) [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.233

Дата поступления: 21.06.2021
рецензирования: 22.07.2021
принятия: 28.08.2021

Об определении понятия «обстоятельство, исключающее преступность деяния»

В. И. Михайлов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vim2007@yandex.ru

Аннотация: Глава 8 Уголовного кодекса Российской Федерации называется «Обстоятельства, исключающие преступность деяния». В теории уголовного права внимания тому, что представляют собой указанные обстоятельства, уделяется недостаточно. В связи с этим цель исследования состоит в определении понятия «обстоятельство, исключающее преступность деяния» на основе выяснения тех объективных причин (оснований), в силу которых причинение вреда при необходимой обороне и иных проявлениях правомерного вреда не считается преступлением. Обозначенная цель достигнута в результате анализа норм русских, российских и иностранных уголовных законов об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, и положений теории по исследуемому вопросу. В работе доказывается, что свойство правомерности или противоправности, полезности или злостности деяния, причиняющего смерть человека или иной вред, всецело формируется совокупностью внешних по отношению к деянию и деятелю факторов. При этом подчеркивается, что «деяние» не является видовым понятием по отношению к понятию «обстоятельство, исключающее преступность деяния». Оптимальным понятием, при помощи которого следует обозначать «обстоятельства, исключающие преступность деяния», выступает понятие «ситуация». В связи с этим под обстоятельствами, исключающими преступность деяния, предлагается понимать предусмотренные нормами гл. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации ситуации, при которых причинение вреда интересам, охраняемым уголовным законом, в пределах и с соблюдением условий, указанных в нормах гл. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов, является правомерным. Обосновывается, что применяемое на практике в качестве процессуального основания, исключающего производство по уголовному делу, «отсутствие состава преступления» (п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) применительно к обстоятельствам, устраняющим преступность деяния, не отражает сущности последних и не стимулирует органы следствия на их установление. В связи с этим вносятся соответствующие предложения.

Ключевые слова: ситуация правомерного вреда; обстоятельства, исключающие преступность вреда; необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайняя необходимость; обоснованный риск; исполнение приказа или распоряжения; понятие преступления; ситуация; уголовно-процессуальные основания, исключающие производство по уголовному делу при причинении вреда в случаях, указанных в гл. 8 УК РФ.

Цитирование. Михайлов В. И. Об определении понятия «обстоятельство, исключающее преступность деяния» // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 46–58. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-46-58>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Михайлов В. И., 2021

Валентин Иванович Михайлов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства, судостроительства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.06.2021
Revised: 22.07.2021
Accepted: 28.08.2021

On the definition of the concept of «a circumstance excluding the criminality of an act»

V. I. Mikhailov

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: vim2007@yandex.ru

Abstract: Chapter 8 of the Criminal Code of Russia is called «circumstances that exclude the criminality of an act». In this regard, the purpose of the study is to define the concept of «circumstances that exclude the criminality of an act» on the basis of clarifying those objective reasons (grounds) by virtue of which causing harm with the necessary defense and other manifestations of legitimate harm is not considered a crime. The designated goal was achieved as a result of the

analysis of the norms of Russian, Russian and foreign criminal laws on the circumstances excluding the criminality of the act, and the provisions of the theory on the issue under study. The paper proves that the property of legality or illegality, usefulness or malice of an act that causes the death of a person or other harm is entirely formed by a set of factors external to the act and the actor. At the same time, it is emphasized that «an act» is not a specific concept in relation to the concept of «circumstances excluding the criminality of an act». The optimal concept by which to designate «circumstances that exclude the criminality of an act» is the concept of «situation». In this regard, under the circumstances excluding the criminality of the act, it is proposed to understand the situations, in the presence of which harm to the interests protected by criminal law, within and in compliance with the conditions specified in the norms of Chapter 8 of the Criminal Code of Russia, other federal laws and other regulatory legal acts, is lawful. It is proved that the absence of the *corpus delicti* used in practice (pr. 2 Part 1 of Article 24 of the Criminal Procedure Code of Russia) as a procedural basis excluding criminal proceedings in relation to the circumstances that eliminate the criminality of the act does not reflect the essence of the latter and does not stimulate the investigative bodies to establish them. In this regard, relevant proposals are being made.

Key words: situations of lawful harm; circumstances excluding the criminality of harm; necessary defense; causing harm when detaining a person who committed a crime; extreme necessity; reasonable risk; execution of an order or order; the concept of a crime; situation; criminal procedural grounds excluding criminal proceedings in cases of harm in cases specified in Chapter 8 of the Criminal Code of Russia.

Citation. Mikhailov V. I. *Ob opredelenii ponyatiya «obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya»* [On the definition of the concept of «a circumstance excluding the criminality of an act»]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 46–58. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-46-58> [in Russian].

Conflict of interest information: the author declares no conflict of interest.

© Mikhailov V. I., 2021

Valentin I. Mikhailov – Doctor of Legal Sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation, a chief researcher of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34, B. Chermuskinskaya Street, Moscow, 117218, Russian Federation.

В теории уголовного права крайне мало работ, в которых бы специально рассматривался вопрос о том, что же отражено в нормах гл. 8 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК России): вредоносные деяния по отражению посягательства (устранению опасности и т. д.) или специфические обстоятельства (ситуация, обстановка, причины), которые, собственно, и исключают преступность деяния, причинившего вред интересам, охраняемым уголовным законом.

После вступления в силу в 1996 г. УК России, в котором институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, был серьезно реформирован, исследованию данного правового института были посвящены докторские диссертации В. А. Блиникова, А. П. Дмитренко, С. В. Пархоменко [1–3], а также работы других авторов, которыми сделана во многом успешная попытка комплексно рассмотреть институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, и, в частности, определиться с понятием категории «обстоятельство, исключающее преступность деяния» [4].

В последние годы изучение института обстоятельств, исключающих преступность деяния, выходит на новый уровень. Г. С. Шкабиным и А. В. Никуленко защищены докторские диссертации, в которых с учетом усложнения общественных процессов, роста социальных конфликтов, дифференциации интересов разных социальных групп и других объективных причин, а также накопленных знаний с междисциплинарных позиций рассмотрены проблемы уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности прежде всего через призму норм гл. 8 УК России и концептуальные основы уголовно-правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния [5; 6].

Также опубликован ряд иных работ, в которых предприняты попытки дать дефиницию понятия «обстоятельство, исключающее преступность деяния», исходя из доктринального понимания соответствующим автором правовой природы института обстоятельств, исключающих преступность деяния [7–9].

Однако результаты этих исследований не дают ответа на основополагающие вопросы: чем являются описанные в гл. 8 УК России обстоятельства (пространственно-временным фрагментом реальности, в пределах которого совершается деяние, причиняющее вред, или сугубо деянием) и в силу чего они исключают преступность; что входит в предмет доказывания по делам о причинении вреда интересам, охраняемым уголовным законом, в случае отражения посягательства при необходимой обороне и в других ситуациях, указанных в гл. 8 УК России; каковы процессуальные основания исключения уголовного преследования в таких случаях; а также какой отраслью законодательства регулируются такие случаи (только уголовным законом или и иными нормативными правовыми актами) и др. [10, с. 34].

В соответствии с законами логики определение любого понятия должно осуществляться через указания на вид (более общую по отношению к определяемому явлению категорию) путем поиска отличительных признаков, которые в своем единстве отражали бы своеобразие определяемого понятия и отличали отражаемое явление от схожих явлений.

В уголовном законодательстве видовой категория по отношению к нормам о необходимой обороне и иных проявлениях правомерного вреда называлась по-разному. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. невиновное

причинение вреда, малолетство, ошибка, необходимая оборона и т. д. именовались «причинами, по коим содеянное не должно быть вменено в вину», а в Уголовном уложении 1903 г. конкретные проявления правомерного вреда обозначались «*условиями*» [11, с. 20–23; 12, с. 69–92].

В УК РСФСР 1926 г. необходимая оборона определялась с использованием термина «*состояние*». Этот же термин применялся в УК РСФСР 1960 г. при характеристике необходимой обороны и крайней необходимости.

Глава 8 УК России называется «*Обстоятельства, исключают преступность деяния*», но нормативное определение того, что же представляет собой «обстоятельство», как оно соотносится с закрепленными в этой главе необходимой обороной и другими проявлениями правомерного вреда, не дается. Хотя в ст. 37 и 39 УК России о необходимой обороне и крайней необходимости применяется термин «состояние».

В уголовных законах постсоветских государств предписания о необходимой обороне, крайней необходимости и в отдельных случаях – задержании лица, совершившего преступление, размещаются в разделах, именуемых, как правило, с применением термина «обстоятельство». Например, гл. IX УК Узбекистана называется «Понятие и виды обстоятельств, исключающих преступность деяния», в ст. 35 которого указано, что «*исключающими преступность признаются обстоятельства, при которых деяние, содержащее предусмотренные данным Кодексом признаки, не является преступлением ввиду отсутствия общественной опасности, противоправности или вины*» [13]. Однако каких-либо пояснений по содержанию термина «обстоятельство» в уголовных законах этих государств также не дается.

В статье 2.7.1 проекта УК Украины (в редакции по состоянию на 25.07.2021) «Понятие и виды обстоятельств, исключающих противоправность деяния» указывается, что *обстоятельством, исключающим противоправность деяния, является действие или бездействие, которое: а) причиняет вред, б) является правомерным, то есть совершено при использовании лицом своего субъективного права, исполнении юридической обязанности или осуществлении государственно-властных полномочий, и в) соответствует условиям, предусмотренным Конституцией Украины, данным разделом УК Украины, другим законом или международным договором, согласие на обязательность которого предоставлено Верховной Радой Украины*» [14].

Из данного определения усматривается, что законодатель Украины исходит из того, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, предусмотрены не только в Общей части УК Украины, но и Конституцией Украины, другими законами и международными договорами, обязательными для Украины.

Вместе с тем представляется, что в данном случае при определении института «обстоятельство,

исключающее противоправность деяния» нарушены правила логики, так как понятие «деяние» по отношению к понятию «обстоятельства, исключают противоправность деяния» не является видовой категорией, а находится с ним в разных смысловых плоскостях.

В других странах при определении обстоятельств, исключающих преступность деяния, используются разные понятия. В частности, согласно УК Франции, непреодолимая сила, принуждение, ошибка относительно права, предписание либо разрешение закона или регламента, требование законной власти, правомерная защита, неминуемая опасность, несовершеннолетние (ст. 122-2–122-8) являются «*основаниями ненаступления уголовной ответственности или ее смягчения*» [15]. В уголовном законодательстве США самозащита, необходимая оборона, выполнение должностных обязанностей, личная и крайняя необходимость, согласие, ошибка, невменяемость и другие ситуации правомерного вреда именуется «*защитами*». В Примерном УК США обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, содержатся в разных разделах. Незнание или ошибка, опьянение, принуждение, приказ военачальника, согласие и «вовлечение в ловушку» (провокация) закреплены в разделе 2 «*Общие принципы ответственности*», а такие обстоятельства, как исполнение публичной обязанности, применение силы для защиты себя, других лиц, имущества или при исполнении закона, – в разделе 3 «*Общие принципы оправдания*» [16, с. 89–90].

В теории права одна группа ученых полагает, что «обстоятельствами, исключающими преступность деяния», являются такие поведенческие акты человека, как «деяние», «действие», «поступок», «акт поведения», «причинение вреда», «защитная деятельность» и «устранение опасности» [17, с. 248; 18, с. 38; 19, с. 11]. Например, А. П. Дмитренко под обстоятельством, исключающим преступность деяния, понимает «социально полезное или допустимое уголовно-правомерное деяние, причинившее вред охраняемым уголовным законом отношениям при наличии предусмотренных уголовным законом оснований и в установленных им пределах» [20, с. 12].

С. В. Пархоменко считает, что понятие «обстоятельства, исключающие преступность деяния» «по формальным и содержательным признакам более правильно подпадают под другое понятие – “*деяния, преступность которых исключается...* в силу отсутствия уголовной противоправности”, при этом этот автор отмечает, что «*преступность при причинении вреда, в частности при необходимой обороне, исключается актом правомерной обороны, а не актом общественно опасного посягательства*» [21, с. 64–68]. Делая такой вывод, С. В. Пархоменко, однако, не учитывает, что само по себе деяние, являющееся «актом необходимой обороны» и причиняющее вред охраняемым уголовным законом отношениям, нейтрально. Его оценка как общественно опасного либо социально приемлемого

(допустимого) осуществляется законодателем с учетом места, времени, способа совершения, причин, его вызвавших, и других обстоятельств.

Сторонники этой точки зрения ошибочно исходят из того, что в содержании норм гл. 8 УК России, как и содержании норм Особенной части УК России, отражается совокупность волевых телодвижений человека, направленных на один объект, совершаемых мотивированно и с определенной целью, что, по мнению В. Н. Кудрявцева, как раз и является деянием (действием, бездействием) или поступком [22, с. 12–15].

Использование такого подхода для определения необходимой обороны и других проявлений правомерного вреда возможно, но в таком случае необходимо пояснить, как «деяние» соотносится с понятием «обстоятельство, исключаящее преступность деяния». Как правило, такие пояснения не даются.

Поэтому нет никаких оснований рассматривать «деяние» в качестве видового понятия по отношению к понятию «обстоятельство, исключаящее преступность деяния».

Следует отметить, что в литературе предлагается также характеризовать деяния, правомерно причинившие вред интересам, охраняемым уголовным законом, по составу поступка, понимаемому как система юридических признаков субъекта, объекта, субъективной и объективной сторон соответствующего поступка, характеризующих его в качестве общественно полезного или социально приемлемого (допустимого) [19, с. 11–26; 23, с. 138; 24, с. 11–12; 25, с. 10].

Однако идея оценивать правомерное поведение при помощи состава правомерного поступка не находит применения даже при характеристике гражданского деликта в связи с тем, что категория «состав» специально разрабатывалась в теории права для описания лишь отклоняющихся от нормы, запрещенных деяний (преступления и административного проступка) [26, с. 21, 68; 27, с. 15–17] с целью определения, какое именно правонарушение совершено. Сконструировать набор составов правомерных поступков нереально и не нужно. Правомерное поведение является нормой, а в уголовном законе описываются отклоняющиеся от нормы поступки.

Кроме того, следует учитывать, что наличие или отсутствие во вредоносном деянии состава соответствующего правомерного поступка можно определить лишь в результате соотнесения его признаков с теми признаками, которые закреплены в соответствующей норме закона. Однако в нормах гл. 8 УК России и других нормативных актов не предусмотрены, в частности, такие элементы правомерного вредоносного деяния, как отражение посягательства, мотивы, виновность, и в теории права по этим вопросам нет разработок, например, нет рекомендаций, как следует раскрывать содержание умысла применительно к правомерному деянию, и т. д.

Авторами этой идеи не учитывается, что деяния (действия или бездействие), повлекшие смерть

человека или причинившие иной вред, значимы для социума не только в связи с теми интересами, которые пострадали при этом, но прежде всего в связи с той ситуацией, в которой причинен вред, и (или) интересами, которые защищались путем причинения вреда. Так, «лишение жизни солдата неприятельской армии во время боя считается подвигом, но если смерть такому же солдату причиняется вне военной обстановки, то такое деяние признается преступлением» [28, с. 113]. Хотя в том и другом случае от объективно одинаковых деяний страдает одна и та же совокупность общественных отношений – отношения, обеспечивающие жизнь человека. В связи с этим объективно «подвиг от преступления отличает не характер телодвижений человека (они могут быть идентичными и направленными на один объект уголовной охраны), а обстановка (ситуация), в которой совершаются соответствующие деяния. Свойство правомерности или противоправности, полезности или злостности деяния и вреда, причиняемого в результате этого деяния, всецело формируется той социальной ситуацией (совокупностью внешних по отношению к деянию факторов), в которой совершается деяние» [29, с. 75], которая (внешняя обстановка) никоим образом не может рассматриваться как свойство деяния, совершаемого обороняющимся.

Предложение рассматривать деяние в качестве основания исключения преступности вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны или в других случаях, указанных в гл. 8 УК России, также не согласуется с нормой ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК России), в которой *обстоятельства, исключаящие преступность деяния, названы в качестве самостоятельного элемента предмета доказывания* по каждому уголовному делу наряду с событием преступления (способом, средством, временем, местом совершения преступления), виновностью лица в совершении преступления, формой его вины и мотивами и др.

Другая группа авторов заявляет, что «обстоятельства, исключаящие преступность деяния, представляют собой сознательные и волевые поступки человека», утверждая одновременно с этим, что «каждое обстоятельство, исключаящее преступность деяния, представляет собой единство правомерного поступка и присущего ему основания», при этом понимая под «основанием» сложные по составу и объективные по характеру факты реальной действительности, внешнее событие, процесс, явление и т. п., вызывающие и оправдывающие совершение правомерных поступков, связанных с причинением вреда объектам уголовно правовой охраны» [30, с. 92; 31, с. 77].

Так, Г. С. Курбанов полагает, что «обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния, с одной стороны, представляют *внешний фактор* (обстоятельства, созданные направленной деятельностью какого-либо

лица или возникающие вследствие действий естественных сил, непланируемого стечения событий, связанных с деятельностью многих лиц), с другой – *представляют собой действия субъекта*: а) реализующие права, а в ряде случаев и обязанности, порожденные их существованием; б) осуществляемые применительно к конкретизированным правам и правомочиям» [32, с. 37].

Представляется, что в данном случае происходит безосновательная подмена понятия «обстоятельства, исключают преступность деяния» понятием «основания, вызывающие необходимость совершения того или иного поступка». При этом необходимо отметить, что, по нашему мнению, в нормах гл. 8 УК России закреплены, во-первых, соответствующие обстоятельства и, во-вторых, объем вреда, причинение которого в ответ на соответствующее событие признается правомерным, или условие, соблюдение которого необходимо. Как уже отмечалось, *любое деяние*, совершенное в ситуации, указанной в соответствующих нормах гл. 8 УК России, причинившее вред в объеме при соблюдении условий, предусмотренных названными нормами, является правомерным.

Третья группа авторов исходит из того, что содержание норм гл. 8 УК сводится к описанию обстоятельства (обстановки, особой обстановки, ситуации), особый характер которого позволяет действовать вредоносным способом. Так, А. Т. Вельгмандер под обстоятельством, исключаящим преступность деяния, предлагает понимать «жизненный факт (обстоятельство), исключаящий уголовную ответственность, предусмотренный нормами УК РФ, отражающий такое противоречие между несколькими признанными обществом социальными интересами (благами), при котором одному из них причиняется вынужденный вред деянием, обладающим формальными признаками состава преступления, но, в силу иных особенностей сложившейся ситуации (*внешнего фактора (основания) и состояния*), не наделенным материальными свойствами общественной опасности и уголовной противоправностью (преступностью)» [33, с. 31–32]. Н. Н. Аськов считает, что «обстоятельством, исключаящим преступность деяния, признается *особенная обстановка*, при которой действия (бездействие), совершаемые лицом с соблюдением предусмотренных в уголовном законодательстве условий правомерности и в установленных пределах, имеют позитивную направленность, но сопряжены с вынужденным причинением вреда» [34, с. 84–88].

В. А. Блинников также считает, что любое из обстоятельств, исключаящих преступность деяния, обусловлено «*внешним фактором*, который может представлять собой деятельность другого человека (например, при обороне, задержании или принуждении); он может быть силами природы, порождающими крайнюю необходимость или обоснованный риск; а также и предшествующее поведение самого лица» [35, с. 84–88].

Предложение «об увязывании» понятия «обстоятельство, исключаящее преступность деяния»

с понятием «внешний фактор» при всей его привлекательности нуждается в уточнении. Дело в том, что «внешний фактор» хотя и важный, но всего лишь один из элементов ситуации, наличие которой порождает юридическое дозволение действовать путем причинения вреда. Наряду с «внешним фактором» каждая из ситуаций включает также субъекта с соответствующим статусом, место, время и ряд иных элементов. Совокупность этих элементов формирует право или обязанность соответствующего субъекта действовать даже путем причинения вреда, а также объем допустимого правомерного вреда. Например, такой внешний фактор, как посягательство на жизнь индивида в пустынном месте, порождает ситуацию необходимой обороны (ст. 37 УК России), в которой у *индивида имеется право* на применение вредоносных средств для отражения посягательства. Посягательство на жизнь индивида в присутствии сотрудников правоохранительных органов также является внешним фактором, но формирует иную ситуацию, ситуацию выполнения профессиональных (должностных) функций (федеральные законы от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»). В такой ситуации сотрудники правоохранительных органов *обязаны* в целях пресечения посягательства действовать в пределах своих профессиональных (должностных) функций даже путем причинения вреда интересам, поставленным под охрану уголовного закона.

Представляется, что подход этой группы исследователей к определению понятия обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в целом отражает реальное положение дел, концептуально наиболее близок к воле законодателя и *согласуется с положениями русского, российского и советского уголовного законодательства*.

Как уже отмечалось, анализ истории развития уголовного законодательства показывает, что нормы о необходимой обороне и иных проявлениях правомерного вреда обозначались с применением понятий «причины», «условия», «состояния», которые характеризуют соответствующие элементы реальности, являющиеся внешними по отношению к деянию, причиняющему вред, и (или) психическое состояние лица, совершавшего такое деяние, но отнюдь не выражают свойство вредоносного деяния.

В русском языке под «*обстоятельством*» понимается какое-либо *условие*, определяющее существование кого-нибудь, чего-нибудь; *причина*, какая-либо данность, определяющая связь какого-либо дела с тем, о ком идет речь. В свою очередь, «*состояние*» определяется как внешними или внутренними обстоятельствами, в которых находится кто-нибудь или что-либо, а «*положение*» – как «состояние чего-то или кого-то, внешние или внутренние обстоятельства» [36, с. 398, 509, 662, 691].

Поэтому содержание норм гл. 8 УК России и других нормативных актов должно характеризоваться при помощи категории, «вмещающей» в

себя те объемы реальности, которые допускаются социумом в связи с индивидуальным вредоносным поведенческим актом (деянием), при этом известной праву и нормотворчеству.

Этим условиям соответствует такая категория, как *ситуация*, под которой в праве понимается «локализованный в пространстве и во времени фрагмент общественной жизни, характеризующийся качественной определенностью своего содержания и относительно стабильным составом участников, являющийся первичным элементом регулирования юридической нормы» [37, с. 48–49].

Категория «ситуация» применяется не только в праве, но и в других областях знания. В психологии под социальной ситуацией понимают систему внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредствующих его активность. В криминологии (микрокриминологии) ситуацией считают некий «объем» реальности, в котором происходит криминальное деяние, и связанный с указанным «объемом» комплекс причин, условий, обстоятельств, зависящий от макросоциальных характеристик общества; структурно ситуация включает элементы объективной реальности и субъективные моменты ее оценки. В юриспруденции также используется категория «конкретная жизненная ситуация», под которой понимается определенное сочетание обстоятельств жизни человека, непосредственно влияющих на его поведение в данный момент [38; 39, с. 207; 40, с. 107–109].

В каждой ситуации следует различать объективное содержание, определяемое происшедшими в действительности событиями, и субъективное значение, которое придается ей субъектом в зависимости от его взглядов, опыта, наклонностей, характера и т. д. Объективное содержание и субъективное значение могут сильно расходиться; при этом индивид поступает в соответствии со своим представлением о ситуации. Это положение лежит в основе теории «мнимой обороны».

Поведение человека вообще, а тем более в сложной ситуации зависит от индивидуального и (или) профессионального опыта, навыков в преодолении сложностей, влияния социальных установок и общественного мнения. В реакциях человека на опасность отражен его предыдущий опыт действия в аналогичных ситуациях.

В то же время значение общественной оценки правомерности действий сильно возрастает для случаев разрешения нетипичных ситуаций, когда индивид не всегда имеет возможность применить способ устранения опасности, «лежащий на поверхности». Тем более что ясных методик правовой оценки правомерного причинения вреда в ситуациях, предусмотренных в гл. 8 УК России, других федеральных законах и иных нормативных правовых актах, нет. В таких случаях поиск решения отсутствует и в качестве мотива поступка выступает стереотипное поведение, характерное для лиц, профессионально в обычном режиме действующих в сложной обстановке.

Важное свойство любой ситуации – ее *конкретность*, выражающаяся в том, что она существует в определенных пространственно-временных рамках с постоянным субъектным составом. Ситуации могут охватывать большие территории и сохраняться в течение длительного времени либо, наоборот, ограничиваться небольшими пространствами и длиться несколько мгновений, например, ситуация крайней необходимости, вызванная угрозой автотранспортного происшествия, может длиться несколько секунд, а ситуация крайней необходимости, вызванная какими-либо природными катаклизмами, – месяцами или даже годами.

Другим свойством ситуаций является известная *повторяемость*, что создает необходимые гносеологические и логические основания для предвидения их появления в будущем и, как следствие, их нормативного урегулирования.

Ситуации могут складываться не только под воздействием социальных факторов, поведения людей, но и в результате техногенных факторов или действия сил природы, например стихийного бедствия или болезни. Примером тому может быть пандемия COVID-19, в результате чего государственным органам пришлось принимать меры, причиняющие вред интересам граждан, как единственное средство спасения более значимого блага – жизни людей.

Ситуации в значительной мере определяются социальной ролью индивида, его принадлежностью к определенной социальной группе, образом жизни и пр. Например, одни ситуации возникают у полицейского, другие – у врача, третьи – у прохожего. Это дает возможность в вероятностном аспекте нормативно определить варианты поведения некоторых категорий индивидов (пожарные, медицинские работники и т. п.) в наиболее типичных для них и важных ситуациях. Каждая из ситуаций, отраженных в гл. 8 УК России, охватывает некую общность случаев, обладающих одинаковыми чертами.

Любая ситуация характеризуется совокупностью присущих только ей сущностных элементов (признаков). Если отсутствует один или несколько из таких элементов (признаков), то и в целом нет соответствующей ситуации. И наоборот, присутствие всех указанных элементов (признаков) свидетельствует о наличии оной.

В связи с этим при правовой оценке фактов причинения вреда, имевших, например, признаки необходимой обороны, в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК России *следует особое внимание уделять установлению внешних по отношению к деянию и деятелю обстоятельств* (например, в случае с необходимой обороной – наличия общественно опасного посягательства), предопределивших совершение деяния, повлекшего причинение вреда, так как именно такие обстоятельства исключают преступность причиняемого вреда.

В данном случае важно подчеркнуть, что обстоятельства, исключающие преступность деяния (ситуации правомерного вреда), предус-

мотрены не только гл. 8 УК России, но также федеральными законами от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», Общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 10.11.2007 № 1495, и другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, в своей совокупности образующими такую ситуацию, как «выполнение профессиональных (должностных) функций» [41, с. 88–100].

Таким образом, *под обстоятельствами, исключаяющими преступность деяния, понимаются предусмотренные нормами гл. 8 УК России, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов ситуации, при наличии которых причинение вреда интересам, охраняемым уголовным законом, в пределах и с соблюдением условий, указанных в нормах гл. 8 УК России, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов, является правомерным.*

Содержание ситуаций, отраженных в нормах гл. 8 УК, других федеральных законов и иных нормативных правовых актах о правомерном причинении вреда интересам, охраняемым уголовным законом, «определяется правом или обязанностью соответствующих лиц действовать в социально значимых целях даже путем причинения вреда, пределы которого, а также пространственно-временные и иные ограничители возможности разрешения ситуации вредоносным образом устанавливаются законодателем согласно сложившейся в обществе системе ценностей. Субъектный состав ситуации включает лиц, интересам которых причиняется вред, и лиц, деяния которых причиняют вред, а также лиц, интересы которых защищались, в совокупности их юридических статусов и психического отношения» [10, с. 40].

Нормативное регулирование разрешения ситуаций, то есть закрепление в норме модели желательного или допустимого вредоносного поведения, осуществляется только при их общественной значимости и «зрелости», наличии у этих ситуаций устойчивых черт, закономерно проявляющихся при определенных условиях, позволяющих эти ситуации типизировать, и при условии, что эти ситуации объективно поддаются нормативному упорядочиванию и нуждаются в этом.

В нормах гл. 8 УК России, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов указываются признаки соответствующего обстоятельства (ситуации), объем допускаемого вреда и иные условия, при соблюдении которых причинение вреда является правомерным.

Изложенный выше подход к раскрытию содержания понятия «обстоятельство, исключаящее преступность деяния» требует редакци-

онной корректировки названий норм гл. 8 УК России, но ограниченный объем настоящей статьи не позволяет должным образом рассмотреть этот вопрос. Отметим лишь, что с позиций логики названия этих норм должны отражать существо конкретной ситуации (причины, обстоятельства), порождающей дозволение действовать путем причинения вреда. При формировании названий норм гл. 8 УК России полезно было бы, в частности, обратить внимание на ст. 98 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в соответствии с которой «причины, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину, суть: 1) совершенная невинность того деяния, коего случайным и непредвидимым последствием было сделанное зло; 2) малолетство в таком возрасте, когда подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния; 3) безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятство; 4) ошибка случайная или вследствие обмана; 5) принуждение от превосходящей непреодолимой силы; 6) необходимость обороны».

Положение о том, что под обстоятельством, исключаяющим преступность деяния, понимается ситуация как совокупность внешних к деянию и деятелю свойств, имеет сугубо практическое значение.

Дело в том, что в соответствии со сложившимся в судебной практике обыкновением процессуальным «основанием вынесения оправдательного приговора или постановления (определения) о прекращении уголовного дела является отсутствие в деянии состава преступления» (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК России) [42].

При таком подходе при производстве по уголовному делу в случае причинения вреда интересам, охраняемым уголовным законом при обстоятельствах, исключаяющих преступность деяния, первоначально выдвигается гипотеза о совершении определенного преступления, а затем следствие должно доказывать отсутствие в деянии, причинившем вред, состава определенного преступления. Но в рамках устоявшегося в теории и применяемого на практике понимания состава преступления деяние, в результате которого правомерно при обстоятельствах, исключаяющих преступность деяния, причинен вред, имеет все признаки состава соответствующего преступления. Например, при правомерном лишении жизни при отражении от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, страдает объект уголовно-правовой охраны (общественные отношения по поводу жизни человека, признаваемого высшим благом); лицо, отражающее посягательство, действует осознанно и понимает, что своими действиями оно лишает жизни другого человека и именно этого и желает; между деянием, совершенным в целях отражения посягательства, и наступившим результатом – лишением жизни другого человека, – бесспорно, имеется причинная связь.

Да и психологически следователю или дознавателю, которые в течение всей своей профессиональной деятельности обосновывали наличие состава преступления, трудно переориентироваться и при наблюдаемой внешне одинаковой, например с убийством, обстановке доказывать отсутствие состава преступления. *Отличие правомерного лишения жизни при необходимой обороне от убийства коренится прежде всего в той ситуации (обстановке, обстоятельствах), в которой это произошло и которая находится за пределами предусмотренного ст. 105 УК России состава преступления.* В соответствии с устоявшимся в теории уголовного права и применяемым на практике пониманием состава преступления ситуация (обстановка, обстоятельство, условия), в рамках которой произошло причинение вреда, не является юридически обязательным элементом состава целого ряда преступлений, следовательно, несмотря на то, что в ч. 1 ст. 73 УПК России закреплено требование по каждому уголовному делу доказывать обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, исследованию деталей ситуации, в пределах которой совершено деяние, повлекшее причинение вреда, не уделяется должного внимания.

Вместе с тем, исходя из норм гл. 8 УК России, отсутствует событие преступления. Именно это предусмотренное процессуальным законом основание, исключающее производство по уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК России), в большей степени соответствует предназначению рассматриваемого уголовно-правового института – отрицать преступность деяния, причинившего вред.

В связи с этим в ходе предварительного расследования и судебного заседания по уголовным делам о причинении вреда, имеющим признаки необходимой обороны или других проявлений правомерного вреда, доказыванию подлежит прежде всего наличие или отсутствие соответствующего обстоятельства, исключающего преступность деяния (ситуации, обстановки). В случае установления такого обстоятельства уголовное преследование должно быть прекращено в связи с отсутствием события преступления (п. 1 ч. 2 ст. 24 УПК России). При доказанности отсутствия такого обстоятельства уголовное преследование продолжается в целях установления признаков состава соответствующего преступления.

Но и «отсутствие события преступления» в том значении, какое ему придает теория и правоприменительная практика, не в полной мере отражает существо правового института «обстоятельства, исключающего преступность деяния» и не стимулируют органы следствия на их установление. В результате чего не дается адекватной правовой оценки происшедшему. А это, в свою очередь, значительно снижает эффективность правового регулирования общественных процессов.

В постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации отмечается, что «отсут-

ствие события преступления исключает привлечение лица, причинившего вред, к какой-либо юридической ответственности, в то время как отсутствие в деянии состава преступления может восприниматься как не отрицающее факта участия этого лица в совершении деяния, по которому было возбуждено уголовное дело. Прекращение уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, хотя и является реабилитирующим основанием, не препятствует наступлению в будущем негативных для лица последствий в виде его привлечения к дисциплинарной, административной или гражданско-правовой (материальной) ответственности в процедурах, применительно к которым решение о прекращении уголовного дела может использоваться для доказывания совершения самого деяния» [43; 44].

Все это, на наш взгляд, предопределяет необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве в качестве самостоятельного основания, устраняющего производство по уголовному делу, такое основание, как «причинение вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния». Такой подход соответствует требованию нормы ст. 73 УПК России, в соответствии с которой *обстоятельства, исключающие преступность деяния, названы в качестве самостоятельного элемента предмета доказывания по каждому уголовному делу* наряду с событием преступления (способом, средством, временем, местом совершения преступления), в качестве первоочередного обстоятельства, подлежащего доказыванию и характеризующего объективную сторону содеянного, виновностью лица в совершении преступления, формой его вины и мотивами и др.

В качестве вывода следует отметить следующее. *Свойство правомерности деяния, причинившего вред объектам уголовной охраны при отражении посягательств или для достижения других, как правило, более общественно значимых интересов, обуславливает ситуация (обстоятельство), внешняя к деянию и деятелю.*

Именно ситуация, будучи внешней по отношению к деянию и к деятелю, в зависимости от ее особенностей порождает право или обязанность действовать даже путем причинения вреда и предопределяет объем допускаемого правомерного вреда.

Хотя в русском языке понятия «обстоятельство», «ситуация» и «обстановка» являются синонимами, употребление термина «ситуация» при юридическом анализе содержания норм о необходимой обороне и других проявлениях правомерного вреда предпочтительнее, так как имеет конкретное правовое содержание.

Также с точки зрения содержания норм гл. 8 УК России необходимая оборона, крайняя необходимость и другие проявления правомерного вреда – суть ситуации, а не деяния.

«Отсутствие состава преступления» (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК России) в качестве процессуаль-

ного основания исключения производства по уголовному делу в случае причинения вреда в обстоятельствах, исключающих преступность деяния, не отражает особенности таких случаев. В связи с этим ч. 1 ст. 24 УПК России следует дополнить пунктом 1.1, в соответствии с которым уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению при причинении правомерного вреда в ситуациях, предусмотренных гл. 8 УК России и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Библиографический список

1. Блинников В. А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 403 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sistema-obstoyatelstv-isklyuchayushchikh-prestupnost-deyaniya-v-ugolovnom-prave-rossii>.
2. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2004, 339 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/deyaniya-prestupnost-kotorykh-isklyuchaetsya-v-silu-sotsialnoi-poleznosti-i-neobkhodimosti>.
3. Дмитриенко А. П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2010, 522 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/institut-obstoyatelstv-isklyuchayushchikh-prestupnost-deyaniya-v-ugolovnom-prave-rossii>.
4. Щелкогонова Е. В. Перспективы развития института обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российский юридический журнал. 2014. № 1 (94). С. 85–92. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21338678>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/78726-perspektivy-razvitiya-instituta-obstoyatelstv-isklyuchayushchikh-prestupnost-deyaniya>.
5. Шкабин Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018, 409 с. URL: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2017/11/Уголовно-правовое-обеспечение-оперативно-разыскной-деятельности.pdf>.
6. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019, 512 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42888638>; https://univermvd.ru/files/other-files/Никуленко_А.В._ДИ.pdf.
7. Щелконогова Е. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: природа, система, квалификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014, 26 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30406381>; <https://www.dissercat.com/content/obstoyatelstva-isklyuchayushchie-prestupnost-deyaniya-priroda-sistema-kvalifikatsiya/read>.
8. Ситникова А. И. Конструирование и законодательно-текстологическая интерпретация теоретической модели главы «Причинение вреда в исключительных ситуациях» // Lex Russica. 2016. № 8 (117). С. 48–61. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.117.8.048-061>.
9. Орешкина Т. Ю. Глава Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: проблемы формирования // Lex Russica. 2017. № 6 (127). С. 101–115. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.127.6.101-115>.
10. Михайлов В. И. О содержании норм главы 8 УК России // Государство и право. 2010. № 12. С. 34–41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15528130>.
11. Свод законов уголовных. Книга первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург, 1866. 439 с.
12. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлечениями из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министерства Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Санкт-Петербург: изд. Н. С. Таганцева, 1904. 1124 с.
13. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 20.04.2021).
14. Кримінальний кодекс Україна (проект). Контрольний текст. (станом на 25.07.2021 року). URL: <https://newcriminalcode.org.ua/upload/media/2020/10/21/kontrolnyj-proekt-kk-19-10-2020.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).
15. Уголовный кодекс Франции. URL: https://zakoni.ucoz.ru/news/ugolovnyj_kodeks_francii/2012-04-10-129 (дата обращения: 20.04.2021).
16. Козочкин И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2007, 478 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=261625&p=1>.
17. Уголовное право России: в 2 т. Т. 1 / под ред. Н. Г. Кадникова. Москва: ИД «Юриспруденция», 2018. 436 с.
18. Козак В. Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. 154 с.
19. Меркурьев В. В. Состав необходимой обороны. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004, 216 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20022742>.

20. Дмитренко А. П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2010. 50 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/institut-obstoyatelstv-isklyuchayushchikh-prestupnost-deyaniya-v-ugolovnom-prave-rossii/read>.
21. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. 267 с. URL: <https://iknigi.net/avtor-svetlana-parhomenko/97286-deyaniya-prestupnost-kotoryh-isklyuchaetsya-v-silu-socialnoy-poleznosti-i-neobhodimosti-svetlana-parhomenko/read/page-1.html>.
22. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. Москва: Юрид. лит., 1978. 192 с. URL: <https://fr.b-ok.cc/book/3225022/21c92a>.
23. Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков: Основа, 1991. 359 с.
24. Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. 118 с.
24. Бабурин В. В. Риск как основание дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 39 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004590346.pdf.
26. Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. Москва: Юрид. лит., 1951. 387 с.
27. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 549 с. URL: https://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/uchenie_o_sostave_prestupleniya_v_ugolov/read_online.html.
28. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 1999. 448 с. URL: https://bookap.info/book/sorokin_prestuplenie_i_kara_podvig_i_nagradasotsiologicheskij_etyud_ob_osnovnyh_formah_obshestvennogo_povedeniya_i_morali/bypage/.
29. Кибальник А. Г., Михайлов В. И., Пархоменко С. В., Поликарпова И. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. 10. Москва: Юрлитинформ, 2016. 507 с.
30. Берестовой А. Н. Социально-правовая природа обстоятельств, исключающих преступность деяния // Право и образование. 2011. № 9. С. 91–97. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17105894>.
31. Гайков В. Т., Косарев А. В. Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния, и их классификация // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2005. № 3 (131). С. 77–79. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9068393>.
32. Курбанов Г. С. Обстоятельства, устрояющие общественную опасность и противоправность деяния. Баку: Гянджлик, 1991. 121 с.
33. Вельтмандер А. Т. Ситуация обстоятельства, исключающего преступность деяния: теоретические основания и уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. 279 с.
34. Аськов Н. Н. Уголовно-правовые предписания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в применении к медицинскому работнику: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2021. 277 с. URL: https://ssau.ru/files/resources/dis_protection/Askov_N_N_Ugolovno_pravovie_predpisaniya.pdf.
35. Блинников В. А. Понятия и юридическая природа обстоятельств, исключающих преступность деяния. Ставрополь, 2001. 235 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22510326>.
36. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Рус. Яз., 1978. 846 с. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/ozhegov/ozhegov.html>.
37. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. Москва: Юрид. лит., 1984. 144 с. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/290655477>.
38. Словарь практического психолога. URL: <https://986.slovaronline.com> (дата обращения: 20.04.2021)
39. Кондратюк Л. В. Антропология преступления. Москва: Норма, 2001. 344 с.
40. Личность преступника и профилактика преступлений / под ред. Ю. М. Антоняна. Москва: Проспект, 2017. 220 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39235279>.
41. Михайлов В. И. Правомерный вред – методологическая основа допустимости применения вредоносных мероприятий в оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов и специальных служб // Журнал российского права. 2018. № 7 (259). С. 88–100. DOI: http://doi.org/10.12737/art_2018_7_8.
42. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861 (дата обращения: 20.04.2021).
43. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.04.2021 № 13-П «По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. И. Тихомоловой». Доступ

из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382210 (дата обращения: 20.04.2021).

44. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387518 (дата обращения: 20.06.2021).

References

1. Blinnikov V. A. *Sistema obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya, v ugovnom prave Rossii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [System of circumstances excluding the criminality of an act in the criminal law of Russia: Doctoral of Laws thesis]. Nizhny Novgorod, 2002, 403 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sistema-obstoyatelstv-isklyuchayushchikh-prestupnost-deyaniya-v-ugolovnom-prave-rossii> [in Russian].
2. Parkhomenko S. V. *Deyaniya, prestupnost' kotorykh isklyuchaetsya v silu sotsial'noi poleznosti i neobkhodimosti: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Acts, the criminality of which is excluded due to social utility and necessity: Doctoral of Laws thesis]. Irkutsk, 2004, 339 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/deyaniya-prestupnost-kotorykh-isklyuchaetsya-v-silu-sotsialnoi-poleznosti-i-neobkhodimosti> [in Russian].
3. Dmitrienko A. P. *Institut obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya, v ugovnom prave Rossii: osnovy teorii, zakonodatel'noi reglamentatsii i pravoprimeneniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Institute of circumstances excluding the criminality of an act in the criminal law of Russia: fundamentals of theory, legislative regulation and law enforcement: Doctoral of Laws thesis]. Moscow, 2010, 522 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/institut-obstoyatelstv-isklyuchayushchikh-prestupnost-deyaniya-v-ugolovnom-prave-rossii> [in Russian].
4. An interesting article by E. V. Schelkogenova is devoted to the analysis of the debatable issues of the institute of circumstances excluding the criminality of an act. See Schelkogenova E. V. *Perspektivy razvitiya instituta obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya* [Development prospects of the institute of circumstances precluding criminality]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2014, no. 1 (94), pp 85–92. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21338678>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/78726-perspektivy-razvitiya-instituta-obstoyatelstv-isklyuchayushchikh-prestupnost-deyaniya> [in Russian].
5. Shkabin G. S. *Ugolovno-pravovoe obespechenie operativno-razysknoi deyatel'nosti: teoretiko-prikladnye i zakonodatel'nye aspekty: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal legal support of operational investigative activities: theoretical, applied and legislative aspects: Doctoral of Laws thesis]. Moscow, 2018, 409 p. Available at: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2017/11/Уголовно-правовое-обеспечение-оперативно-розыскной-деятельности.pdf> [in Russian].
6. Nikulenko A. V. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya: kontseptual'nye osnovy ugovno-pravovoi reglamentatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Circumstances excluding the criminality of an act: conceptual foundations of criminal law regulation: Doctoral of Laws thesis]. Saint Petersburg, 2019, 512 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42888638>; https://univermvd.ru/files/other-files/Никулenco_А.В._ДИ.pdf [in Russian].
7. Schelkonogova E. V. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya: priroda, sistema, kvalifikatsiya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Circumstances excluding the criminality of an act: nature, system, qualification: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 2014, 26 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30406381>; <https://www.dissercat.com/content/obstoyatelstva-isklyuchayushchie-prestupnost-deyaniya-priroda-sistema-kvalifikatsiya/read> [in Russian].
8. Sitnikova A. I. *Konstruirovaniye i zakonodatel'no-tekstologicheskaya interpretatsiya teoreticheskoi modeli glavy «Prichineniye vreda v isklyuchitel'nykh situatsiyakh»* [Structure planning and legislative and textological interpretation of the theoretical model of the chapter "Causing harm in exceptional situations"]. *Lex Russica*, 2016, no. 8 (117), pp. 48–61. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.117.8.048-061> [in Russian].
9. Oreshkina T. Yu. *Glava Ugolvnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob obstoyatel'stvakh, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya: problemy formirovaniya* [The Russian Criminal Code Chapter on circumstances precluding the criminality of an act: problems of formation]. *Lex Russica*, 2017, no. 6 (127), pp. 101–115. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.127.6.101-115> [in Russian].
10. Mikhailov V. I. *O sodержanii norm glavy 8 UK Rossii* [The substance of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2010, no. 12, pp. 34–41. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15528130> [in Russian].
11. *Svod zakonov ugovolnykh. Kniga pervaya. Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh* [Code of criminal laws. The first book. Code of criminal and correctional punishments]. Saint Petersburg, 1866, 439 p. [in Russian].
12. *Ugolovnoye ulozheniye 22 marta 1903 g. S motivami, izvlecheniyami iz ob"yasnitel'noi zapiski redaktsionnoi komissii, predstavleniya Ministerstva Yustitsii v Gosudarstvennyi Sovet i zhurnalov – osobogo soveshchaniya, osobogo prisutstviya departamentov i obshchego sobraniya Gosudarstvennogo Soveta* [Criminal Code as of March 22, 1903 with the motives, extracts from the explanatory note of the editorial commission, the submission of the Ministry of Justice to the State Council and journals – a special meeting, a special presence of departments and a general meeting of the State Council]. Saint Petersburg: Izd. N. S. Tagantseva, 1904, 1124 p. [in Russian].
13. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Uzbekistan* [Criminal Code of the Republic of Uzbekistan]. Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421110 (accessed 20.08.2021) [in Russian].

14. *Kriminal'nyi kodeks Ukraïna (proekt). Kontrol'nyi tekst. (stanom na 25.07.2021 roku)* [Criminal Code of Ukraine (project). Control text. (as of 25.07.2021)]. Available at: <https://newcriminalcode.org.ua/upload/media/2020/10/21/kontrolnyj-proekt-kk-19-10-2020.pdf> (accessed 20.04.2021) [in Russian].
15. *Ugolovnyi kodeks Frantsii* [Criminal Code of France]. Available at: https://zakoni.ucoz.ru/news/ugolovnyj_kodeks_francii/2012-04-10-129 (accessed 20.04.2021) [in Russian].
16. Kozochkin I. D. *Ugolovnoe pravo SShA: uspekhi i problemy reformirovaniya* [Criminal law of the USA: progress and problems of reforming]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr, 2007, 478 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=261625&p=1>. [in Russian].
17. *Ugolovnoe pravo Rossii: v 2 t. T. 1. Pod red. N. G. Kadnikova* [Kadnikov N. G. (Ed.) Criminal law of Russia: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: ID «Yurisprudentsiya», 2018, 436 p. [in Russian].
18. Kozak V. N. *Voprosy teorii i praktiki krainei neobkhodimosti* [Issues of theory and practice of extreme necessity]. Saratov, 1981, 154 p. [in Russian].
19. Merkuriev V. V. *Sostav neobkhodimoi oborony* [Composition of the necessary defense]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2004, 216 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20022742> [in Russian].
20. Dmitrenko A. P. *Institut obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya, v ugolovnom prave Rossii: osnovy teorii, zakonodatel'noi reglamentatsii i pravoprimeneniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Institute of circumstances excluding the criminality of an act in the criminal law of Russia: fundamentals of theory, legislative regulation and law enforcement: author's abstract of Doctoral of Laws thesis]. Moscow, 2010, 50 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/institut-obstoyatelstv-isklyuchayushchikh-prestupnost-deyaniya-v-ugolovnom-prave-rossii/read> [in Russian].
21. Parkhomenko S. V. *Deyaniya, prestupnost' kotorykh isklyuchaetsya v silu sotsial'noi poleznosti i neobkhodimosti* [Acts, the criminality of which is excluded due to social utility and necessity]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2004, 267 p. Available at: <https://iknigi.net/avtor-svetlana-parhomenko/97286-deyaniya-prestupnost-kotoryh-isklyuchaetsya-v-silu-socialnoy-poleznosti-i-neobkhodimosti-svetlana-parhomenko/read/page-1.html> [in Russian].
22. Kudryavtsev V. N. *Pravo i povedenie* [Law and behavior]. Moscow: Yurid. lit., 1978, 192 p. Available at: <https://fr.b-ok.cc/book/3225022/21c92a> [in Russian].
23. Baulin Yu. V. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Circumstances excluding the criminality of the act]. Kharkiv: Osnova, 1991, 359 p. [in Russian].
24. Slutsky I. I. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie ugolovnyuyu otvetstvennost'* [Circumstances excluding criminal responsibility]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1956, 118 p. [in Russian].
25. Baburin V. V. *Risk kak osnovanie differentsiatsii ugolovnoi otvetstvennosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Risk as a basis for differentiating criminal responsibility: author's abstract of Doctoral of Law thesis]. Omsk, 2009, 39 p. Available at: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004590346.pdf [in Russian].
26. Traynin A. N. *Sostav prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Composition of a crime under Soviet criminal law]. Moscow: Yurid. lit., 1951, 387 p. [in Russian].
27. *Uchenie o sostave prestupleniya v ugolovnom prave Rossii i Kitaya. Pod red. V. S. Komissarova, A. I. Korobeeva, Khe Binsuna* [Komissarov V.S., Korobeev A. I., Khe Binsun (Eds.) The doctrine of the composition of a crime in the criminal law of Russia and China]. Saint Petersburg: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2009, 549 p. Available at: https://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/uchenie_o_sostave_prestupleniya_v_ugolov/read_online.html [in Russian].
28. Sorokin P. A. *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada. Sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and punishment, feat and reward. A sociological study on the main forms of social behavior and morality]. Saint Petersburg: izd-vo RKhGI, 1999, 448 p. Available at: https://bookap.info/book/sorokin_prestuplenie_i_kara_podvig_i_nagradasotsiologicheskii_etyud_ob_osnovnykh_formah_obshchestvennogo_povedeniya_i_morali/ bypage [in Russian].
29. Kibalnik A. G., Mikhailov V. I., Parkhomenko S. V., Polikarpova I. V. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Circumstances excluding criminality of an act]. In: *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskii kurs: v 10 t. T. 10* [Criminal law. General part. Crime. Academic course in 10 vols. Vol. 10]. Moscow: YurLitinform, 2016, 507 p. [in Russian].
30. Berestovoy A. N. *Sotsial'no-pravovaya priroda obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya* [Socio-legal nature of the circumstances that exclude the criminality of the act]. *Pravo i obrazovanie* [Law and education], 2011, no. 9, pp. 91–97. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17105894> [in Russian].
31. Gaikov V. T., Kosarev A. V. *Ponyatie obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya, i ikh klassifikatsiya* [Concept of circumstances excluding the criminality of an act and their classification]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region* [Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region], 2005, no. 3 (131), pp. 77–79. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9068393> [in Russian].
32. Kurbanov G. S. *Obstoyatel'stva, ustranyayushchie obshchestvennyuyu opasnost' i protivoprapnost' deyaniya* [Circumstances that eliminate the social danger and illegality of the act]. Baku: Gyandzhlik, 1991, 121 p. [in Russian].
33. Veltmander A. T. *Situatsiya obstoyatel'stva, isklyuchayushchego prestupnost' deyaniya: teoreticheskie osnovaniya i ugolovno-pravovoe znachenie: dis. ... kand. yurid. nauk* [Situation of a circumstance excluding the criminality of an act: theoretical grounds and criminal-legal significance: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Tomsk, 2013, 279 p. [in Russian].

34. Askov N. N. *Ugolovno-pravovye predpisaniya ob obstoyatel'stvakh, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya, v primeneni k meditsinskomu rabotniku: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal law prescriptions on the circumstances excluding the criminality of an act, as applied to a medical worker: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara, 2021, 277 p. Available at: https://ssau.ru/files/resources/dis_protection/Askov_N_N_Ugolovno_pravovie_predpisaniya.pdf [in Russian].
35. Blinnikov V. A. *Ponyatiya i yuridicheskaya priroda obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya* [Concepts and legal nature of circumstances that exclude the criminality of an act]. Stavropol, 2001, 235 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22510326> [in Russian].
36. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka. Pod red. N. Yu. Shvedovoi* [Dictionary of the Russian language. Edited by N. Yu. Shvedova]. Moscow: Rus. Yaz., 1978, 846 p. Available at: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/ozhegov/ozhegov.html> [in Russian].
37. Isakov V. B. *Yuridicheskie fakty v sovetskom prave* [Legal facts in Soviet law]. Moscow: Yurid. lit., 1984, 144 p. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/290655477> [in Russian].
38. *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of a practical psychologist]. Available at: <https://986.slovaronline.com> (accessed 20.04.2021) [in Russian].
39. Kondratyuk L. V. *Antropologiya prestupleniya* [Anthropology of crime]. Moscow: Norma, 2001, 344 p.
40. *Lichnost' prestupnika i profilaktika prestuplenii. Pod red. Yu. M. Antonyana* [Antonyan Yu. M. (Ed.) The identity of the criminal and the prevention of crimes]. Moscow: Prospekt, 2017, 220 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39235279> [in Russian].
41. Mikhaylov V. I. *Pravomernyi vred – metodologicheskaya osnova dopustimosti primeneniya vredonosnykh meropriyatiy v operativno-sluzhebnoi deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov i spetsial'nykh sluzhb* [Legitimate harm – a methodological basis for the permissibility to use malicious activities in the operational activities of law enforcement bodies and special services]. *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 7 (259), pp 88–100. DOI: http://doi.org/10.12737/art_2018_7_8 [in Russian].
42. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 27.09.2012 № 19 «O primeneni sudami zakonodatel'stva o neobkhodimoi oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo prestuplenie»* [The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 19 as of 27.09.2012 «On the application by courts of legislation on necessary defense and causing harm when detaining a person who has committed a crime»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861 (accessed 20.04.2021) [in Russian].
43. *Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 03.04.2021 № 13-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti stat'i 22, punkta 2 chasti pervoi stat'i 24, chasti vtoroi stat'i 27, chasti tret'ei stat'i 246, chasti tret'ei stat'i 249, punkta 2 stat'i 254, stat'i 256 i chasti chetvertoi stat'i 321 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanki A.I. Tikhomolovoi»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation as of 13.04.2021 № 13-P «With regard to case of checking the constitutionality of Article 22, paragraph 2 of Part one of Article 24, part two of Article 27, part three of Article 246, part Three of Article 249, paragraph 2 of Article 254, Article 256 and part four of Article 321 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A. I. Tikhomolova»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382210 (accessed 20.04.2021).
44. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 15.06.2021 № 28-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 2 chasti pervoi stat'i 24 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina D. K. Mikhailova»* [Resolution of the Constitutional Court as of 15.06.2021 № 28-P «With regard to the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of part one of Article 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen D. K. Mikhailov»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387518 (accessed 20.06.2021) [in Russian].

КРИМИНОЛОГИЯ CRIMINAL SCIENCE

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-59-65

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

Дата поступления: 07.07.2021
рецензирования: 11.08.2021
принятия: 28.08.2021

Контрафакт – как криминальное явление: средства противодействия

Л. И. Александрова

Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: liud.alexandrova2012@yandex.ru

Аннотация: Рынок контрафактных товаров по своему содержанию является составляющей криминального рынка как сложного социально-экономического явления. Проблема контрафакта очень острая, поскольку не только затрагивает интересы правообладателей, но и негативно сказывается на потребителях в любой отрасли экономики. В статье дан анализ законодательства о «контрафакции», проанализированы причины оборота контрафактной продукции, приведена динамика выявления таможенными органами контрафактной продукции с 2015 по 2020 г., рассмотрены меры, принимаемые и необходимые в борьбе с контрафактом.

Ключевые слова: контрафактная продукция; оборот нелегальной продукции; электронная торговля; таможенные органы; противодействие контрафакту; онлайн-торговля; интернет-магазины.

Цитирование. Александрова Л. И. Контрафакт как криминальное явление: средства противодействия // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-59-65>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Александрова Л. И., 2021

Людмила Ивановна Александрова – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте, НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, 123022, Российская Федерация, г. Москва, 2-я Звенигородская ул., 15.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 07.07.2021
Revised: 11.08.2021
Accepted: 28.08.2021

Counterfeit as a criminal phenomenon: means of counteraction

L. I. Alexandrova

University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: liud.alexandrova2012@yandex.ru

Abstract: The market of counterfeit goods by its content is a component of the criminal market, as a complex socio-economic phenomenon. The problem of counterfeit goods is very acute, since it affects not only the interests of copyright holders, but also negatively affects consumers in any sector of the economy. The article analyzes the legislation on «counterfeiting», analyzes the reasons for the turnover of counterfeit products, shows the dynamics of detection of counterfeit products by customs authorities from 2015 to 2020, considers the measures taken and necessary in the fight against counterfeiting.

Key words: counterfeit products; illegal products turnover; electronic commerce; customs authorities; anti-counterfeiting; online trade; online stores.

Citation. Alexandrova L. I. *Kontrafakt kak kriminal'noe yavlenie: sredstva protivodeistviya* [Counterfeit as a criminal phenomenon: means of counteraction]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-59-65> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Alexandrova L. I., 2021

Lyudmila I. Alexandrova – senior researcher, Department of Scientific Support for Prosecutor's Supervision and Strengthening the Law in the Activities of Customs Authorities and in Transport, Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 15, 2nd Zvenigorodskaya Street, Moscow, 123022, Russian Federation.

Криминальный рынок как сложное социально-экономическое явление, являясь базисом теневой экономики, имеет общественно опасный характер. Составляющие криминального рынка по своему содержанию неоднородны, и одним из его сегментов является криминальный рынок контрафактных товаров.

Криминальный рынок наносит ущерб мировой экономике. Из-за контрафактной продукции правительства европейских стран терпят убытки более 15 миллиардов евро в год [1]. Объем российского рынка контрафактной продукции достиг 2,5 трлн рублей в год, что составляет 4,5 ВВП [2].

Термин «контрафакт» был заимствован из западноевропейских языков: из латинского языка *contrafactio* – подделка (от *contre* – против + *faire* – делать), из английского языка (от *counterfeit* – подделка, фальшивка) и из французского (от *contrefaçon* – с аналогичным значением). Под контрафактом понимали поддельную продукцию, в том числе и фальшивую валюту. Понятие «контрафакция» фигурирует в праве многих стран, и правонарушение, связанное с нарушением интеллектуальных прав, преследуется по закону во многих государствах.

В настоящее время основой контрафакта признается нарушение прав интеллектуальной собственности. Например, в одном из юридических словарей слово «контрафакция» определяется как нарушение авторского права или смежных прав и использование отдельными фирмами на своих товарных знаках обозначений, помещаемых на популярных товарах других фирм, в целях недобросовестной конкуренции и обмана покупателя [3].

В четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) контрафактной продукцией признаются материальные носители, в которых выражены результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, изготовление, распространение или иное использование, а также импорт, перевозка или хранение которых имеет своим следствием нарушение исключительного права на такой результат или на такое средство (п. 4 ст. 1252).

Контрафактными также являются товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение (п. 1 ст. 1515 ГК РФ).

Кроме того, товар также может быть признан контрафактным в тех случаях, когда он был произведен легальным производителем, но был ввезен на территорию России без согласия правообладателя и реализуется организацией, которая не имеет лицензионного соглашения от лица, имеющего интеллектуальные права на данный товар. На практике нередко компетентные органы, в том числе и суды, ошибочно заключают, что наличие признаков контрафактности товара подтверждает эксперт или какие-либо очевидные внешние признаки позволяют считать товар контрафактным. В этой связи Пленумом Верховного Суда Рос-

сийской Федерации в Постановлении от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» было разъяснено, что материальный носитель может быть признан контрафактным только судом (п. 75).

Нередко понятие «контрафактная продукция» в литературе и средствах массовой информации употребляется одновременно с понятием «фальсифицированная продукция», и в своей взаимосвязанности они воспринимаются как синонимы. Вместе с тем соответствующие два понятия («контрафакция» и «фальсификация») очень близки между собой, но с юридической точки зрения являются самостоятельными и разными.

Понятие «фальсификация» содержится в Федеральном законе Российской Федерации от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов». Так, фальсифицированными признаются пищевые продукты, материалы и изделия, которые были умышленно изменены, подделаны или имели скрытые качества и свойства. К этой категории товаров относятся также продукты, информация о которых является заведомо неполной или недостоверной (ст. 1).

Согласно п. 37 ст. 4 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», фальсифицированными считаются лекарственные средства, описание к которым содержит ложную информацию, не соответствующую действительности, в том числе в отношении его состава и (или) производителя. Реализация подобных лекарственных средств является незаконной и запрещена на территории Российской Федерации.

За нарушение интеллектуальных прав российским законодательством предусмотрены гражданская (ст. ст. 1252, 1301, 1404.1, 2515 ГК РФ), административная (7.12, 14.10 КоАП РФ) и уголовная ответственность (ст. 147 и ст. 180 УК РФ).

Контрафакт – всемирная проблема. В докладе Организации экономического сотрудничества и развития (ОСЭР) отмечено, что в 2019 г. оборот контрафактных товаров в мире достиг 500 млрд долларов, что составляет 3,3 % мирового импорта. В Европейском союзе хождение таких товаров в обороте насчитывает 134 млрд долларов, составляющие 6 % импорта [4, с. 5].

По данным независимого аналитического центра (ТИАР-Центр), наиболее подделываемыми товарами в непродуктивном сегменте являются: детские игрушки – 35 %, одежда и обувь – 29 %; мелкие потребительские товары – электроника и аксессуары – 17,5 %; батарейки – 15 %; бытовая химия – 12,5 %; парфюмерия – 10 % [5].

В результате пандемии COVID-19 во всем мире вырос теневой сектор экономики. По данным международной исследовательской компании Euromonitor International, опубликованным в августе 2020 года, ограничительные меры в период коронавируса привели к существенному увеличению оборотов контрафактной и нелегальной продукции, из-за чего потери мировой экономики по

итогах года могут составить 3 % мирового ВВП, или 2,2 трлн долларов [6]. Факторами роста теневого бизнеса стали ограничения передвижения, строгие протоколы гигиены и прямое вмешательство государств в экономику.

Пандемия коронавируса показала, что преступники быстро адаптируются к новой торговой среде и находят новые способы по внедрению контрафактной и нередко опасной продукции в законную цепочку поставок. Сильнее всего стали процветать незаконная торговля табачной, фармацевтической, алкогольной продукцией, средствами индивидуальной и личной гигиены, лекарственными средствами (антивирусными препаратами, средствами от малярии и т. д.), предметами роскоши.

В России спрос на контрафактную продукцию увеличился, в том числе из-за падения доходов населения, которые стали чаще выбирать неоригинальный товар с более низкой стоимостью, а также из-за различий в государственном регулировании экономики по сравнению с соседями – государствами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Так, рост контрафакта на табачном рынке спровоцировал внеплановое повышение в России в 2021 г. ставки акциза на табачную продукцию на 20 % вместо запланированных 4 % ранее. В евразийских странах цены намного ниже – например, в Беларуси пачка сигарет может стоить 50 руб., а в России – 120 руб. Это способствует нелегальным поставкам, и все больше людей вовлекается в преступную деятельность для получения сверхприбыли.

Проблема контрафакта является очень острой, поскольку она не только затрагивает интересы правообладателей, но и негативно сказывается на потребителях.

Производители и продавцы оригинального товара несут значительные убытки, в связи с тем что на рынке появляются «теневики», которые продают поддельную продукцию, используя известность и репутацию раскрученного бренда, или, не вкладывая средств на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, производят и реализуют товар, в котором использован объект авторского права или чужой патент.

Оборот контрафактной продукции нередко представляется в связи с мелкими уличными торговцами, пытающимися заработать, к примеру, на поддельных солнцезащитных очках с логотипами известных марок. Вместе с тем за этими торговцами нередко стоят крупные преступные сообщества, в том числе и транснациональные, деятельность которых причиняет немалый ущерб производителям и дистрибьюторам оригинальной продукции.

Например, сотрудниками Главного управления МВД РФ по г. Москве при поддержке столичного спецназа была нейтрализована международная преступная группа, занимающаяся производством и сбытом контрафакта – видео-, аудио- и компьютерной продукции. Ежедневный оборот пиратов

доходил до 36 млн рублей, а ущерб правообладателям составлял более 50 млрд рублей. Операции продолжались трое суток, где было задействовано 300 сотрудников полиции. Полицией удалось установить, что подпольное производство располагалось в г. Твери, в помещениях были оборудованы 11 линий по производству DVD-дисков, на которых установлены пресс-формы, контрафактные матрицы и зеркала, являющиеся основными компонентами для производства данного вида продукции. В складских помещениях, также находящихся в г. Твери, было обнаружено более 1 млн контрафактной DVD-продукции, подготовленной для реализации. Установлено, что контрафактная продукция поставлялась почти во все регионы России, в том числе на Украину и в Беларусь [7]

Для потребителей, которые стремятся сэкономить, приобретая дешевый, заведомо поддельный товар, последний нередко приходит в негодность из-за его низкого качества изделия. При этом имеются случаи и с более неприятным исходом, если речь идет о контрафактной пищевой продукции.

В настоящее время производители поддельной продукции – это уже далеко не «азиаты» и не «китайцы», сидящие в мрачных, необустроенных помещениях. Современный производитель контрафакта зачастую обеспечен современными производственными мощностями на уровне, сопоставимом с производствами правообладателей. Использование при производстве контрафактных товаров технологических новшеств, в том числе цифрового кодирования, миниатюризации, инструментов копирования и др., значительно упрощает возможности преступникам совершать такого рода деяния. Производство и торговля контрафактными товарами имеют высокую прибыльность и значимость для покупательского спроса. Качественную подделку нередко бывает достаточно сложно отличить от оригинала без специальных знаний и аппаратуры.

Незаконно получаемая выручка от реализации нелегальных товаров нередко может использоваться для финансирования преступной деятельности, в том числе оборота наркотиков, контрабанды оружия, терроризма и др. Согласно исследованию, проведенному компанией Brand Monitor (защита бренда в Интернете) по рассматриваемой проблематике, в России контрафактная продукция продается в основном на вещевых рынках, оборот таких товаров в торговых центрах может превышать 25 млрд руб. в год. Подделки реализуются через киоски «островной торговли», которыми владельцы объектов пытаются заполнить пустующие площади. Доля контрафакта в таких объектах торговли может достигать до 60 %.

Проведя опрос 7 тысяч россиян, проживающих в городах с численностью населения от 100 тыс. человек и выше, Brand Monitor выяснил, что 73 % респондентов совершают покупки на «островках». Почти 55 % продавцов признались, что не знают, запрещает ли закон продавать контрафакт.

Еще 35 % считают, что торговля подделками является легальной [8].

В 2019 г. значительно увеличились темпы роста рынка электронной торговли относительно предыдущих лет. Рост этого рынка обусловлен в первую очередь значительными инвестициями крупнейших предпринимателей в рекламу (телевизионную и Интернет) и инфраструктуру (склады, ассортимент и др.). Вложения крупнейших магазинов и торговых площадок, через которые продаются товары и услуги разных продавцов через Интернет (маркетплейсов – оптимизированных онлайн-платформ по предоставлению продуктов и услуг), повлекли ускоренный рост интернет-торговли за счет притока новых покупателей. Применение цифровых платформ, упростившее процессы покупки и продажи товаров и позволяющее сторонним продавцам создавать учетные записи в относительно не регулируемой среде онлайн-маркетплейсов, во многом стало способствовать оживлению контрафакта в Интернете. Так, по данным Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), в 2020 г. граждане России оформили в российских и зарубежных интернет-магазинах покупок на сумму 3,221 трлн рублей, что на 58,5 % больше таких покупок, чем в 2019 г. Среди товарных категорий, приобретаемых российскими покупателями в локальных интернет-магазинах в 2020 г., были: электроника и бытовая техника (28,2 %); одежда и обувь (21 %); продукты питания (10,2 %); мебель и товары для дома (9,2 %); красота и здоровье (5,6 %) [9].

Нельзя не отметить тот факт, что электронная торговля в онлайн-пространстве в последние годы стала также инфицироваться «вирусом» контрафакции. Цифровая среда стала основной площадкой для реализации контрафактных товаров, через площадки которой реализуется более половины всех контрафактных товаров: одежды, сумок, часов, лекарств и т.д. Нередко мошенники, имея один склад поддельной продукции, продавали эту продукцию через несколько различных Интернет-сайтов, и, как только закрывали один сайт, тут же открывался новый.

Согласно проведенным исследованиям, онлайн-торговля как самый растущий сегмент проходит как через «классические» интернет-магазины, так и социальные сети и маркетплейсы. На

дальнейший рост такой торговли значительно повлияли режим самоизоляции и закрытость традиционных магазинов. До 70 % приобретаемой в интернет-магазинах техники, приобретенной путем онлайн-торговли, оказались либо контрафактными, либо были получены в рамках параллельного импорта [10].

Одним из препятствий для противодействия контрафакту в онлайн-торговле является законодательство. В настоящее время для блокировки сайта, на котором распространяется контрафактная продукция, необходимо соответствующее решение суда, что представляет собой длительный и ресурсозатратный процесс. Также следует отметить, что меры по борьбе с контрафактом в цифровой среде в настоящее время уже несколько устарели, и поэтому необходимо изучить вопрос принятия иных мер в этой сфере деятельности. В частности, поскольку электронные торговые платформы стали играть доминирующую роль в незаконном обороте контрафактной продукции и имеют свою специфику, очевидно назрела необходимость в разработке законодательных положений о торговле товарами в сети Интернет и противодействии продаже контрафактных товаров, в этих положениях необходимо предусмотреть порядок осуществления такой торговли, нормы о наложении штрафов на электронные торговые платформы, причастных к ввозу в Россию контрафактной продукции, об изъятии таких товаров и др.

Большое значение в сфере защиты объектов интеллектуальной собственности (ИС) имеет деятельность таможенных органов. Выявление таможенными органами контрафактной продукции с 2015 по 2020 г. носит скачкообразный характер (см. рисунок), и положительной динамики по сокращению ввоза такой продукции не наблюдается, и в дальнейшем она (динамика) является неутешительной.

Из общего объема выявленной контрафактной продукции в 2020 г. около 66 % – 5,4 млн единиц товара – выявлено при декларировании товаров. Значительная часть контрафактных товаров выявляется также в ходе таможенного контроля после выпуска товаров – 1,7 млн единиц, или 21,5 % от общего объема выявленной в 2020 г. контрафактной продукции [11].

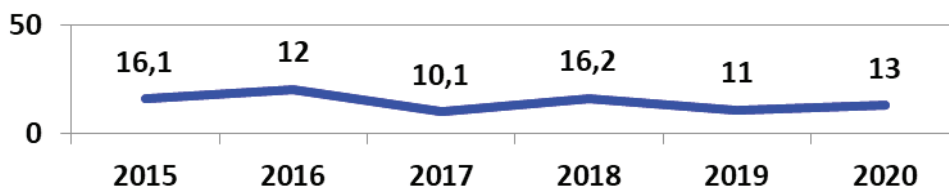

Рисунок – Динамика выявления таможенными органами контрафактной продукции за 2015–2020 гг., в млн ед.

Рисунок – Dynamics of detection of counterfeit products by customs authorities for 2015–2020, in million units

В качестве примера контрафакта можно привести выявление мобильной группой Саратовской таможни крупной партии контрафактной продукции из Казахстана. Так, в двух фурах, следующих из Казахстана в Россию, были обнаружены одежда, рюкзаки, обувь, автозапчасти, маркированные логотипами всемирно известных брендов Adidas, Nike, Toyota, Kia и ряда других компаний, чьи товарные знаки внесены в реестр охраняемых объектов интеллектуальной собственности России и Роспатента. Всего таможенниками было выявлено и изъято 8569 единиц контрафакта. Разрешительных документов от правообладателей на изъятую продукцию перевозчиками представлено не было. Ущерб правообладателям этих известных торговых марок превысил 20 млн рублей. По факту контрабанды было возбуждено 36 дел об административных правонарушениях по статье 14.10 КоАП РФ (незаконное использование средств индивидуализации товаров) и одно дело по статье 7.12 КоАП РФ (нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав) [12].

С контрафактом пытаются бороться разными способами, в том числе с использованием новейших технологий – GR-маркировки товаров, RFLD (Radio Frequency Identification) и NFC-идентификации, нанесения голограмм, онлайн-трекинга партий товаров и т. п. Но объемы незаконного производства и оборот контрафактных товаров, как уже указывалось, не снижаются.

В целях борьбы с незаконным оборотом контрафактной продукции Правительство Российской Федерации утвердило Стратегию по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Стратегия) [13]. Помимо борьбы с «серыми» товарами, Стратегия направлена на пресечение использования поддельных сопроводительных документов, а также на противодействие нелегальным логистическим схемам, в том числе с учетом развития интернет-торговли. Планируется усиление защиты интеллектуальной собственности; создание национального центра компетенций, задачей которого будет анализ ситуации в этой сфере; разработка и внедрение электронных сервисов для людей и сближение российского законодательства с партнерами по Евразийскому экономическому союзу.

Реализация мероприятий, предусмотренных этим документом, позволит: сократить объемы незаконного оборота промышленной продукции на территории России в целом и по отдельным отраслям; повысить эффективность контрольно-надзорной деятельности в части противодействия незаконному обороту такой продукции; создать единую систему мониторинга в этой сфере деятельности.

В борьбу с контрафактом вовлечены почти все российские министерства и ведомства. Так, ФТС России, Министерству промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России), Федеральной антимонопольной службе поручен анализ цен для усиления контроля та-

моженной стоимости импорта; Минпромторг России, Министерству экономического развития Российской Федерации, Федеральному агентству по управлению государственным имуществом и Федеральной службе в сфере защиты прав и благополучия человека – вопросы уничтожения товаров, изъятых из незаконного оборота, организации ведения единого межведомственного мониторинга участников «серого» рынка и др.

Центральное место плана мероприятий по противодействию контрафакта занимает проект по цифровой маркировке товаров и их прослеживаемости [14]. В настоящее время в России маркируются меховые изделия, табачная продукция, лекарства, обувь, парфюмерия, фототовары, шины, покрышки, а также ряд товаров легкой промышленности. Кроме того, в добровольном режиме осуществляется маркировка молочной продукции.

Приказами Росстандарта утвержден целый ряд национальных стандартов системы защиты от фальсификаций и контрафакта, в числе которых «Система защиты от фальсификаций и контрафакта. Прослеживаемость оборота продукции. Общие требования» (ГОСТ Р 58636-2019, приказ от 30.10.2019 № 1203-ст); «Система защиты от фальсификаций и контрафакта. Порядок проведения инспекции при контроле аутентичности продукции» (ГОСТ Р 58789-2019, приказ от 19.12.2019 № 1495-ст); «Национальный стандарт Российской Федерации. Система защиты от фальсификаций и контрафакта. Электронные изделия. Требования к дистрибьюторам по защите от фальсификаций и контрафакта» (ГОСТ Р 58638-2019, приказ от 30.10.2019 № 1204-ст) и др.

Принимаемые стандарты позволяют понизить риски производителей, поставщиков и правообладателей и обеспечить высокий уровень доверия потребителей по вопросу оригинальности выпускаемой изготовителями продукции, а также к подлинности связанных с ней документов и данных.

Для повышения эффективности противодействия контрафакту необходим комплексный подход. Важно объединить в этом усилия всех сторон, не только государства и правоохранительных органов, общественных организаций, но и представителей бизнеса и потребителей товаров.

Ключевой задачей государственных органов является формирование цивилизованного рынка товаров и услуг, в том числе в рамках ЕАЭС. Органы государственной власти должны направить свое внимание на совершенствование организационного и нормативно-правового обеспечения деятельности в сфере борьбы с незаконным оборотом контрафактных товаров, на усиление роли институтов гражданского общества, применение механизмов общественного контроля по выявлению нелегальной продукции, повышение этики предпринимательской деятельности.

Важно активизировать взаимодействие по вопросам создания единых механизмов противодействия контрафакту на территориях государств-членов ЕАЭС.

Деятельность правоохранительных органов должна быть направлена на выявление и пресечение ввоза и оборота контрафактной продукции, на принятие мер к нарушителям законодательства об интеллектуальной собственности, а контролирующие органы должны проводить необходимые рейды и проверки по торговым точкам.

Предприниматели должны ответственно подходить к вопросам о покупке товаров и приобретать их у официальных поставщиков при наличии правоустанавливающих документов, подтверждающих право на использование товарного знака и соответствующее право на реализацию товара.

В свою очередь, потребительское поведение покупателей должно основываться на понимании негативности такого явления, как контрафакт.

Законодательство России в настоящее время не предусматривает ответственности граждан за при-

обретение контрафактной продукции, но тем не менее отечественные потребители должны понимать, что, покупая заведомо контрафактную продукцию, они тем самым поддерживают «серый» рынок и поощряют незаконную предпринимательскую деятельность. Очень важным представляется формирование общественного мнения по порицанию фактов продажи и покупки контрафактной продукции и созданию обстановки нетерпимости к этим явлениям.

В заключение необходимо отметить значимость для финансовой и социальной безопасности России деятельности по противодействию контрафактной продукции. Незаконный оборот такой продукции лишает бюджет налогов, прибыли для развития экономики и, соответственно, источников для финансирования тех или иных социальных благ граждан России.

Библиографический список

1. Сорокина Т. Европа ежегодно терпит крупные убытки из-за контрафакта. URL: <https://www.retail.ru/news/evropa-ezhegodno-terpit-krupnye-ubytki-iz-za-kontrafakta-15-iyunya-2020-195130> (дата обращения: 24.03.2021).
2. Гутенев В. Объем контрафакта в России оценили в 5,2 трлн рублей. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/246528991> (дата обращения: 24.03.2021).
3. Юридический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15621> (дата обращения: 22.04.2020).
4. Отчет «О состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2018 год». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/firpol/dobd/intelsobs/Documents/Отчет%20ППП%20за%202018%20год.pdf> (дата обращения: 21.03.2021).
5. Золотой сезон для контрафакта. URL: <https://www.rspectr.com/articles/742/zolotoj-sezon-dlya-kontrafakta> (дата обращения: 23.03.2021).
6. Анохин К. Контрафакт распространяется как вирус. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f87765a7a8aa9d887869d34> (дата обращения: 21.03.2021).
7. Вовк И. Полицейские обезвредили преступную группу, занимающуюся производством и сбытом контрафакта. URL: <https://moskva.bezformata.com/listnews/gruppu-zanimayushuyusya-proizvodstvom/2698074> (дата обращения: 23.03.2021).
8. Аминов Х., Костырев А. В торгцентрах вскрылся вопиющий контрафакт. URL: <https://news.mail.ru/economics/39982444> (дата обращения: 23.03.2021).
9. Бахарев И. Рынок eCommerce в 2020 году составил 3,221 триллиона рублей: аналитика АКИТ. URL: <https://e-repper.ru/news/rynok-ecommerce-v-2020-godu-sostavil-3-221-trilliona-rublej-analitika-akit.html> (дата обращения: 23.03.2021).
10. Соловьева О. Каждый третий товар в РФ – подделка. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-06-17/1_7887_counterfeit.html (дата обращения: 25.03.2021).
11. Федеральная таможенная служба Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://customs.ru> (дата обращения: 25.03.2021).
12. Кошелев А. Саратовские таможенники задержали две фуры с контрафактом из Казахстана. URL: <https://saratov.bezformata.com/listnews/dve-furi-s-kontrafaktom-iz-kazahstana/89909047> (дата обращения: 20.03.2021).
13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.02.2021 № 256-р «Об утверждении Стратегии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации на период до 2025 года». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.zakonrf.info/rasporiazhenie-pravitelstvo-1f-256-r-06022021> (дата обращения: 20.03.2021).
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.04.2019 № 515 «О системе маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров» (вместе с «Правилами маркировки товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации», «Положением о государственной информационной системе мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации»). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905060041>.

References

1. Sorokina T. *Evropa ezhegodno terpit krupnye ubytki iz-za kontrafakta* [Europe annually suffers major losses due to counterfeit goods]. Available at: <https://www.retail.ru/news/evropa-ezhegodno-terpit-krupnye-ubytki-iz-za-kontrafakta-15-iyunya-2020-195130> (accessed 24.03.2021) [in Russian].

2. Gutenev V. *Ob'em kontrafakta v Rossii otsenili v 5,2 trln. rublei* [The volume of counterfeit goods in Russia was estimated at 5.2 trillion rubles]. Available at: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/246528991> (accessed 24.03.2021) [in Russian].
3. *Yuridicheskii slovar'* [Legal dictionary]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15621> (accessed 22.04.2020) [in Russian].
4. *Otchet «O sostoyanii pravoprimeritel'noi praktiki v sfere zashchity prav na ob"ekty intellektual'noi sobstvennosti v Evraziiskom ekonomicheskom soyuze za 2018 god»* [Report «On the state of law enforcement practice in the sphere of protection of rights to objects of intellectual property in the Eurasian economic Union in 2018»]. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/Documents/Отчет%20ППП%20за%202018%20год.pdf> (accessed 21.03.2021) [in Russian].
5. *Zolotoi sezon dlya kontrafakta* [Golden season to counterfeit]. Available at: <https://www.rspectr.com/articles/742/zolotoj-sezon-dlya-kontrafakta> (accessed 23.03.2021) [in Russian].
6. Anokhin K. *Kontrafakt rasprostranyaetsya kak virus* [Counterfeit goods spread like a virus]. Available at: <https://plus.rbc.ru/news/5f87765a7a8aa9d887869d34> (accessed 21.03.2021) [in Russian].
7. Vovk I. *Politseiskie obezvedili prestupnyuyu gruppu, zanimayushchuyusya proizvodstvom i sbytom kontrafakta* [The police neutralized a criminal group engaged in the production and sale of counterfeit goods]. Available at: <https://moscow.bezformata.com/listnews/gruppu-zanimayushchuyusya-proizvodstvom/2698074/> (accessed 23.03.2021) [in Russian].
8. Aminov Kh., Kostyrev A. *V torhtsentrah vskrylsya vopiyushchii kontrafakt* [A blatant counterfeit was revealed in the trading centers]. Available at: <https://news.mail.ru/economics/39982444> (accessed 23.03.2021).
9. Bakharev I. *Rynok eCommerce v 2020 godu sostavil 3,221 trilliona rublei: analitika AKIT* [The market for eCommerce in 2020 amounted to 3,221 trillion rubles: Analytics AKIT]. Available at: <https://e-pepper.ru/news/rynok-ecommerce-v-2020-godu-sostavil-3-221-trilliona-rublej-analitika-akit.html> (accessed 23.03.2021) [in Russian].
10. Solovyova O. *Kazhdyi tretii tovar v RF – poddelka* [Every third item in the Russian Federation is a counterfeit]. Available at: https://www.ng.ru/economics/2020-06-17/1_7887_counterfeit.html (accessed 25.03.2021) [in Russian].
11. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi tamozhennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii* [Official website of the Federal Customs Service of the Russian Federation]. Available at: <http://customs.ru> (accessed 25.03.2021) [in Russian].
12. Koshelev A. *Saratovskie tamozhenniki zaderzhali dve fury s kontrafaktom iz Kazakhstana* [Saratov customs officers detained two trucks counterfeiting of Kazakhstan]. Available at: <https://saratov.bezformata.com/listnews/dve-furi-s-kontrafaktom-iz-kazahstana/89909047> (accessed 20.03.2021) [in Russian].
13. *Rasporiazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 06.02.2021 № 256-r «Ob utverzhdenii Strategii po protivodeistviyu nezakonnomu oborotu promyshlennoi produktsii v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda»* [Resolution of the Government of the Russian Federation dated 06.02.2021 № 256-R «On approval of the Strategy to Combat Illicit Trafficking of Industrial Products in the Russian Federation for the period till 2025»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.zakonrf.info/rasporiazhenie-pravitelstvo-rf-256-r-06022021> [in Russian].
14. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 26.04.2019 № 515 «O sisteme markirovki tovarov sredstvami identifikatsii i proslezhivaemosti dvizheniya tovarov (vmeste s «Pravilami markirovki tovarov, podlehashchikh obyazatel'noi markirovke sredstvami identifikatsii», «Polozheniem o gosudarstvennoi informatsionnoi sisteme monitoringa za oborotom tovarov, podlehashchikh obyazatel'noi markirovke sredstvami identifikatsii»)»* [Resolution of the Government of Russian Federation № 515 as of 26.04.2019 «On the system of marking goods by means of identification and traceability of the movement of goods» (together with the «Rules for marking goods subject to mandatory marking by means of identification», «Regulations on the state information system for monitoring the turnover of goods subject to mandatory marking by means of identification»)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905060041> [in Russian].

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINOLOGY PROCEDURE

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-66-72

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления: 11.06.2021
рецензирования: 15.07.2021
принятия: 28.08.2021

Позицию профессора В. А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но...

С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья является своеобразным научным ответом на недавно опубликованную работу профессора В. А. Лазаревой, где в очередной раз были подняты вопросы, касающиеся сущности и содержания собирания доказательств как первого этапа всего процесса доказывания по уголовному делу. Автор статьи выражает общую солидарность с позицией В. А. Лазаревой, выступающей за дифференциацию механизмов собирания различных видов доказательств в зависимости от источников воспринимаемой информации, то есть за отсутствие тождества между категориями «собирание доказательств» и «формирование доказательств». Однако, некоторые проанализированные в статье аргументы, которые В. А. Лазарева использует для обоснования своей позиции, представляются не вполне разумными, побуждающими к дискуссии. При этом, несмотря на некоторую вариативность и различные оттенки высказываемых суждений, автор настоящей статьи считает профессора В. А. Лазареву своим научным союзником и единомышленником, одновременно рассчитывая на взаимность со стороны уважаемого ученого.

Ключевые слова: доказательства; доказывание; представление доказательств; приобщение доказательств к уголовному делу; следственные действия; собирание доказательств; формирование доказательств.

Цитирование. Россинский С. Б. Позицию профессора В. А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но... // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-66-72>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Россинский С. Б., 2021

Сергей Борисович Россинский – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, 119019, Москва, ул. Знаменка, 10.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.06.2021
Revised: 15.07.2021
Accepted: 28.08.2021

The position of professor V. A. Lazareva on the collection of evidence in general can be supported, but...

S. B. Rossinskiy

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: This article is a kind of scientific answer to the recently published work of Professor V. A. Lazareva, in which, once again, questions were raised concerning the essence and content of the collection of evidence as the first stage of the entire process of proving in a criminal case. The author of the article expresses general solidarity with the position of V. A. Lazareva, advocating the differentiation of mechanisms for collecting various types of evidence depending on the sources of perceived information, that is, for the lack of identity between the categories «collecting evidence» and «forming evidence» ... However, some of the arguments analyzed in the article, which V. A. Lazareva uses to substantiate her position, do not seem entirely reasonable, prompting a discussion. At the same time, despite some variability and different shades of judgments expressed, the author of this article considers Professor V. A. Lazareva to be his scientific ally and like-minded person, at the same time counting on reciprocity on the part of a respected scientist.

Key words: evidence; proof; presentation of evidence; admission of evidence to the criminal case; investigative actions; collecting evidence; formation of evidence.

Citation. Rossinskiy S. B. *Pozitsiyu professora V. A. Lazarevoi o sobiranii dokazatel'stv v tselom možno podderzhat', no...* [The position of professor V.A. Lazareva on the collection of evidence in general can be supported, but ...]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-66-72> [in Russian].

Conflict of interest information: the author declares no conflict of interest.

© Rossinskiy S. B., 2021

Sergey B. Rossinskiy – Doctor of Laws, associate professor, chief researcher of the sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, Znamenka Street, Moscow, 119019, Russian Federation.

В первом номере научно-практического журнала «Судебная власть и уголовный процесс» за 2021 год была опубликована статья «Собирание или формирование? Продолжаем дискуссию», принадлежащая перу профессора кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института (факультета) Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева доктора юридических наук, профессора В. А. Лазаревой [1, с. 78–87] – одного из самых известных и влиятельных специалистов в области теории и практики уголовно-процессуального доказывания и доказательственного права. В статье в очередной раз поднимаются хорошо знакомые ученым-процессуалистам, но никоим образом не потерявшие своей актуальности и по-прежнему побуждающие к полемике вопросы, связанные с сущностью и содержанием собирания доказательств как «первого» этапа уголовно-процессуального доказывания¹, выраженного в накоплении и юридической легализации (процессуализации) имеющих значение для уголовного дела полезных сведений в целях их дальнейшего использования для обоснования правоприменительных решений органов предварительного расследования и (или) суда.

Появление данной публикации просто не могло не привлечь особого внимания, по крайней мере по двум причинам. Во-первых, эти проблемы уже не первый год входят в сферу наших научных интересов, связанных с различными аспектами собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу. А во-вторых, статья профессора В. А. Лазаревой вообще во многом является своеобразной (кстати, весьма положительной) реакцией на результаты наших недавних исследований, несколькими месяцами ранее опубликованных в третьем номере «Юридического вестника Самарского университета» за 2020 год [3, с. 91–103]. В сложившейся ситуации представляется целесообразным или даже необходимым, приняв у уважаемого ученого «эстафетную палочку», продолжить свое посильное участие в рассмотрении в очередной раз поднятых ей вопросов.

Итак, прежде всего хотелось бы обратить внимание, что предлагаемый В. А. Лазаревой подход к содержанию «первого» этапа доказывания, под-

разумевающий дифференциацию механизмов собирания различных видов доказательств, в том числе разную степень формализации соответствующих действий и решений органов предварительного расследования или суда, в целом является совершенно правильным, соответствующим общим философским закономерностям восприятия человеком полезной информации об обстоятельствах объективной реальности. Именно в подобном ракурсе она и формулирует свой «генеральный» тезис, буквально проходящий «красной нитью» через всю статью: «шейферовские» идеи о формировании доказательств неуниверсальны, равно как и следственные действия – далеко не единственные способы накопления и процессуализации доказательственной информации [1, с. 87]. Такие же идеи можно встретить и в более ранних публикациях автора [4, с. 58–67; 5, с. 56–61].

В этой связи следует напомнить, что под формированием доказательств ученые традиционно понимают деятельность наделенных уголовно-юрисдикционными полномочиями субъектов, состоящую в совокупности процессуальных приемов, позволяющих преобразовывать актуальную для уголовного дела «следовую» информацию (материальные или идеальные следы) в один из видов доказательств [6, с. 10; 7, с. 91; 8, с. 11]. Другими словами, сформировать доказательство – создать на основе воспринятых сведений в предусмотренном законом порядке (посредством процессуальной формы) новый информационный ресурс, подлежащий дальнейшему использованию как допустимое, то есть юридически доброкачественное средство доказывания. Впервые возникнув в начале 1960-х годов, идеи о формировании доказательств приобрели надлежащий методологический фундамент и были развиты до уровня стройной научной теории благодаря циклу фундаментальных работ С. А. Шейфера, четко обосновавшего невозможность собирания доказательств какими-либо другими способами, кроме производства предусмотренных законом следственных действий, то есть кроме как путем их формирования [10, с. 7, 15–16; 11, с. 18; 12, с. 33–34]. Позднее у «шейферовской» концепции появилось множество сторонников и последователей [12, с. 124; 13, с. 239]; в настоящее время она плотно укоренилась в уголовно-процессуальной доктрине².

¹ Употребляемый в настоящей статье по отношению к рассматриваемому этапу уголовно-процессуального доказывания порядковый эпитет «первый» преднамеренно берется в кавычки. Подобное первенство имеет условный характер, что детерминировано не более чем юридико-технической потребностью в нормативном перечислении всех этапов доказывания в определенном порядке (подробнее см.: [2, с. 85]).

² В этой связи необходимо обратить внимание, что ранее автор настоящей статьи, будучи подвержен сильному влиянию работ С. А. Шейфера, тоже поддерживал высказанные в них идеи [14, с. 86]. Однако результаты дальнейших исследований и рассуждений предопределили потребность частичного пересмотра данной позиции.

Однако, как справедливо пишет В. А. Лазарева, такие идеи не могут претендовать на универсальность. Они приемлемы далеко не для всех, а лишь для некоторых видов доказательств: показаний, результатов (протоколов) невербальных следственных или судебных действий и экспертных заключений, то есть информационных ресурсов, появляющихся в ходе собственной процессуально-познавательной деятельности органов дознания, предварительного следствия, суда или эксперта. Тогда как в части собирания других предусмотренных законом средств уголовно-процессуального доказывания (вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, а также результатов непроцессуальной, в первую очередь оперативно-розыскной, деятельности органов исполнительной власти) «шейферовская» концепция представляется непригодной. Все указанные доказательства «рождаются» за рамками уголовно-процессуальных правоотношений и попадают в уголовное дело в виде уже сложившихся познавательных ресурсов (предметов либо документов), то есть не как процессуальное «сырье» или «полуфабрикаты», а как готовые к использованию «изделия». Они переходят в распоряжение дознавателя, следователя, суда путем представления, истребования либо изъятия, поэтому никакому процессуальному формированию не подлежат, а просто признаются доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела (например, ч. 1 ст. 82, ст. 286 УПК РФ) либо не признаются и не приобщаются – в случае недопустимости или нецелесообразности их дальнейшего использования в качестве средств уголовно-процессуального доказывания [2, с. 88–92; 3, с. 94–96].

Именно поэтому позиции В. А. Лазаревой о сущности и содержании «первого» этапа уголовно-процессуальных доказывания, предполагающие потребность в разграничении категорий «собрание доказательств» и «формирование доказательств», по крайней мере исключают их тождество, лежат в принципиально верном направлении и, безусловно, заслуживают позитивной оценки и поддержки.

Вместе с тем некоторые суждения уважаемого автора представляются не вполне разумными и побуждают к дискуссии. А если быть более точным, то возражения вызывают не сформулированные В. А. Лазаревой итоговые выводы, не вытекающий из ее статьи «генеральный» тезис о приемлемости «шейферовской» концепции формирования доказательств далеко не ко всем средствам уголовно-процессуального доказывания (они-то как раз являются бесспорными), а лишь отдельные доводы и аргументы, приводимые в обоснование данной точки зрения.

Так, одним из важнейших факторов, повлиявших на снижение роли следственного действия как основного и наиболее «совершенного» способа собирания доказательств, В. А. Лазарева считает внедрение в систему российского уголовного судопроизводства принципа состязательности,

предполагающего равные возможности обвинения и защиты и предопределившего допуск к активному участию в собирании и представлении доказательств так называемых неофициальных субъектов: подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и др., – что, по ее мнению, привело к нивелированию значения процессуальной формы [1, с. 82]. Однако состоятельность этого довода вызывает сомнения ввиду отсутствия прямой причинно-следственной связи между состязательностью как концептуальной правовой идеей, ставшей активно внедряться в сферу уголовно-процессуального регулирования лишь в постсоветский период развития Российского государства (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ), и узаконенными намного ранее диспозитивными возможностями невластных участников уголовного судопроизводства по представлению доказательств для приобщения к материалам уголовного дела. Достаточно вспомнить, что подобные возможности четко вытекали из ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР и находившихся с ней в системном единстве «статусных» норм, определяющих права обвиняемого (ч. 3 ст. 46 УПК РСФСР), защитника (ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР), потерпевшего (ч. 2 ст. 53 УПК РСФСР) и др., то есть имели место тогда, когда законодатель и не помышлял ни о какой состязательности в современном понимании этого феномена. К слову, еще в 1967 году авторы фундаментальной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» писали об иных документах как о средствах доказывания, появляющихся в «готовом» виде [15, с. 133]. Да и вообще потребность в использовании доказательств, возникающих вне уголовно-процессуальной формы и попадающих в уголовное дело как уже сложившихся познавательных ресурсов, в первую очередь вещественных доказательств и иных документов, обусловлена не только и не столько (!) реализацией правомочий стороны защиты и других невластных субъектов доказывания – основными «собирающими» таких доказательств всегда являлись и, несмотря на принцип состязательности, продолжают оставаться органы предварительного расследования. Тогда как к сугубо «невластным» средствам доказывания на сегодняшний день можно отнести разве что заключение специалиста, которое в 2003 году было введено в сферу уголовно-процессуального регулирования именно для расширения правовых возможностей сторон (читай, стороны защиты), сопряженных с использованием специальных знаний.

Поэтому само по себе внедрение принципа состязательности сторон ни коим образом не повлияло и не могло повлиять на снижение процессуальной роли следственных действий за счет появления каких-то новых механизмов, обеспечивающих собирание предметов или документов и их приобщение к уголовному делу. Представляется, что расширение состязательных начал уголовного судопроизводства, усилившее активность адвокатуры, послужило не более чем хорошим правовым индикатором, поскольку посредством «набивания

шишек» позволило выявить немалые практические трудности, связанные с собиранием «готовых» доказательств, и тем самым обнаружить слабые звенья «шейферовской» концепции формирования доказательств. Иными словами, принцип состязательности возымел эффект «лакмусовой бумажки» – поспособствовал тому, что зреющие годами проблемы (например, совершенно неудовлетворительная правовая регламентация порядка представления предметов и документов), на которые ранее просто никто не обращал внимание, буквально всплыли на поверхность и стали предметом оживленных научных обсуждений и дискуссий.

Кстати, ровно теми же самыми причинами обусловлены и сильно актуализированные в последние годы вопросы, касающиеся использования в доказывании результатов непроцессуальной, в первую очередь оперативно-розыскной, деятельности органов исполнительной власти, тоже вводимых в уголовное дело как уже «готовых» средств доказывания и поэтому вопреки мнению ряда ученых [8, с. 240; 16, с. 363 и др.], в частности того же С. А. Шейфера [11, с. 111–112], не подлежащих никакому формированию [17, с. 117; 18, с. 322]. В. А. Лазарева, занимая совершенно правильную позицию в части юридической природы указанных информационных ресурсов (автор говорит лишь о результатах оперативно-розыскной деятельности), вместе с тем считает, что их фактическая легализация в действующем уголовно-процессуальном законе (ст. 89 УПК РФ) также оказала деструктивное влияние на преобладающую роль следственных действий как способов собирания доказательств [1, с. 82–83]. Однако проблема использования в доказывании результатов непроцессуальной, в том числе оперативно-розыскной, деятельности появилась задолго до принятия УПК РФ; она обязана своим возникновением особенностям формировавшейся на протяжении последних 100 лет национальной системы досудебного производства, предполагающей размытие границ между «следственными» и «полицейскими» полномочиями по сути одних и тех же правоохранительных органов³, то есть частичное смешение функций «полиции» и «юстиции» [2, с. 43]. Просто ранее данные вопросы были урегулированы на подзаконном уровне (преимущественно регламентировались секретными нормативными правовыми актами). Но ввиду отсутствия в СССР подлинно эффективных институтов гражданского общества и состязательности уголовного судопроизводства, позволяющей оспорить доброкачественность результатов непроцессуальной деятельности и (или) признать их недопустимыми средствами доказывания, на указанный

³ Кстати, сам по себе термин «оперативно-розыскная деятельность» был введен в научный оборот и правоохранительную практику лишь в первой половине 1960-х годов. Автором термина считается известный советский ученый профессор А. Г. Лекарь, который в 1963 году сформулировал и обосновал понятие оперативно-розыскной деятельности органов охраны общественного порядка.

правовой изъят также никто не обращал особого внимания. Поэтому ни ученые-процессуалисты, ни практические работники не ощущали никакой потребности в надлежащем законодательном регулировании соответствующих правоотношений.

Далее. Аргументируя свою позицию, В. А. Лазарева чересчур дотошно, буквально «под микроскопом» осуществляет семантический разбор содержащегося в тексте УПК РФ термина «собирание доказательств», на основании чего приходит к выводу о допущенной законодателем стилистической ошибке и необходимости использования данного словосочетания применительно не к отдельно взятым доказательствам, а к их совокупной достаточности. Собирание доказательств, пишет автор, есть формирование их совокупности, то есть доказательственной базы [1, с. 80–81].

Между тем все подобные лингвистические изыскания представляются излишними, а их результаты – изначально неспособными претендовать на непогрешимость ввиду существования множества самых различных вариантов доктринального толкования этого словосочетания. Тем более что и сама «материнская» по отношению к нему категория «доказательство» тоже не предполагает однозначной трактовки (на последнее обстоятельство обращает внимание и сама В. А. Лазарева).

Так, в различных публикациях под собиранием доказательств понимаются и обнаружение полезной информации или ее источников, и ее восприятие или исследование, и принудительное изъятие предметов, документов либо иных носителей, и надлежащая фиксация сведений в процессуальных документах либо их юридическая легализация и т. д. [2, с. 93–94]. Кстати, и сам законодатель достаточно беспардонно обращается с этим словосочетанием, фактически вкладывая в различные варианты его употребления совершенно разный смысл. Иначе чем еще можно объяснить уже неоднократно описанное в научной литературе противоречие между ч. 1 и ч. 2–3 ст. 86 УПК РФ, где в одном случае под собиранием доказательств понимается формирование предусмотренных законом и пригодных для дальнейшего использования информационных ресурсов (если не формирование, то, по крайней мере, приобщение к материалам уголовного дела), а в другом – предварительное получение невластными субъектами предметов, документов или сведений, только лишь подлежащих представлению дознавателю, следователю или в суд. И в этой связи суждение В. А. Лазаревой о продуманности «грамотным законодателем» вопроса об использовании данного словосочетания [1, с. 81] также не может не вызывать возражений. Скорее все было наоборот – разработчики проекта УПК РФ, будучи сильно увлеченными более «важными» на тот момент проблемами уголовного судопроизводства (вышеупомянутой состязательностью, презумпцией невиновности, правами личности, судом присяжных и т. п.), вообще сильно не вникали в указанные теоретические изыски.

Таким образом, представляется, что современным ученым вообще необходимо отказаться от лингвистических исследований в этом сегменте уголовно-процессуального регулирования, от дальнейших попыток поиска оптимального смысла словосочетания «собрание доказательств» (к слову, подобных попыток было уже предпринято немало). Гораздо правильнее свести смысл этой категории к известной степени релятивности, то есть изначально придать ей какое-то условное, но хорошо понятное ученым и практикам значение.

Наиболее разумным выходом из существующей доктринальной и правовой неопределенности могли бы стать некие договоренности о приемлемом и однообразном использовании употребляемой терминологии. Однако на сегодняшний день ввиду множества научных школ в области уголовного судопроизводства, а также откровенного чванства и высокомерия отдельных коллег по процессуальному «цеху», вообще не желающих считаться с чужими взглядами, какой-либо разумный консенсус в этой сфере практически недостижим – разные ученые все равно будут исходить из различных пониманий доказательства в целом и собирания доказательств в частности. Тем более что законодатель в последнее время вообще достаточно редко принимает во внимание мнения, высказываемые узкопрофильными специалистами в определенных вопросах уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики.

Поэтому остается лишь придавать категории «собрание доказательств» наиболее широкое правовое значение, охватывающее любые допустимые формы первичной «обработки» полезной информации, предполагаемой к включению в общую массу доказательственного материала. Иными словами, под собиранием надлежит условно понимать исчерпывающую совокупность правовых приемов и процедур, направленных на введение в досудебное или судебное производство любых имеющих познавательную ценность предметов, документов, сведений, на их процессуальную легализацию, на придание им требуемой юридической силы. Таким образом, и формирование доказательств путем производства предусмотренных УПК РФ процессуальных действий, и приобщение к материалам уголовного дела «готовых» информационных ресурсов следует считать автономными способами общего процессуального механизма собирания доказательств [2, с. 98–99; 3, с. 99].

И наконец, последнее. Анализируя представленные В. А. Лазаревой доводы и аргументы, просто нельзя оставить без внимания попытки автора вступить с нами в научную полемику по поводу включения / невключения в систему следственных действий некоторых процессуальных механизмов, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела: судебных экспертиз (гл. 27 УПК РФ), контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) и т. д. В своей статье В. А. Лазарева, заявляя о рас-

хождении наших с ней позиций, пишет о неразумности отнесения данных приемов к следственным действиям ввиду того, что они не предполагают собственного контакта следователя с источниками полезной информации [1, с. 84–85].

Вместе с тем подобные «упреки», по крайней мере в наш адрес, беспочвенны и, по всей вероятности, вызваны не совсем верным истолкованием уважаемой Валентиной Александровной неоднократно высказывавшихся нами научных позиций. В наших публикациях, как раз наоборот, всегда отстаивались солидарные с профессором В. А. Лазаревой идеи об особом характере указанных процессуальных механизмов, о невозможности их признания типичными следственными действиями, каковыми, например, являются следственный осмотр, обыск, допрос, предъявление для опознания и т. д.

К слову, некоторые современные авторы и впрямь вкладывают в категорию «следственные действия» достаточно широкий смысл – понимают под ними любые процессуально-познавательные действия, направленные на собирание новых или проверку имеющихся доказательств. Частично такой подход обусловлен абсолютно бесцеремонным отношением самого законодателя к сущности следственных действий – многократным (более 200 раз!) употреблением указанного словосочетания в тексте УПК РФ в совершенно различных контекстах, подразумевающих принципиально разные по объему и содержанию формы реализации уголовно-процессуальных полномочий, при отсутствии четкой и понятной нормативной дефиниции следственных действий. Частично же он объясняется и другими причинами [2, с. 101–126]. Однако эта позиция носит самый общий характер. Она во все не предполагает единообразия и распадается на множество вариантов, характеризующихся различными оттенками. Например, тот же С. А. Шейфер, которого по праву можно назвать идеологом данного научного подхода, в своих самых последних работах писал о судебной экспертизе как о познавательном приеме, занимающем весьма специфическое место в системе следственных действий, а о контроле и записи переговоров и получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – как о процессуальных механизмах, обусловленных проникновением в уголовный процесс негласных способов получения информации, то есть интеграцией следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [19, с. 7, 11].

Тогда как в наших публикациях, несмотря на общую преемственность по отношению к классической «шейферовской» теории следственных действий, этот вопрос всегда решался несколько по-иному. В частности, нами всегда отстаивалась позиция об автономном значении судебной экспертизы как способа уголовно-процессуального познания, о ее особой роли в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и, таким образом, о невозможности ее включения в систему следственных действий

[2, с. 358; 20, с. 106]. В свою очередь, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (так называемые процессуальные комбинации познавательной направленности), на наш взгляд, вообще надлежит признавать следственными действиями только в части работы следователя с представленными ему материалами [2, с. 137–138].

Завершая настоящую статью, хотелось бы еще раз отметить, что предлагаемый В. А. Лазаревой подход к собиранию доказательств как «первому» этапу всего сложного механизма уголовно-процессуального доказывания в общем и целом представляется совершенно правильным. Поэтому, несмотря на некоторую вариативность и различные оттенки наших взглядов, считаю профессора В. А. Лазареву своим научным союзником и единомышленником, одновременно рассчитывая на взаимность со стороны уважаемой Валентины Александровны.

Библиографический список

1. Лазарева В. А. Собрание или формирование? Продолжаем дискуссию // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 78–87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46352839>.
2. Россинский С. Б. Досудебное производство: сущность и способы собирания доказательств. Москва: Норма, 2021. 408 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45810885>.
3. Россинский С. Б. Собрание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 91–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-91-103>.
4. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., переп. и доп. Москва: Юрайт, 2014. 359 с. URL: <http://doc.knigi-x.ru/22yuridicheskie/101858-1-v-lazareva-dokazivanie-v-ugolovnom-processe-uchebnik-dlya-bakalavriata-i-magistraturi-5-e-izdanie-perer.php>.
5. Лазарева В. А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т. 18, № 2. С. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8>.
6. Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев: Вища школа, 1984. 133 с.
7. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: учеб. пособие. Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 1993. 178 с.
8. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Москва: Проспект, 2009. 373 с. URL: <https://www.libfox.ru/648559-evgeniy-dolya-formirovanie-dokazatelstv-na-osnove-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-monografiya.html>.
9. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П. А. Лупинская. Москва: ВЮЗИ, 1972. 130 с.
10. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 208 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Resursy-ogranichenogo-dostupa/Sledstvennye-deistviya-Sistema-i-processualnaya-forma-Elektronnyi-resurs-74090>.
11. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва: Норма, 2008. 238 с. URL: <https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=38>.
12. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. д-ра. юрид. наук. Москва: МосУ МВД России, 2005. 464 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/teorija-i-metodologija-ispolzovaniya-verbalnoj-informacii-v-ugolovno.html>.
13. Семенцов В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. В. А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 236–242. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29061518>.
14. Россинский С. Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 85–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20258255>.
15. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная / отв. ред. Н. В. Жогин. Москва: Юрид. лит. 1967. 415 с. URL: https://vk.com/wall-89850005_70411.
16. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2006. 441 с. URL: <https://www.libfox.ru/642519-valeriy-zazhitskiy-rezultaty-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-v-ugolovnom-sudoproizvodstve.html>.
17. Россинский С. Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признавать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 111–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-nuzhno-priznat-dokazatelstvami-po-ugolovnomu-delu/viewer>.
18. Россинский Б. В., Россинский С. Б. Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, Вып. 3. С. 310–329. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.303>.
19. Шейфер С. А. Система следственных действий: каковы пути ее развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 5–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23236463>.
20. Россинский С. Б. Судебная экспертиза как особый способ доказывания в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4 (91). С. 100–107.

References

1. Lazareva V. A. *Sobiranie ili formirovanie? Prodolzhaem diskussiyu* [Collecting or forming? We continue the discussion]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess* [Judicial authority and criminal policy], 2021, no. 1, pp. 78–87. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46352839> [in Russian].
2. Rossinskiy S. B. *Dosudebnoe proizvodstvo: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Pre-trial proceedings: the essence and methods of collecting evidence]. Moscow: Norma, 2021, 408 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45810885> [in Russian].
3. Rossinskiy S. B. *Sobiranie dokazatel'stv kak «pervyy» etap dokazyvaniya po ugovolnomu delu* [Gathering evidence as a «first» stage of proving in a criminal case]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-3-91-103> [in Russian].
4. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugovolnom protsesse: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 5-e izd., perer. i dop.* [Proving in the criminal process: textbook for the Bachelor's programme and Master's programme. 5th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2014, 359 p. Available at: <http://doc.knigi-x.ru/22yuridicheskie/101858-1-v-lazareva-dokazvanie-v-ugovolnom-processe-uchebnik-dlya-bakalavriata-i-magistraturi-5-e-izdanie-perer.php> [in Russian].
5. Lazareva V. A. *Dokazatel'stvo kak kategoriya ugovolno-protsessual'nogo prava: novye (starye) podkhody* [Evidence as a category of criminal procedure law: new (old) approaches]. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8> [in Russian].
6. Mikheenko M. M. *Dokazyvanie v sovetskom ugovolnom protsesse* [Proving in the Soviet criminal process]. Kyiv: Vishcha shkola, 1984, 133 p. [in Russian].
7. Zinatullin Z. Z. *Ugovolno-protsessual'noe dokazyvanie: ucheb. posobie* [Criminal procedural proof: textbook]. Izhevsk: Udmurtskii gosuniversitet, 1993, 178 p. [in Russian].
8. Dolya E. A. *Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Formation of evidence based on the results of operational-search activity]. Moscow: Prospekt, 2009, 373 p. Available at: <https://www.libfox.ru/648559-evgeniy-dolya-formirovanie-dokazatel'stv-na-osnove-rezultatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-monografiya.html> [in Russian].
9. Sheifer S. A. *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse. Otv. red. P. A. Lupinskaya* [The essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process, Lupinskaya P. A. (Ed.)]. Moscow: VYuZl, 1972, 130 p. [in Russian].
10. Sheifer S. A. *Sledstvennye deistviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow: YurLitinform, 2001, 208 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Resursy-ogranichennogo-dostupa/Sledstvennye-deistviya-Sistema-i-processual'naya-forma-Elektronnyi-resurs-74090> [in Russian].
11. Sheifer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Available at: <https://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=38> [in Russian].
12. Pobedkin A. V. *Teoriya i metodologiya ispol'zovaniya verbal'noi informatsii v ugovolno-protsessual'nom dokazyvanii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theory and methodology of using verbal information in criminal procedural proof: Doctoral of Laws thesis]. Moscow: MosU MVD Rossii, 2005, 464 p. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-process/teoriya-i-metodologiya-ispolzovaniya-verbalnoj-informatsii-v-ugovolno.html> [in Russian].
13. Sementsov V. A. *Formirovanie dokazatel'stv v strukture ugovolno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Formation of evidence in the structure of criminal procedural evidence]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoy ugovolnoy protsessy Rossii: mezhvuz. sb. nauch. trudov. Pod red. V.A. Lazarevoi* [Lazareva V. A. (Ed.) Topical issues of modern criminal procedure in Russia: interuniversity collection of scientific works]. Samara: Samarskii gosuniversitet, 2010, pp. 236–242. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29061518> [in Russian].
14. Rossinskiy S. B. *Sushchnost' rezul'tatov neverbal'nykh sledstvennykh i sudebnykh deistvii kak dokazatel'stv po ugovolnomu delu* [The essence of the results of non-verbal investigative and judicial action as evidence in a criminal case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2013, no. 9, pp. 85–91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20258255> [in Russian].
15. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse. Chast' osobennaya. Otv. red. N. V. Zhogin* [Zhogin N. V. (Ed.) The theory of evidence in the Soviet criminal process. Part special]. Moscow: Yurid. lit., 1967, 415 p. Available at: https://vk.com/wall-89850005_70411 [in Russian].
16. Zazhitskiy V. I. *Rezul'taty operativno-rozysknoi deyatel'nosti v ugovolnom sudoproizvodstve: teoriya i praktika* [Results of operational-search activity in criminal proceedings: theory and practice]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr «Press», 2006, 441 p. Available at: <https://www.libfox.ru/642519-valeriy-zazhitskiy-rezultaty-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-v-ugovolnom-sudoproizvodstve.html> [in Russian].
17. Rossinskiy S. B. *Rezul'taty operativno-rozysknoi deyatel'nosti nuzhno priznat' dokazatel'stvami po ugovolnomu delu* [The results of operational and investigative activities should be recognized as evidence in a criminal case]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess* [Judicial authority and criminal process], 2018, no. 2, pp. 111–119. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-nuzhno-priznat-dokazatel'stvami-po-ugovolnomu-delu/viewer> [in Russian].
18. Rossinskiy B. V., Rossinskiy S. B. *Rezul'taty administrativnoi deyatel'nosti kak dokazatel'stva po ugovolnomu delu* [Results of administrative activities as evidence in a criminal case]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Vestnik of St. Petersburg University. Law], 2019, vol. 9, Issue 3, pp. 310–329. DOI: <http://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.303> [in Russian].
19. Shafer S. A. *Sistema sledstvennykh deistvii: kakovy puti ee razvitiya* [The system of investigative actions: what are the ways of its development]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2015, no. 2, pp. 5–16. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23236463> [in Russian].
20. Rossinskiy S. B. *Sudebnaya ekspertiza kak osobyi sposob dokazyvaniya v dosudebnom proizvodstve po ugovolnomu delu* [Forensic expertise as a special method of proving in prediational proceedings in criminal case]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Law Herald], 2020, no. 4 (91), pp. 100–107. DOI: <http://doi.org/10.26516/2071-8136.2020.4.100> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-73-79

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

Дата поступления: 17.05.2021
рецензирования: 19.06.2021
принятия: 28.08.2021

**Судебная практика в уголовном и других видах судопроизводства:
перспективы конвергенции**

А. Р. Шарипова

Институт права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: nord-wind23@mail.ru

Аннотация: Доктрина судебного права предполагает в основном унификацию процессуальных законов. Автор отмечает, что судебное право в форме судебной практики тоже является объектом конвергенции. Выделяется три вида различий в судебной практике – временные, территориальные и отраслевые. В статье выясняются причины сложностей сближения судебной практики различных видов судопроизводства. Констатируется, что межотраслевое единообразие или, по крайней мере, отсутствие явных противоречий является одной из основных целей судостроительных преобразований последних лет. Устанавливается, что главной проблемой межотраслевого отсутствия единообразия являются различные интерпретации одних и тех же норм материального права в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах. Основное содержание посвящено анализу примеров разных подходов к единым материально-правовым проблемам (на примерах гражданского, налогового права) в уголовных делах и в иных видах судебных дел. Автором делается вывод о необходимости преодоления замкнутости судебной практики на самой себе внутри каждого из видов судопроизводства, недопустимости различного толкования материально-правовых норм в уголовном и других видах судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебное право; конвергенция; судебная практика; материальное право; единообразие; судебный прецедент.

Цитирование. Шарипова А. Р. Судебная практика в уголовном и других видах судопроизводства: перспективы конвергенции // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 73–79. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-73-79>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шарипова А. Р., 2021

Алия Рашитовна Шарипова – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и процесса, Институт права Башкирского государственного университета, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.05.2021
Revised: 19.06.2021
Accepted: 28.08.2021

**Judicial practice in criminal and other types of legal proceedings: prospects
for convergence**

A. R. Sharipova

Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation.
E-mail: nord-wind23@mail.ru

Abstract: The doctrine of judicial law presupposes, in the main, the unification of procedural laws. The author notes that judicial law in the form of judicial practice is also an object of convergence. There are three types of differences in judicial practice – temporary, territorial and sectoral. The article clarifies the reasons for the difficulties of convergence of judicial practice of various types of legal proceedings. It is stated that intersectoral uniformity, or at least the absence of obvious contradictions, is one of the main goals of the judicial reforms in recent years. It is established that the main problem of the intersectoral lack of uniformity is different interpretations of the same substantive law in criminal, civil, arbitration and administrative proceedings. The main content is devoted to the analysis of examples of different approaches to common substantive legal problems (using examples of civil, tax law) in criminal cases and in other types of court cases. The author concludes that it is necessary to overcome the closedness of judicial practice on itself within each of the types of legal proceedings, the inadmissibility of different interpretations of substantive legal norms in criminal and other types of legal proceedings.

Key words: criminal procedure; judicial law; convergence; judicial practice; material law; uniformity; judicial precedent.

Citation. Sharipova A. R. *Sudebnaya praktika v ugovnom i drugikh vidakh sudoproizvodstva: perspektivy konvergentsii* [Judicial practice in criminal and other types of legal proceedings: prospects for convergence]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 73–79. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-73-79> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Sharipova A. R., 2021

Aliya R. Sharipova – Candidate of Legal Sciences, associate professor, Department of the Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University, 131, Dostoevskogo Street, Ufa, 450005, Republic of Bashkortostan, Russian Federation.

Возможности конвергенции судейского права

Концепция «судебного» права, возрождающаяся сейчас с развитием процессуальных отраслей, предполагает в основном идеи сближения разных процессуальных законов: только гражданского и арбитражного; гражданского, арбитражного и административного; а также уголовно-процессуального со всеми названными.

По большей части конвергенция касается собственно процессуальных институтов и преимущественно на уровне законодательной регламентации, что вполне логично, поскольку законодательство является нижним, основополагающим уровнем конвергенции. Традиционно отечественная юридическая наука в наибольшей степени занята разработками нормативных актов, а теория источников права ориентирована на акты правотворческой деятельности законодательной и исполнительной, но не судебной власти. Одним из «верхних» уровней «пирамиды конвергенции» можно считать «судейское» право. Сложность его конвергенции обусловлена многими факторами. Начать можно с того, что это понятие все еще находится в науке в стадии разработки, признать его классическим для нашей страны нельзя. Не вдаваясь подробно в соответствующие дискуссии, уточним, что под судейским правом мы подразумеваем продукт нормотворчества суда, существующий в формах судебного прецедента, судебной практики, судебного усмотрения и правовой позиции суда [1]. Если исходить из этого «усредненного» представления о нем как об источнике права, представляющего собой выработанные судьями нормы и принципы в перечисленных формах, то следует остановиться на причинах спорности самого этого явления. Казалось бы, суды всегда формировали практику и высказывали правовые позиции, однако «судейское право» стало наиболее активно обсуждаться только в новейшее время. Еще в начале 2000-х гг. учебники по теории права и отраслевым дисциплинам [2] называли судебный прецедент как в основном источник права, характерный для англо-саксонской традиции. Теперь прецедент, а чаще судебная практика указываются как наиболее динамично развивающиеся источники права [3].

Конечно, следование упрощенному представлению о возможности ставить в один ряд нормативные правовые акты и судебные прецеденты непродуктивно и идет от неверного представления о существовании англосаксонской правовой системы, подробно разоблаченного Л. В. Головки в его предметной статье [4].

Изменение роли прецедента и практики

Постепенное возрастание роли судебной практики в качестве источника права (пусть и совершенно несопоставимого с законами) выглядит

весьма обнадеживающе. Она вполне может справиться с ролью «дополнительного» (по отношению к нормативным правовым актам) регулятора, более оперативного по реакциям и более казуистичного по сути. Иная тенденция – к постоянным изменениям законов, все большей их детализации, к реагированию законодателя на любую повестку дня шквалом нормативных указаний – представляется более опасной.

«Привычка» государства влиять на ситуацию из всего набора правовых средств нормативными правовыми актами и «корреспондирующие» ей ожидания населения именно их, а не судебного прецедента в качестве источника права не случайны. В специальной литературе формулируется и обосновывается позиция, согласно которой советские суды, называясь таковыми, но не обладая реальной властью, не заслужили авторитета ни в обществе, ни в государстве. По замечанию Н. А. Колоколова, «все годы советской власти (господства аппаратов ВКП(б), КПСС) отношения к судам было если не презрительным, то снисходительным» [5, с. 71]. Автор такой оценки – не только известный ученый, но и судья, имеющий опыт работы во всех звеньях судебной системы в советский и постсоветский периоды российской истории. Именно с унаследованным в постсоветский период отношением к судебной системе мы связываем и первичное отрицание «источниковости» судебного прецедента и судебной практики. В этом смысле современное переосмысление их роли свидетельствует и об изменении отношения к самим судам.

Постольку поскольку, наконец, признано, что судебное решение – это нечто большее, чем решение конкретного дела, мы можем рассматривать судейское право в его влиянии на правосудие в целом. Его феномен еще ожидает своих исследователей, поэтому мы воздержимся от выводов о перспективах какой-либо масштабной конвергенции каких-то элементов судейского права.

Обратим внимание лишь на одну его сторону. Материальное право строгого подразделения по применяющим его процессуальным фигурам не имеет (за исключением разве что уголовного права). Это означает, что одни и те же нормы материального права (в основном гражданского, но также и налогового, трудового, административного и т. д.) применяются разными судами в разных видах судопроизводства (арбитражного, гражданского, административного и уголовного). Кажется очевидным, что толкование этих норм должно быть единым, однако судебная практика – явление очень сложное и неоднородное. По одним и тем же вопросам практика различается во времени (когда суды меняют свою точку зрения), по территории (когда решение вопроса различно в разных

окружных судах) и, конечно, по видам судебного процесса.

Отсутствие единообразия судебной практики, безусловно, нежелательное явление, имеющее при этом разные судоустройственные, процессуальные и организационные причины.

Единообразии судебной практики

Полагаем, что в масштабах нашей страны о настоящем единообразии вообще стало возможно говорить только в последние годы. Ведь для того, чтобы судить о его наличии или отсутствии, нужно иметь возможность анализировать все принимаемые судебные акты. И если система арбитражных судов публикует все свои акты без изъятий уже 20 лет как самостоятельно, так и посредством справочных правовых систем, то суды общей юрисдикции только идут к этому.

Одна из особенностей «единообразия» в свое время как раз и обнаружилась на примере арбитражного судопроизводства – это «окружное» единообразие. Подавляющее большинство судебных дел ограничены перспективой кассационного пересмотра арбитражными судами округов. Раньше ими рассматривалась единственная в своем роде кассация, теперь «сплошная», но сути это не изменило. Лишь очень небольшая доля дел может преодолеть эту инстанцию и «пойти» дальше – в надзор (в ВАС РФ – до 2014 г., в Президиум ВС – после 2014 г.) или хотя бы в новую, «выборочную» кассацию. Следовательно, формируют единообразие те суды, до которых дело может дойти благодаря одному лишь желанию сторон, а это в арбитражной системе арбитражные суды округов (ранее федеральные арбитражные суды округов). Их 10, и существует (существовало ранее и появляется вновь) некоторое количество правовых вопросов, которые в разных округах решаются по-разному. По прошествии времени некоторые из этих вопросов могут быть рассмотрены вышестоящим судом (ранее ВАС, теперь ВС), после чего единообразие становится общефедеральным. Однако возможность возникновения его территориальных

вариантов неизбежна, поскольку заложена в самой системе судоустройства и пересмотров судебных актов. Именно преодоление паттерна формирования территориальной практики является основной целью создания мало логичной и громоздкой системы двойной кассации. Предполагалось, что судебные коллегии Верховного Суда РФ возьмут на себя обеспечение единообразия и справятся с этим лучше, чем Президиум, поскольку смогут рассмотреть гораздо больше дел. Пока нельзя сказать, что замысел удался. Ниже представлены (см. таблицу) сравнительные результаты прежнего и нынешнего надзорного и выборочно-кассационного пересмотров по разным делам в количественном выражении [6; 7].

Если суммировать «полноценные» судебные акты Верховного Суда РФ по каждой категории дел принятые им в судебных заседаниях составами судебных коллегий и Президиумом, то будет видно, что ни по одной из них высказанных правовых позиций не стало больше.

Предположительно, судебные коллегии должны были снять «нагрузку» с Президиума, но в результате он как занимался практически только уголовными делами, так и занимается, и как «игнорировал» гражданские и арбитражные, так и продолжает. К слову, в 2015 г. перегруженный Президиум Верховного Суда РФ рассмотрел в судебных заседаниях всего 147 дел (из которых целых 4 – арбитражных), а Высший Арбитражный Суд в порядке надзора в 2013 г. – 438 дел [8].

Можно сказать, что сознательные усилия по конвергенции судейского права направлены в первую очередь на обеспечение территориального единообразия судебной практики.

Межотраслевое сближение судебной практики

Но нас в силу специфики исследования в большей степени интересует «межпроцессуальная» конвергенция, которая затрагивает и судейское право в определенной степени. Важно отметить, что такой серьезный шаг, который до сих пор очень неоднозначно оценивается в науке и практи-

Таблица – Сравнительные результаты прежнего и нынешнего надзорного и выборочно-кассационного пересмотров по разным делам в количественном выражении

Таблица – Сравнительные результаты прежнего и нынешнего надзорного и выборочно-кассационного пересмотров по разным делам в количественном выражении

Вид дел	2020 год			2015 год		
	Рассмотрено в кассационном порядке коллегиями	Рассмотрено в надзорном порядке Президиумом	Итого	Рассмотрено в кассационном порядке коллегиями	Рассмотрено в надзорном порядке Президиумом	Итого
Уголовные дела	245	126	371	240	141	381
Гражданские дела	879	2	881	927	2	929
Арбитражные дела	419	2	421	501	4	505

ке, как упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ в 2014 г., был сделан именно под лозунгом обеспечения единства судебной практики, страдающего из-за наличия двух подсистем с собственным руководством внутри судебной системы. Отчасти это справедливо. Действительно, на уровне высших судов периодически принимались противоречащие друг другу постановления пленумов и президиумов. Такими примерами являются вопросы судьбы поручительства в случае смерти должника, учета износа при выплате страхового возмещения по ОСАГО, определение возможности обеспечения задатком предварительного договора¹ и др.

Хотя признание ненормальности подобных противоречий неизбежно для нас, мы продолжаем глубоко отрицательно оценивать ликвидацию самостоятельности арбитражных судов посредством упразднения их собственного высшего суда. Решение некоторых неурядиц с судебной практикой посредством ликвидации лучшего суда страны сродни применению гильотины вместо ножниц для стрижки волос.

Итак, именно соображениями единства практики руководствовался законодатель, объединяя арбитражные суды с судами общей юрисдикции под началом Верховного Суда РФ. Можно ли констатировать отсутствие различий в судебной практике, по крайней мере, в части применения «общего» материального права? Полагаем, что нет. Во-первых, различия были и есть не только между применением гражданского, налогового и другого материального права в гражданском или административном судопроизводстве, с одной стороны, и арбитражном – с другой. Они есть и внутри системы судов общей юрисдикции – между гражданским и уголовным судопроизводством в частности. Во-вторых, возможности Верховного Суда РФ по влиянию на практику остаются такими же ограниченными, как были. Это не связано с каким-то существенным изъяном самого суда, просто для сближения судебной практики должны быть использованы какие-то еще средства и силы помимо руководящей воли высшего судебного органа. В-третьих, период работы судов общей юрисдикции в открытом информационном пространстве еще недостаточно продолжителен для того, чтобы они в полной мере осознали, что творят правосудие не «сами по себе»: ежечасно их позиции, с одной стороны, берутся как образцы для «новых» дел, с другой стороны, сверяются на соответствие со «старыми» делами. Прошло то время, когда чья-то воля определяла, какие прецеденты увидят «свет», будут опубликованы и станут влиять (прямо или исподволь) на решение аналогичных дел, когда между прецедентом и публикацией

¹ Постановление Пленума ВАС РФ № 42 от 12 июля 2012 г., Постановление Пленума ВС РФ № 9 от 25 июля 2012 г., Определение ВС РФ от 26 февраля 2004 г. № КАС04-18, Постановление Президиума ВАС РФ от 20 февраля 2007 г. № 13377/06, Определение ВС РФ от 22 июля 2008 г. № 53-В08-5, Постановление Президиума ВАС РФ от 19 января 2010 г. № 13331/09.

были посредники, выделявшие *stare decisis* и сопровождавшие его (во Франции) доктринальным *pote* [4]; сегодня они все могут стать объектом изучения для широкого круга лиц.

Как позитивное изменение в плане межотраслевой конвергенции судейского права мы можем отметить наметившийся отказ судов общей юрисдикции от тотального противопоставления себя арбитражным судам. В некоторой степени смягчилась риторика судов в отношении заимствований из «чужих» судопроизводств каких-то приемов толкования материального права. Так, типичная оценка судом довода стороны, ссылающейся в гражданском процессе на арбитражную практику, была такой: «Высший Арбитражный Суд Российской Федерации не дает разъяснения по вопросам судебной практики для судов общей юрисдикции» [9]. В последнее время чаще стали появляться выводы другого рода: «...исходя из принципов единства судебной системы, допустимости применения аналогии закона и аналогии права, возможно использование в гражданском процессе постановлений Пленума ВАС РФ по вопросам судебной практики в отсутствие аналогичных разъяснений ВС РФ» [10].

Различия толкования материального права встречаются при сравнении уголовных дел с иными. Вообще вопрос применения иного материального права, помимо уголовного, в уголовном процессе обделен вниманием. Между тем огромное количество бланкетных диспозиций уголовно-правовых норм и разнообразие правовых норм, регулирующих отношения, рассматриваемые в рамках гражданского иска, создают материально-правовую наполненность уголовного процесса далеко не только уголовным правом. Так, И. С. Дикарев отмечает, что при обнаружении нарушения норм гражданского права при разрешении гражданского иска суды при пересмотре уголовных дел вынуждены ссылаться на нарушение норм уголовно-процессуального права как на основание отмены [11, с. 267].

Н. В. Ильютченко подробно изучен вопрос интерпретаций понятия предпринимательской деятельности при решении вопроса о заключении под стражу при производстве по ст. 159 УК РФ [12]: оно искусственно сужается дополнительными критериями в сравнении с законодательным определением и устоявшейся практикой по гражданским делам. Причем такой подход имеет именно характер сложившейся практики, а не случайных судебных ошибок. Это далеко не единственный пример смыслового «раздвоения» норм материального права в разных видах судопроизводства.

Рассмотрим вопросы применения налогового права в арбитражном судопроизводстве и в уголовном судопроизводстве. В уголовных делах о налоговых преступлениях всегда (имеется в виду действие очень разнообразных редакций УК и УПК в части, имеющей отношение к этому вопросу) в рамках гражданского иска с обвиняемого могли быть взысканы суммы неуплаченных организацией-налогоплательщиком или налоговым агентом на-

логов. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» открыл новую страницу уголовного процесса, создав нормативные особенности уголовного преследования по делам отдельных видов. Именно им в УПК была введена ст. 28.1, а в УК – ст. 76.1, которые создавали базу для освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования лиц, возместивших ущерб, причиненный бюджетной системе РФ. Таким образом, с материально-уголовной и уголовно-процессуальной нормативной базой или без нее, но в уголовном судопроизводстве неуплаченные налоги взыскивались/уплачивались с лиц, виновных в преступном уклонении от их уплаты. Проблема была только в том, что арбитражная и гражданско-процессуальная практика однозначно не допускали уплаты налогов третьими лицами, полагая эти платежи исключительно индивидуальными². Субсидиарную или солидарную ответственность подсудимого или нескольких подсудимых по налоговым обязательствам организации, реализуемую в уголовно-процессуальной практике по гражданским искам, в литературе прямо называли нарушением материально-правовых норм части первой НК [13].

Если все же гражданским ответчиком по уголовному делу о налоговом преступлении выступает организация-налогоплательщик, то в отношении нее перестает действовать установленный НК порядок взыскания налогов. Предъявление требования об уплате налога (ст. 69), вынесение решения о взыскании за счет денежных средств (ст. 46) или иного имущества налогоплательщика (ст. 47) должны производиться в соответствующей налоговой процедуре и с соблюдением сроков. Однако организацию-налогоплательщика уголовный процесс произвольно лишает всех процедурно-налоговых гарантий, хотя она и так в своем роде «пострадавшая» от налогового преступления. Налоговые сроки давности, по утверждению В. В. Стрельникова, в уголовном процессе, «как правило, игнорируются» [14].

Применительно к срокам в литературе отдельно рассматривается серьезнейший для любых гражданско-правовых обязательств вопрос начала течения срока исковой давности, если вред причинен преступлением, который решается по-разному в зависимости от способа защиты права. Разные правила его исчисления применяются тогда, когда заявлен самостоятельный иск в гражданском судопроизводстве безотносительно уголовного дела и

заявлен гражданский иск в уголовном судопроизводстве [15].

Вообще возможность существования внутри уголовного судопроизводства некоего «параллельного мира» применения налоговых, гражданских или других материально-правовых норм связана с замкнутостью уголовного процесса на самом себе, противопоставлением себя другим процессуальным отраслям. Если бы судебному производству в уголовном процессе не приписывали каких-то иных задач, кроме общих с другими видами правосудия, оно не было бы изолировано от них, в том числе в плане обмена материально-правовыми позициями. Арбитражная практика годами и сотнями тысяч дел вырабатывала подобные позиции по налоговым спорам (имеем в виду частные вопросы налогообложения, не вдаваясь в детали и конкретные примеры), но практике по уголовным делам о налоговых преступлениях эти позиции чужды и не нужны. Все то, что в арбитражных судах является предметом материально-правовых дискуссий (не связанных с вопросами доказывания вообще), судами общей юрисдикции по уголовным делам принимается в виде готовых и бесспорных «экспертных заключений». Так, использование недобросовестных контрагентов (невиновно, неосторожно и умышленно) все время существования отечественного налогового права в его современном варианте являлось одним из наиболее распространенных элементов спора. Оценка последствий такого использования для налоговых обязательств налогоплательщика оформилась в полноценную судебную доктрину арбитражных судов – «доктрину должной осмотрительности» [16]. Но никаких следов использования ее идей в приговорах по делам о налоговых преступлениях нам обнаружить не удалось, хотя нет никаких принципиальных отличий составов налоговых преступлений и налоговых правонарушений нет, которые могли бы обусловить неприменимость концепции необоснованной налоговой выгоды к налоговым преступлениям.

Современные научные подходы к судебскому праву и судебной практике безусловно значительно более серьезные, чем 20 лет назад. Но даже предметные масштабные работы ограничиваются поиском и урегулированием противоречий толкования материального права практически только на уровне гражданского права – в арбитражном и гражданском судопроизводстве [17]. Сам факт того, что существует какая-то практика применения материального права, помимо уголовного, в уголовном судопроизводстве нуждается в обосновании, он не признается, как правило, в научной литературе. Коллективная монография под редакцией Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева, посвященная судебной практике, содержит раздел отраслевых проблем, структурированный и сформированный в четкой привязке материальных и процессуальных отраслей между собой. Так, практика по уголовным делам – это практика применения уголовных и уголовно-процессуаль-

² Федеральным законом от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были изменены положения ст. 45 НК РФ, отныне налоговое законодательство позволяет исполнять обязанность по уплате налогов иным лицам. Противоречивость толкования норм НК разными субъектами в этой части устранена.

ных норм, практика по гражданскому праву – это практика по гражданским и арбитражным делам, практика по налоговому праву – это практика арбитражных судов и т. п. Почти на 100 % такое «деление» отраслевых норм по «практикам» верно, не зря практика является частью отрасли права наряду с законом, но есть и оставшаяся, незначительная в общем объеме, но от того не теряющая значения доля дел, в которых материальное право применяется вне сферы своей процессуальной «пары». И эта практика не должна существовать

в отрыве от тенденций и закономерностей остальной, основной практики, не должна формировать какое-то собственное «единообразие». Поскольку именно уголовный процесс применяет «не свое» материальное право (а гражданский, административный или арбитражный процесс «чужое» уголовное право не применяют), то для уголовного судопроизводства наиболее остро стоит проблема противоречия интерпретаций материального права принятым в судебной практике других видов судопроизводств.

Библиографический список

1. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. Москва, 2011. 512 с. URL: <https://uchebnikfree.com/prava-gosudarstva-teoriya/sudebnoe-pravotvorchestvo-sudeyskoe-pravo.html>.
2. Российское предпринимательское право: учебник / отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. Москва, 2011. URL: https://www.studmed.ru/view/ershova-iv-predprinimatelskoe-pravo-uchebnik_f154920f976.html.
3. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / отв. ред. И. В. Ершова. Москва, 2017. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28179602>.
4. Головкин Л. В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 6–34. URL: <https://center-bereg.ru/11581.html>.
5. Колоколов Н. А. Юридические инновации в сфере судебного строительства от века индустриального до эпохи второго постмодерна (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника Ежегодник № 15 «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)». Нижний Новгород, 2021. С. 64–78. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44952467>; <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-innovatsii-v-sfere-sudebnogo-stroitelstva-ot-veka-industrialnogo-do-epochi-vtorogo-postmoderna-doktrina-praktika/viewer>.
6. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2020 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/29716> (дата обращения: 12.04.2021).
7. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2015 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/15218> (дата обращения: 12.04.2021).
8. Аналитическая записка к статистическому отчету о работе арбитражных судов в Российской Федерации в 2013 году // Официальный сайт федеральных арбитражных судов РФ. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/BA56B64409E63370CC611FE1DCC99CB8_an_zap.pdf (дата обращения: 12.04.2021).
9. Кассационное определение Верховного суда Республики Татарстан от 8 августа 2011 г. по делу № 33-9912/2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.11.2020 № 88-20731/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Дикарев И. С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016. 478 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/nadzorno-kassacionnaja-forma-peresmotra-sudebnyh-reshenij-v-ugolovnom-processe.html>.
12. Ильюченко Н. В. Авторитет судебной практики в уголовном процессе // Закон. 2018. № 3. С. 106–116. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/98724-avtoritet-sudebnoj-praktiki-ugolovnom-processe>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32787100>.
13. Стрельников В. В. О гражданском иске в уголовных делах по налоговым преступлениям (Окончание) // Налоговые споры: теория и практика. 2007. № 11. URL: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/33613-grazhdanskom-iske-ugolovnyh-delax-nalogovym-prestupleniyam>.
14. Стрельников В. В. О гражданском иске в уголовных делах по налоговым преступлениям (Начало) // Налоговые споры: теория и практика. 2007. № 10. URL: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/34323-grazhdanskom-iske-ugolovnyh-delax-nalogovym-prestupleniyam>.
15. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Особенности исчисления начала течения исковой давности, если вредоносные действия являются одновременно преступлением // Арбитражные споры. 2014. № 4. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/73363-osobennosti-ischisleniya-nachala-techeniya-iskovoj-davnosti-esli>; <https://arbspor.ru/articles/940>.
16. Ибрагимов Ю. Э. Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 172–185. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2020.050>.
17. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. Москва, 2017. 432 с. URL: <https://publications.hse.ru/books/414901295>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=30371845>.

References

1. Marchenko M. N. *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeiskoe pravo* [Court law creation and court law]. Moscow, 2011, 512 p. Available at: <https://uchebnikfree.com/prava-gosudarstva-teoriya/sudebnoe-pravotvorchestvo-sudeyskoe-pravo.html> [in Russian].
2. *Rossiiskoe predprinimatel'skoe pravo: uchebnik. Otv. red. I. V. Ershova, G. D. Otnyukova* [Ershova I. V., Otnyukova G. D. (Eds.) Russian business law: textbook]. Moscow, 2011. Available at: https://www.studmed.ru/view/ershova-iv-predprinimatel'skoe-pravo-uchebnik_f154920f976.html [in Russian].
3. *Predprinimatel'skoe pravo: Pravovoe soprovozhdenie biznesa: uchebnik dlya magistrrov. Otv. red. I. V. Ershova* [Ershova I. V. (Ed.) Business law: Legal support for business: textbook for Masters]. Moscow, 2017. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28179602> [in Russian].
4. Golovko L. V. *Sudebnyi pretsedent kak nenormativnyi sposob legitimatsii sudebnykh reshenii* [Judicial precedent as a non-normative way of legitimizing court decisions]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2010, no. 6, pp. 6–34. Available at: <https://center-bereg.ru/11581.html> [in Russian].
5. Kolokolov N. A. *Yuridicheskie innovatsii v sfere sudebnogo stroitel'stva ot veka industrial'nogo do epokhi vtorogo postmoderna (doktrina, praktika, tekhnika)* [Legal innovations in the field of judicial construction from the industrial age to the second postmodern era (doctrine, practice, technique)]. *Yuridicheskaya tekhnika Ezhegodnik № 15 «Yuridicheskie innovatsii (doktrina, praktika, tekhnika)»*. Nizhny Novgorod, 2021, pp. 64–78. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44952467>; <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-innovatsii-v-sfere-sudebnogo-stroitelstva-ot-veka-industrialnogo-do-epokhi-vtorogo-postmoderna-doktrina-praktika/viewer> [in Russian].
6. *Obzor statisticheskikh dannykh o rassmotrenii v Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu administrativnykh, grazhdanskikh del, del po razresheniyu ekonomicheskikh sporov, del ob administrativnykh pravonarusheniyakh i ugolovnykh del* [An overview of statistical data on the consideration in the Supreme Court of the Russian Federation in 2020 of administrative, civil cases, cases for the resolution of economic disputes, cases of administrative offenses and criminal cases]. Retrieved from the official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Available at: <https://vsrf.ru/documents/statistics/29716> (accessed 12.04.2021) [in Russian].
7. *Obzor statisticheskikh dannykh o rassmotrenii v Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu administrativnykh, grazhdanskikh del, del po razresheniyu ekonomicheskikh sporov, del ob administrativnykh pravonarusheniyakh i ugolovnykh del* [Review of statistical data on the consideration in the Supreme Court of the Russian Federation in 2015 of administrative, civil cases, cases for the resolution of economic disputes, cases of administrative offenses and criminal cases]. Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/15218> (accessed 12.04.2021) [in Russian].
8. *Analiticheskaya zapiska k statisticheskomu otchetu o rabote arbitrazhnykh sudov v Rossiiskoi Federatsii v 2013 godu* [Analytical note to the statistical report on the work of arbitration courts in the Russian Federation in 2013]. Retrieved from the official website of the Federal Arbitration Courts of the Russian Federation. Available at: www.arbitr.ru/_upimg/BA56B64409E63370CC61FE1DCC99CB8_an_zap.pdf (accessed 12.04.2021) [in Russian].
9. *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo suda Respubliki Tatarstan ot 8 avgusta 2011 g. po delu № 33-9912/2011* [Cassation ruling of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated August 8, 2011 with regard to case № 33-9912/2011]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].
10. *Kassatsionnoe opredelenie Chetvertogo kassatsionnogo suda obshchei yurisdiksii ot 19.11.2020 № 88-20731/2020* [Cassation ruling of the Fourth General Jurisdiction Court of Cassation dated November 19, 2020 № 88-20731/2020]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].
11. Dikarev I. S. *Nadzorno-kassatsionnaya forma peresmotra sudebnykh reshenii v ugolovnom protsesse: teoreticheskie osnovy i puti sovershenstvovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Supervisory-cassation form of revision of court decisions in criminal proceedings: theoretical foundations and ways of improvement: Doctoral of Laws thesis]. Volgograd, 2016. 478 p. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-process/nadzorno-kassatsionnaya-forma-peresmotra-sudebnyh-reshenij-v-ugolovnom-processe.html> [in Russian].
12. Ilyutchenko N. V. *Avtorit et sudebnoi praktiki v ugolovnom protsesse* [Authority of judicial practice in the criminal procedure]. *Zakon*, 2018, no. 3, pp. 106–116. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/98724-avtoritet-sudebnoj-praktiki-ugolovnom-processe>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=32787100> [in Russian].
13. Strelnikov V. V. *O grazhdanskom iske v ugolovnykh delakh po nalogovym prestupleniyam (Okonchanie)* [On a civil suit in criminal cases for tax crimes (End)]. *Nalogovye spory: teoriya i praktika*, 2007, no. 11. Available at: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/33613-grazhdanskom-iske-ugolovnyx-delax-nalogovym-prestupleniyam> [in Russian].
14. Strelnikov V. V. *O grazhdanskom iske v ugolovnykh delakh po nalogovym prestupleniyam (Nachalo)* [On a civil suit in criminal cases for tax crimes (Beginning)]. *Nalogovye spory: teoriya i praktika*, 2007, no. 10. Available at: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/34323-grazhdanskom-iske-ugolovnyx-delax-nalogovym-prestupleniyam> [in Russian].
15. Sergeev A. P., Tereshchenko T. A. *Osobennosti ischisleniya nachala techeniya iskovoi davnosti, esli vredonosnye deistviya yavlyayutsya odnovremennno prestupleniem* [Features of calculating the beginning of the course of the limitation period if malicious actions are simultaneously a crime]. *Arbitrazhnye spory*, 2014, no. 4. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/73363-osobennosti-ischisleniya-nachala-techeniya-iskovoj-davnosti-esli>; <https://arbspor.ru/articles/940> [in Russian].
16. Ibragimov Yu. E. *Rol' sudebnykh doktrin v praktike arbitrazhnykh sudov* [The role of judicial doctrines in the practice of arbitration courts]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 4, pp. 172–185. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2020.050> [in Russian].
17. *Sudebnaya praktika v sovremennoi pravovoi sisteme Rossii: monografiya. Pod red. T. Ya. Khabrievoi, V. V. Lazareva* [Khabrieva T. Ya., Lazareva V. V. (Eds.) Judicial practice in the modern legal system of Russia: monograph]. Moscow, 2017, 432 p. Available at: <https://publications.hse.ru/books/414901295>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=30371845> [in Russian].

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ADVOCACY AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-80-85

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.07

Дата поступления: 03.07.2021

рецензирования: 05.08.2021

принятия: 28.08.2021

Прокурорская деятельность в свете дополнительных гарантий надлежащего исполнения на федеральном уровне решений Конституционного Суда Российской Федерации

А. С. Семенов

НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: asemenov177@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается прокурорская деятельность в контексте надлежащего исполнения на федеральном уровне решений Конституционного Суда Российской Федерации (высшего судебного органа конституционного контроля) с учетом дополнительных гарантий, установленных законодателем. Обеспечение обязательного учета правоприменительными органами позиций высшего судебного органа конституционного контроля в рамках действующей правовой системы является необходимым элементом поддержания режима законности и правопорядка в стране. Особая роль в этом процессе отводится Генеральной прокуратуре Российской Федерации, которая в пределах компетенции тесно взаимодействует с Конституционным Судом Российской Федерации, в соответствующих случаях может информировать Президента Российской Федерации, а также применяет меры реагирования в отношении поднадзорных федеральных органов государственной власти. Автором также анализируются причины ненадлежащего исполнения решений высшего судебного органа конституционного контроля, которые выделяются в научных публикациях по обозначенной проблематике.

Ключевые слова: прокурорская деятельность; гарантии; исполнение решений; Конституционный Суд РФ.

Цитирование. Семенов А. С. Прокурорская деятельность в свете дополнительных гарантий надлежащего исполнения на федеральном уровне решений Конституционного Суда Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 80–85. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-80-85>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Семенов А. С., 2021

Андрей Сергеевич Семенов – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, 123022, Российская Федерация, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 03.07.2021

Revised: 05.08.2021

Accepted: 28.08.2021

Prosecutorial activity in the light of additional guarantees of proper execution at the federal level of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

A. S. Semenov

University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: asemenov177@yandex.ru

Abstract: the article considers the prosecutor's activity in the context of the proper execution at the federal level of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (the highest judicial body of constitutional control), taking into account additional guarantees established by the legislator. Ensuring that law enforcement agencies take into account the positions of the supreme judicial body of constitutional control within the framework of the current legal system is a necessary element of maintaining the rule of law and order in the country. A special role in this process is assigned to the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, which interacts with the Constitutional Court of the Russian Federation within its competence, can inform the President of the Russian Federation in appropriate cases, and

also applies response measures against supervised federal state authorities. The author also analyzes the reasons for the improper execution of decisions of the supreme judicial body of constitutional control, which are highlighted in scientific publications on this issue.

Key words: prosecutor's activity; guarantees; execution of decisions; Constitutional Court of Russian Federation.

Citation. Semenov A. S. *Prokurorskaya deyatelnost' v svete dopolnitel'nykh garantii nadležashchego ispolneniya na federal'nom urovne reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Prosecutorial activity in the light of additional guarantees of proper execution at the federal level of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 80–85. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-80-85> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Semenov A. S., 2021

Andrey S. Semenov – Candidate of Legal Sciences, senior researcher at the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 15. 2nd Zvenigorodskaya Street, Moscow, 123022, Russian Federation.

Принятие Федерального конституционного закона от 28.12.2016 № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» (далее – Закон № 11-ФКЗ) установило дополнительные гарантии надлежащего исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Во-первых, следует обратить внимание на новый вид постановления, принимаемого Конституционным Судом Российской Федерации (высшим судебным органом конституционного контроля), по итогам рассмотрения дела о проверке конституционности нормативного правового акта органа государственной власти или договора между органами государственной власти – постановление о признании нормативного правового акта или договора либо отдельных их положений соответствующими Конституции Российской Федерации в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации. Стоит отметить, что указанный судебный акт также должен регулировать итоговые решения по жалобам на нарушения законом конституционных прав и свобод граждан.

Во-вторых, предусматривается принцип недопустимости применения нормативного правового акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с истолкованием, данным Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении.

По мнению А. В. Колыбина, закрепление в Законе № 11-ФКЗ обязательности применения законодательных актов в тех истолкованиях, которые дал им высший судебный орган конституционного контроля, в полной мере не решает проблемы неисполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку установленный в настоящее время для Правительства Российской Федерации шестимесячный срок (срок, указанный в постановлении высшего судебного органа конституционного контроля) относится только к внесению необходимого законопроекта в Государственную думу.

Указанным автором предлагается дополнить Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Закон № 1-ФКЗ) положениями о том, что нормы законодательных актов, признанных высшим судебным органом

конституционного контроля неконституционными, должны быть приведены в соответствие с Конституцией Российской Федерации в шестимесячный срок (срок, указанный в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации), который следует установить для принятия того или иного законодательного акта. Иначе создаются предпосылки для того, чтобы внесенные в Государственную думу во исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации законопроекты рассматривались сколь угодно долго, а неконституционные нормы меж тем оставались в тексте законов [1, с. 20–24].

Одной из причин, связанной с ненадлежащим исполнением решений высшего судебного органа конституционного контроля на федеральном уровне, по мнению К. Е. Григорьева, является их субъективная оценка лицами, обладающими соответствующей правотворческой компетенцией и в силу своих политических или иных убеждений не желающими корректировать законодательство на основании признания нормативных правовых актов, договоров или их отдельных положений не соответствующими Конституции Российской Федерации [2, с. 59–64; 3, с. 92–104].

Н. А. Шевелева в качестве причины видит отсутствие необходимого бюджетного обеспечения при формулировании Конституционным Судом Российской Федерации соответствующей позиции [4, с. 308]. Между тем исполнение решений высшего судебного органа конституционного контроля направлено на реализацию конституционных прав и свобод граждан, юридических лиц, которая носит социально ориентированный характер и по своей экономической природе доходной являться не может. Данный факт служит серьезным препятствием для своевременной, полной и надлежащей реализации соответствующих постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку в силу своей объективности от воли должностных лиц государственных органов не зависит и связан с необходимостью обеспечения дифференцированного подхода в развитии общества и государства.

Из обозначенных обстоятельств вытекает и третья причина, способствующая возникновению проблем при исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации. Речь идет об обязанности государственных органов и должностных

лиц по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации на основании решения высшего судебного органа конституционного контроля.

В информационно-аналитических отчетах, подготовленных Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Секретариат), неоднократно уделялось внимание вопросам повышения эффективности законодательного процесса в части, касающейся исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, и придавалось особое значение неукоснительному соблюдению правоприменительными органами требований об обязательности этих решений. Указанные требования касаются не только решений Конституционного Суда Российской Федерации о признании законов и иных нормативных актов полностью или частично не соответствующими Конституции Российской Федерации, но и решений, которыми нормативный акт либо его отдельные положения признаны соответствующими Конституции Российской Федерации в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации.

Обозначенный вопрос в силу своей значимости должен находиться в центре внимания ученых, занимающихся проблемами конституционной законности. Вместе с тем, судя по анализу научной литературы и периодических изданий, в последние годы встречается немного публикаций, которые так или иначе затрагивают теоретические, а также практические аспекты деятельности органов прокуратуры по исполнению решений Конституционного Суда Российской Федерации [5, с. 157–164; 6, с. 21–24; 7, с. 27–30]. Это может быть связано с тем, что ориентир, заданный законодателем для прокуроров, прежде всего направлен на соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов. Однако, как представляется, из их поля зрения не должна ускользать и правовая дисциплина работников органов публичной власти всех уровней.

Стоит оговориться, что наше исследование не ограничивается рамками только лишь прокурорского надзора, поскольку, исходя из названия статьи, речь в ней пойдет о деятельности, которая позиционируется гораздо шире. В частности, будет рассмотрена проблематика, связанная с взаимодействием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам реагирования на надлежащее исполнение решений последнего.

Согласно Конституции Российской Федерации и Закону № 1-ФКЗ, исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации не входит в его компетенцию, а обеспечивается согласованными действиями органов государственной власти, которым эти решения адресованы.

Качественное и своевременное исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации, требующих изменения нормативного регулирования, обеспечивается слаженной рабо-

той всех заинтересованных органов государственной власти, включенных в законотворческий процесс, при условии детального изучения ситуации с исполнением всех решений, включая содержащиеся рекомендации федеральному и региональному законодателю.

Как показывает анализ, сложившийся механизм исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации в целом подтверждает свою эффективность, способствуя преодолению законодательных и правоприменительных дефектов и приводя в большинстве случаев действующее регулирование и правоприменение в соответствие с выраженными Конституционным Судом Российской Федерации правовыми позициями [8].

Секретариатом поддерживается необходимое рабочее сотрудничество с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. В частности, с определенной периодичностью происходит процесс обмена материалами по вопросам исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации.

В рамках осуществления Секретариатом мониторинга исполнения составляются перечни решений, предполагающие изменения федерального и регионального законодательства, а также содержащие предложения рекомендательного характера по изменению законодательного и иного нормативного регулирования.

Перечень решений, предполагающий изменения регионального регулирования, ежегодно направляется в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Речь идет о правовых позициях по совершенствованию действующего регулирования, в том числе посредством устранения его неопределенности и несогласованности. На данные решения не распространяются требования о порядке и сроках исполнения, предусмотренные ст. 80 Закона № 1-ФКЗ. Вместе с тем учет подобных рекомендаций, являющихся ориентирами в нормотворческой деятельности, позволяет преодолеть замеченные недостатки законодательства и избежать появления таковых в дальнейшем.

В необходимых случаях полномочный представитель Генерального прокурора Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации вносит Генеральному прокурору Российской Федерации предложения по организации и обеспечению исполнения постановлений Конституционного Суда Российской Федерации [9].

В свою очередь Генеральная прокуратура Российской Федерации информирует Секретариат о результатах мониторинга нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, осуществляемого в рамках надзорной деятельности в связи с принятыми Конституционным Судом Российской Федерации решениями.

Так, прокурорами ряда субъектов Российской Федерации проводилась ревизия регионального законодательства в связи с принятием постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 06.06.2019 № 22-П и от 01.11.2019 № 33-П [10].

На сегодняшний день можно констатировать продолжающуюся положительную динамику в части исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации. Правительством Российской Федерации обеспечивается неотложное первичное реагирование по каждому решению Конституционного Суда Российской Федерации. При этом обязательными воспринимаются решения как о признании норм неконституционными (без дополнительных указаний федеральному законодателю), так и содержащие прямые указания о дополнительном регулировании.

Вместе с тем серьезной проблемой является длительное неисполнение постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых ранее, что может приводить к нарушению конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в целом.

Из положений ст. 6 и 80 Закона № 1-ФКЗ следует, что признание норм неконституционными влечет необходимость скоординированных действий компетентных органов по разработке и принятию нормативных правовых актов, устраняющих либо корректирующих дисквалифицированную правовую норму.

Руководствуясь ст. 80 Закона № 1-ФКЗ, субъекты законодательной инициативы вправе осуществлять подготовку законопроекта во исполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации. Однако именно на Правительстве Российской Федерации лежит обязанность разработки такого законопроекта, если иные уполномоченные субъекты (например, депутаты Государственной думы) в разумный срок его не представили.

В этих целях на основании поручения председателя Правительства Российской Федерации, адресованного федеральным органам исполнительной власти, совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации проводится мониторинг правоприменительной практики по тем или иным вопросам. В случае если по итогам данной работы в Государственную думу не вносится соответствующий законопроект либо поручение председателя Правительства Российской Федерации и вовсе отсутствует, то в результате оказывается невыполненным (ни формально, ни по существу) требование об устранении из правовой системы нормы, дисквалифицированной в результате конституционного судопроизводства. При этом, хотя непосредственное действие решения Конституционного Суда Российской Федерации способствует устранению соответствующего пробела или иного недостатка регулирования, подготовка проекта нормативного правового акта или его дальнейшее сопровождение в ходе законотворческого процесса относится к компетенции Правительства Российской Федерации.

Поскольку деятельность Правительства Российской Федерации, включая ее нормотворческую составляющую, не поднадзорна органам проку-

ратуры, вопрос о стимулировании принятия требуемых решений может решаться Генеральным прокурором Российской Федерации опосредованно путем использования допускаемых Федеральным законом от 17.02.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) процедур. Возможно прямое обращение в Правительство Российской Федерации со ссылкой на ст. 9 Закона о прокуратуре, так как она позволяет Генеральному прокурору Российской Федерации вносить предложения, в том числе о принятии нормативных правовых актов, в орган, обладающий правом законодательной инициативы, каковым в силу ст. 104 Конституции Российской Федерации является Правительство Российской Федерации.

Однако целесообразным представляется информирование Президента Российской Федерации о непринятии Правительством Российской Федерации мер по исполнению решений Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку глава государства по своему статусу является «куратором» федеральных органов исполнительной власти и нахождение вопроса под его контролем будет дополнительной гарантией ускорения нормотворческого процесса.

В рассматриваемом случае при обращении с информацией к Президенту Российской Федерации можно делать ссылку на п. 2 ст. 4 Закона о прокуратуре, который фактически вменяет в обязанность органам прокуратуры информирование органов публичной власти о состоянии законности, а отсутствие (непринятие) требуемого нормативного правового акта негативно влияет на это состояние.

В свою очередь федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие нормотворческую деятельность, обязаны внимательно отслеживать решения Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам, которые относятся к их компетенции, и оперативно вносить в действующее регулирование необходимые изменения.

Отсутствие поручения Правительства Российской Федерации, а также бездействие федеральных органов исполнительной власти по принятию конкретных правовых актов либо иных решений можно рассматривать как факты нарушения законов. Если в первом случае предлагается информировать Президента Российской Федерации, то во втором Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем руководителю соответствующего органа должно вноситься представление об устранении нарушений законов при исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации со ссылкой на ст. 6 и 80 Закона № 1-ФКЗ.

Представление об устранении нарушений законов, а также обращение в суд могут использоваться и при нарушении положений п. 5 ст. 80 Закона № 1-ФКЗ, обязывающего поднадзорные прокуратуре федеральные органы государственной власти, а также органы государственной вла-

сти субъектов Российской Федерации, заключившие признанные полностью или частично не соответствующими Конституции Российской Федерации либо признанные соответствующими Конституции Российской Федерации в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании договора, не позднее двух месяцев после опубликования решения Конституционного Суда Российской Федерации вносить в соответствующий договор изменения и (или) дополнения или прекращать действие договора.

В контексте рассматриваемой темы необходимо отметить, что исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации зачастую означает и необходимость подзаконного регулирования, когда предметом проверки указанного органа конституционного контроля являются постановления Правительства Российской Федерации.

По мнению А. Ю. Винокурова, Генеральный прокурор Российской Федерации должен быть прямо управомочен на обращение к главе государства с информацией в случае допущения Правительством Российской Федерации волокиты с принятием вытекающих из решения Конституционного Суда Российской Федерации постановлений. Вместе с тем указанным автором отмечается, что в настоящее время в рамках п. 3 ст. 24 Закона о прокуратуре

вполне обосновано направление подобной информации Президенту Российской Федерации, поскольку факт признания постановления Правительства Российской Федерации несоответствующим (полностью или в части) Конституции Российской Федерации, а равно непринятие в законодательно установленные сроки решения по изменению или отмене такого постановления являются основаниями для реализации Генеральным прокурором Российской Федерации указанного полномочия [11, с. 480–481].

Таким образом прокурорская деятельность в свете дополнительных гарантий надлежащего исполнения на федеральном уровне решений Конституционного Суда Российской Федерации предполагает комплексный всесторонний подход, направленный на тесное взаимодействие с Секретариатом, информирование в соответствующих случаях Президента Российской Федерации и применение прокурорами полномочий, предусмотренных законодательством, для надлежащей оценки органами публичной власти принятых Конституционным Судом Российской Федерации решений, необходимости учета ранее выраженных им правовых позиций, касающихся аналогичных либо смежных вопросов, прогнозирования вероятности новых обращений.

Библиографический список

1. Колыбин А. В. К проблеме исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 12. С. 20–24. DOI: <http://doi.org/10.18572/1813-1247-2017-12-20-24>.
2. Григорьев К. Е. К вопросу об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2017. № 7. С. 59–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29769629>.
3. Григорьев К. Е. Реализация полномочий Конституционного Суда Российской Федерации: теория и практика // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2016. № 3 (26). С. 92–104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27124323>.
4. Шевелева Н. А. Учет бюджетных последствий признания федерального закона неконституционным при выработке правовых позиций Конституционным Судом Российской Федерации // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы межд. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции Российской Федерации [отв. ред. В. Д. Зорькин]. Москва, 2014. URL: <https://piratebooks.ru/threads/sovremenniy-konstitucionalizm-vizovi-i-perspektivi-materiali-mezhdunarodnoy-nauchno-prakticheskoy-konferencii-posvyaschennoy-20-letiyu-konstitucii-rossijs.253156>.
5. Гошуляк В. В., Мартынов А. В. Значение и роль прокуратуры в исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7, № 2 (26). С. 157–164. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41114125>.
6. Ульянов А. Ю. Роль органов прокуратуры в исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации // Законность. 2017. № 4 (990). С. 21–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29221605>.
7. Ушаков А. В. Расширение предмета прокурорского надзора как способ обеспечения исполнения решений Конституционного Суда // Законность. 2020. № 8 (1030). С. 27–30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44178379>.
8. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2019 году. URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report_2019.pdf.
9. Положение о полномочном представителе Генерального прокурора Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации, утвержденное приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 13.11.2013 № 491. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552097503>.
10. Информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Конституционный Суд Российской Федерации от 08.08.2019 № 72/1-18-2019; от 11.02.2020 № 72/1-18-2020.
11. Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор за исполнением решений Конституционного Суда Российской Федерации: вопросы теории и практики // Винокуров А. Ю. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2. Москва, 2017.

References

1. Kolybin A. V. *K probleme ispolneniya reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [On the enforcement of judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-government], 2017, no. 12, pp. 20–24. DOI: <http://doi.org/10.18572/1813-1247-2017-12-20-24> [In Russian].
2. Grigoryev K. E. *K voprosu ob ispolnenii reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [On execution of judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2017, no. 7, pp. 59–64. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29769629> [in Russian].
3. Grigorev K. E. *Realizatsiya polnomochii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: teoriya i praktika* [Exercise of Constitutional Court's powers: theoretical and practical levels]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2016, no. 3 (26), pp. 92–104. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27124323> [in Russian].
4. Sheveleva N. And. *Uchet byudzhetykh posledstviy priznaniya federal'nogo zakona nekonstitutsionnym pri vyrabotke pravovykh pozitsii Konstitutsionnym Sudom Rossiiskoi Federatsii* [Budgetary effects of recognition of a Federal law unconstitutional in formulating the legal positions of the Constitutional court of the Russian Federation]. In: *Sovremenniy konstitutsionalizm: vyzovy i perspektivy: materialy mezhd. nauch.-prakt. konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [otv. red. V. D. Zor'kin] [Zorkin V. D. (Ed.) Modern Constitutionalism: challenges and prospects: materials of the International research and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation]. Moscow, 2014. Available at: <https://piratebooks.ru/threads/sovremenniy-konstitutsionalizm-vizovi-i-perspektivi-materiali-mezhdunarodnoy-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-posvyashchennoy-20-letiyu-konstitucii-rossiys.253156/> [in Russian].
5. Goshulyak V. V., Martynov A. V. *Znachenie i rol' prokuratury v ispolnenii reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [The value and role of Prosecutor's office in the implementation of decisions of the constitutional Court of the Russian Federation]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 2019, vol. 7, no. 2 (26), pp. 157–164. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41114125> [in Russian].
6. Ulyanov A. Yu. *Rol' organov prokuratury v ispolnenii reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [The role of prosecution authorities in execution of resolutions of the Constitutional Court of Russia]. *Zakonost'*, 2017, no. 4 (990), pp. 21–24. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29221605> [in Russian].
7. Ushakov A. V. *Rasshirenie predmeta prokurorskogo nadzora kak sposob obespecheniya ispolneniya reshenii Konstitutsionnogo Suda* [Extending a scope of prosecutorial supervision as a means of ensuring implementation of resolutions of the Constitutional Court]. *Zakonost'*, 2020, no. 8 (1030), pp. 27–30. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44178379> [in Russian].
8. *Informatsionno-analiticheskii otchet ob ispolnenii reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii, prinyatykh v khode osushchestvleniya konstitutsionnogo sudoproizvodstva, v 2019 godu* [Information and analytical report on the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation adopted during the implementation of constitutional legal proceedings in 2019]. Available at: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report_2019.pdf [in Russian].
9. *Polozhenie o polnomochnom predstavitele General'nogo prokurora Rossiiskoi Federatsii v Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii, utverzhdennoe prikazom General'nogo prokurora Rossiiskoi Federatsii ot 13.11.2013 № 491* [Regulation on the authorized representative of the Prosecutor General of the Russian Federation in the Constitutional Court of the Russian Federation, approved by Order of the Prosecutor General of the Russian Federation № 491 as of 13.11.2013]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/552097503> [in Russian].
10. *Informatsii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii v Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii ot 08.08.2019 № 72/1-18-2019; ot 11.02.2020 № 72/1-18-2020* [Prosecutor General's office of the Russian Federation in the constitutional court of the Russian Federation dated 08.08.2019 № 72/1-18-2019; dated 11.02.2020 № 72/1-18-2020] [in Russian].
11. Vinokurov A. Yu. *Prokurorskiy nadzor za ispolneniem reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: voprosy teorii i praktiki* [Prosecutor's supervision over the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: issues of theory and practice]. In: *Vinokurov A. Yu. Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 2* [Selected articles: in 3 vols. Vol. 2]. Moscow, 2017 [in Russian].

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО INFORMATION LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-86-90

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

Дата поступления: 11.06.2021
рецензирования: 27.07.2021
принятия: 28.08.2021

Публично-правовое значение актов гражданского состояния, подтверждающих семейный статус лица в Испании: проблемы законодательства и правоприменения

И. А. Трофимец

Посольство Российской Федерации в Королевстве Испания, г. Мадрид, Королевство Испания
E-mail: kosareva-khv@mail.ru. SPIN-код: 2552-0632

Аннотация: В этой статье автор на примере законодательства и правоприменительной деятельности Испании предпринимает попытку показать, что акты гражданского состояния лица, в том числе характеризующие его семейное положение, имеют различные юридические последствия как частно-правового, так и публичного характера. Государственная регистрация отдельных биографо-демографических характеристик человека необходима для его индивидуализации и идентификации, а также для обеспечения правовой безопасности общественных отношений. Кроме того, учет населения в формате записей актов гражданского состояния обеспечивает государству возможность для формирования правильной демографической политики в обществе, планирования бюджета по социально-экономическим направлениям. В Испании реестровая информация в сфере записей актов гражданского состояния собирается, обрабатывается, передается и представляется по новым правилам, которые поэтапно вводились в действие с 2017 по 2021 г. В настоящее время гражданский реестр – это исключительно электронный информационный ресурс, построенный по экстерриториальному признаку, что обеспечивает много преимуществ как государственным органам, так и непосредственно гражданам-заявителям.
Ключевые слова: акты гражданского состояния; семейное положение; юридические последствия; публичные правоотношения.

Цитирование. Трофимец И. А. Публично-правовое значение актов гражданского состояния, подтверждающих семейный статус лица в Испании: проблемы законодательства и правоприменения // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 86–90. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-86-90>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Трофимец И. А., 2021

Ирина Александровна Трофимец – кандидат юридических наук, доцент, Посольство Российской Федерации в Королевстве Испания, 28002, Королевство Испания, г. Мадрид, ул. Веласкеса, 155.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.06.2021
Revised: 27.07.2021
Accepted: 28.08.2021

Public-legal significance of civil status acts in family sphere in Spain: problems of legislation and law enforcement

I. A. Trofimets

Embassy of Russia in Spain, Madrid, Spain
E-mail: kosareva-khv@mail.ru. SPIN-код: 2552-0632

Abstract: In this article, the author, using the example of legislation and law enforcement activities in Spain, attempts to show that acts of a person's civil status, including those characterizing his marital status, have various legal consequences, both of a private and public nature. State registration of individual biographical and demographic characteristics of a person is necessary for his individualization and identification, as well as for ensuring the legal security of public relations. In addition, the registration of the population in the format of civil status records provides the state with the opportunity to form the correct demographic policy in society, budget planning in social and economic areas. In Spain, registry information in the field of civil status records is collected, processed, transmitted and submitted according to new rules that were gradually put into effect from 2017 to 2021. Currently, the civil register is an exclusively electronic information resource built on an extraterritorial basis, which provides many advantages to both state bodies and directly to citizens-applicants.

Key words: acts of civil status; marital status; legal consequences; public legal relations.

Citation. Trofimets I. A. *Publichno-pravovoe znachenie aktov grazhdanskogo sostoyaniya, podtverzhdayushchikh semeinyi status litsa v Ispanii: problemy zakonodatel'stva i pravoprimereniya* [Public-legal significance of civil status acts in family sphere in Spain: problems of legislation and law enforcement]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 86–90. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-86-90> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Trofimets I. A., 2021

Irina A. Trofimets – Candidate of Legal Sciences, associate professor, Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Spain, 155, Velazquez Street, Madrid, 28002, Kingdom of Spain.

Ф. Х. Риверо Санчес-Ковиса дал краткую, но верную характеристику записям актов гражданского состояния¹ – это реестр людей и для людей [1]. Акты гражданского состояния не только индивидуализируют и идентифицируют лицо, но и определяют его семейное положение: родитель (усыновитель), ребенок (в том числе усыновленный), супруг или сожитель (*pareja de hecho*). Классик испанской цивилистики Ф. де Кастро и Браво справедливо писал, что «реестр записи актов гражданского состояния является материальным инструментом, позволяющим публично фиксировать официальную версию существования и правового статуса каждого человека» [2].

Несмотря на происходящие изменения, связанные с формированием глобального информационного общества, становлением электронного государства, созданием новых систем персонального учета населения, сохраняется классическая модель записи основных биографо-демографических фактов, основанная на балансе публичных и частных интересов, хотя меняется формат реестров актов гражданского состояния: от приходских метрических книг до единого экстерриториального цифрового информационного ресурса. Новая концепция ЗАГС предполагает использование информационных технологий и электронных подписей, что создает определенные «удобства» не только гражданам, но и всей системе государственного управления. Новый формат гражданского реестра, на первый взгляд, действительно предоставляет массу «удобств» гражданам при получении государственной услуги в сфере ЗАГС (освобождение от обязанности предоставлять бумажные документы, отсутствие необходимости посещения офисов ЗАГС и проч.). Вместе с тем остаются сложности фактического и юридического характера. Так, отмечается цифровой разрыв в испанском обществе, который может быть интеллектуальным (отсутствие цифровых знаний у значительной части населения) и материальным (отсутствие у граждан технических устройств (компьютеров, планшетов, смартфонов и т. п.) и доступа к сети Интернет), что затрудняет или делает невозможным реализацию цифровых прав граждан. По-прежнему актуальны проблемы обеспечения информационной безопасности информационной среды ЗАГС, в частности, соблюдение гарантий защиты персональных данных граждан при их сборе, обработке, передаче и предоставлении.

К отдельным вопросам института актов гражданского состояния обращаются современные испанские ученые-юристы Э. Серрано Алонсо [3], М. А. Линасеро де ла Фуэнте [4], А. Лесиньена Ибарра, Х. А. Кобачо Гомес [5] и др., которые отмечают преимущества и недостатки законодательства в данной сфере общественных отношений и его применения.

Организационно-правовыми основами государственной регистрации ЗАГС в Испании является Закон 20/2011 от 21 июля «О Гражданском реестре» [6] (далее – Закон 2011 г.), объявивший эпоху цифровизации в сфере записи актов гражданского состояния и телекоммуникационного администрирования этой области общественных отношений. Гражданский реестр сконфигурирован как единая база данных обо всех испанских гражданах и лицах, имеющих вид на жительство, что позволяет сочетать единицу информации с территориальным управлением и универсальностью доступа. Идея такого законодательного решения связывается не только с эффективностью оказания государственных услуг в сфере ЗАГС, но и с освобождением гражданина от бремени «бумажной волокиты» при обращении в регистрирующий орган. Закон 2011 г. предполагает более простую организацию Гражданского реестра с разграничением полномочий между Центральным управлением, генеральными управлениями и консульскими офисами, входящими в систему Министерства юстиции и составляющими сектор ЗАГС в регистрационном пространстве Испании.

Новая модель Гражданского реестра предусматривает отказ от записи актов гражданского состояния по их видам и организует ведение индивидуального файла в отношении каждого лица, который открывается регистрацией рождения и закрывается регистрацией смерти. Испанский государственный Гражданский реестр может со

держат пятнадцать видов актовых записей², устанавливая: Рождение (дата и место), родословная (сведения о родителях); имя и фамилия и их модификации (если были произведены); пол и его модификация (если была произведена); гражданство, двойное гражданство и виды на жительство; эмансипация; брак, разделение, аннулирование и развод; гражданское партнерство (заключение и расторжение); законный или договорный режим имущества супругов; родительские отношения и их модификации (усыновление или удочерение); судебное изменение правоспособности граждан, а также изменение, вытекающее из объявления о несостоятельности физических лиц; опекунов, попечителей и другие юридические представительства и их модификации; акты, касающиеся людей с ограниченными возможностями (инвалидов), пособия и льготы; самоконтроль и превентивные доверенности; объявление умершим или признание безвестно отсутствующим; смерть.

¹ Далее – ЗАГС.

ливающих, изменяющих, прекращающих или подтверждающих права, правовой статус и состояние лица. К актам гражданского состояния, влекущим семейно-правовые последствия, относим: рождение (дата и место), родословную (сведения о родителях); имя и фамилию и их модификации (если были произведены); брак, разделение, аннулирование и развод; гражданское партнерство (заклечение и расторжение); законный или договорный режим имущества супругов; родительские отношения и их модификации (усыновление или удочерение); объявление умершим или признание безвестно отсутствующим; смерть. Самая первая и самая важная актовая запись – это государственная регистрация рождения. К сожалению, в обществе бытует мнение, что обращение за государственной регистрацией рождения ребенка – это излишняя бюрократическая процедура. Вместе с тем документ о рождении, выданный компетентным государственным органом, влечет множество юридических последствий: право на имя, подтверждение происхождения и наличия семейно-родственных связей. Государственная регистрация рождения – это один из инструментов социальной защиты ребенка и его комфортного существования в обществе. Хорошо функционирующая государственная система регистрации рождения способствует правильному формированию политики публичной власти в сфере демографии, здравоохранения и образования, а также формированию адресной социальной поддержки (например, многодетным семьям или семьям с одним родителем) и учету населения на национальной территории. Отдельные уязвимые группы лиц, такие как мигранты, беженцы и коренные народности, подвержены незарегистрированному рождению детей по причине отсутствия знаний о том, как официально оформить рождение ребенка. В Испании государственная регистрация ребенка должна быть проведена в установленные законом сроки (восемь дней после рождения). Регистрация рождения относится к обязанностям родителей или иных лиц, в случае если ребенок остался без попечения родителей. Однако никакой ответственности за несоблюдение этой обязанности не наступает, но возникают трудности с прохождением поздней процедуры регистрации факта рождения, которая из простой административной трансформируется в более сложную или даже судебную. После регистрации рождения по мере наступления юридических фактов хронологически вносятся и другие записи.

До 30.04.2021 был объявлен переходный период вступления в силу Закона 2011 г.³, в течение кото-

³ Длительный переходный период вступления в силу Закона 2011 г. был объективно необходим для оснащения региональных офисов ЗАГС техническими устройствами, технологическим оборудованием и информационной инфраструктурой для оцифровки архивов. В настоящее время оцифрованы записи актов гражданского состояния до 1950 г., и начата работа с информацией, хранящейся с 1920 г.

рого устанавливалось постепенное создание отдельных электронных регистров (индивидуальных файлов) и временно сохранялись те, которые функционировали ранее. Новеллы касались отмены законного статуса Семейной книги (*Libro de familia*), выдававшейся при государственной регистрации брака или записи рождения (усыновления) первого ребенка у одинокого родителя. Использование Семейной книги имеет более чем вековую историю, начинается с 1915 г. со времен правления Альфонсо XIII, когда с целью объединения в одном документе собиралась вся информация о семье, так называемом «ядре семьи», а именно лицах, связанных супружескими и родительскими отношениями, их правовых статусах и состояниях. Семейная книга предназначалась для свидетельствования родственных отношений между родителями и детьми, фактов рождения, усыновления, смерти, развода или разлучения супругов, аннулирования брака, а также для закрепления согласованного экономического режима брачного имущества. Все акты гражданского состояния семейно-правового характера записывались в этот документ. Семейная книга была необходима для оформления паспортов для выездов за границу и внутренних документов, удостоверяющих личность, предоставления отпусков по беременности и родам, получения социальных пособий и медицинского страхования, регистрации по месту жительства, запроса мест в дошкольных и школьных учреждениях, начисления пособий по безработице и субсидий, заключения трудовых договоров, путешествий с детьми и др. В Испании «взрослый» документ, удостоверяющий личность (*Documento Nacional de Identidad*⁴), получает лицо, достигшее возраста 14 лет. До достижения ребенком 14 лет его личность сначала подтверждалась свидетельством о рождении *Certificado literal de nacimiento* (действует в течение 6 месяцев), а затем Семейной книгой (*Libro de familia*). В настоящее время *Certificado literal de nacimiento* и *Libro de familia* не выдаются, их заменили электронные документы – выписки из единого гражданского реестра, точнее, из индивидуального файла гражданина. Однако практика такого документирования граждан и их статусов только формируется.

Семейная книга потеряла смысл в рамках современной модели регистрации актов гражданского состояния, поскольку оцифрованная запись будет содержать все сведения о семейно-правовом статусе лица, что отвечает потребностям современного гражданского оборота, устанавливая эффективность и простоту. Таким законодательным решением была устранена проблема, которая существовала на протяжении более ста лет в испанском обществе. При распаде семьи усложнялся доступ к семейной информации по причине физического отсутствия Семейной книгой у

⁴ С исп. национальный идентификационный документ.

отдельно проживающего члена семьи, что порожидало огромное число судебных разбирательств. Особую сложность составляла выдача дубликата этого документа (при краже, повреждении, порче или уничтожении), поскольку следовало восстановить несколько актовых записей с предоставлением подлинных документов, подтверждавших необходимые юридические факты.

Еще одна проблема, которая носила законодательный характер и вносила трудности в правоприменение, заключалась в том, что Семейная книга выдавалась исключительно испанским гражданам. В случае брака испанского гражданина с иностранцем Семейная книга могла быть выдана, если брак заключался на территории Королевства Испания или в консульском офисе за пределами национальной территории. Испанским или иностранным гражданам, постоянно проживающим в Испании, не имевшим Семейной книги, сложно было реализовать свои права в социальной сфере, в частности на получение бесплатных медицинских и образовательных услуг, пособий и субсидий.

Индивидуальная реестровая запись под персональным кодом, заменяющая Семейную книгу и являющаяся исключительно электронным документом, будет содержать биографо-демографические данные о гражданине. Персональный код присваивается лицу при первой государственной регистрации и сохраняется в неизменном виде в период всей его жизни, является номером налогоплательщика, используется в социальном и медицинском страховании.

Закон 2011 г. предполагает, что к своей персональной информации и к персональной информации своих несовершеннолетних детей можно получить доступ в режиме реального времени, используя электронную подпись или лично обратившись в офис ЗАГС. Преимущества новой модели

регистрации актов гражданского состояния заключаются в том, что личные данные обновляются автоматически через систему межведомственного взаимодействия государственных органов, позволяющую компетентным должностным лицам актуализировать файлы граждан. В целях недопущения несанкционированного доступа к персональным данным граждан госслужащего проводится аудит его рабочего места, который может быть плановым или внеплановым.

Акты гражданского состояния, подтверждающие семейно-правовые связи лица, регистрируются государством не только в частных интересах, но и имеют огромное публично-правовое значение. Во-первых, эти данные необходимы самому государству для формирования внутренней социально-экономической политики, планирования бюджета по направлениям поддержки многодетных семей, одиноких родителей, детей-сирот и т.д. Во-вторых, официальное подтверждение семейного положения лица обеспечивает гарантии прав других участников общественных отношений, например, кредиторам супруга-должника, поскольку в ряде случаев позволяет привлекать к ответственности второго супруга по обязательствам имущественного характера. Приватность и публичность сведений информации ЗАГС в Испании сбалансирована: данные предоставляются только лицу, в отношении которого акты записи произведены, иные заинтересованные лица могут получить информацию исключительно на основании судебного решения при условии доказанности правомерности и обоснованности своих требований. Доступ должностных лиц органов публичной власти к персональной информации граждан, содержащейся в едином гражданском реестре, возможен только в связи с их функциями в сфере государственного управления.

Библиографический список

1. Rivero Sanchez-Covisa F.J. El Registro Civil y el notario: una relación en beneficio de las personas // El Notario del siglo XXI. 2018. № 80. P. 64–69.
2. Castro y Bravo F. Los llamados derechos de la personalidad // Anuario de derecho civil. 1959. Vol. 12, № 4. P. 1237–1276. Available at: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/anuarios_derecho/articulo.php?id=ANU-C-1959-40123701276.
3. Serrano Alonso E. La Ley del Registro Civil de 21 de julio de 2011. Madrid, 2012. URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Privado/120-2011.t3.html.
4. Linacero de la Fuente M. A. Tratado del Registro Civil. Madrid, 2013.
5. A. Leciñena Ibarra (dir.) y J.A. Cobacho Gómez (dir.) Comentarios a la Ley del Registro Civil. Madrid, 2013. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/libro?codigo=561813>.
6. Ley 20/2011, de 21 de julio, del Registro Civil // BOE, núm. 175, de 22/07/2011. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2011-12628>.

References

1. Rivero Sanchez-Covisa F. J. El Registro Civil y el notario: una relación en beneficio de las personas. *El Notario del Siglo XXI*, 2018, no. 80, pp. 64–69.
2. Castro y Bravo F. Los llamados derechos de la personalidad. *Anuario de derecho civil*, 1959, vol. 12, no. 4, pp. 1237–1276. Available at: https://www.boe.es/biblioteca_juridica/anuarios_derecho/articulo.php?id=ANU-C-1959-40123701276.
3. Serrano Alonso E. La Ley del Registro Civil de 21 de julio de 2011. Madrid, 2012. Available at: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Privado/120-2011.t3.html.
4. Linacero de la Fuente M. A. Tratado del Registro Civil. Madrid, 2013.
5. A. Leciñena Ibarra (dir.) y J.A. Cobacho Gómez (dir.) Comentarios a la Ley del Registro Civil. Madrid, 2013. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/libro?codigo=561813>.
6. Ley 20/2011, de 21 de julio, del Registro Civil. *BOE*, núm. 175, de 22/07/2011. Available at: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2011-12628>.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-91-101

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.096

Дата поступления: 07.07.2021
рецензирования: 10.08.2021
принятия: 28.08.2021

Некоторые вопросы обеспечения безопасности на трубопроводном транспорте

Т. Ю. Изгагина

Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: izg-tat@yandex.ru

Аннотация: В статье показана роль трубопроводного транспорта в российской экономике, проанализировано российское законодательство, регламентирующее деятельность данного вида транспорта; проанализированы типичные нарушения, выявляемые в работе трубопроводов контрольно-надзорными органами и прокуратурой; показана роль Ростехнадзора в выявлении нарушений на объектах повышенной опасности. Проанализировано законодательство Республики Беларусь и Республики Казахстан в части правового регулирования магистрального трубопроводного транспорта и осуществления надзора за ним со стороны органов прокуратуры; приведена судебная практика о возмещении экологического вреда, причиненного авариями на трубопроводах. Кроме того, проведен сравнительный анализ порядка осуществления надзора в России и в США. Сделан вывод о необходимости активизации государственного надзора со стороны Ростехнадзора; совершенствования нормативного регулирования путем принятия специализированного нормативного акта; концентрации усилий контрольно-надзорных органов на профилактике аварийных случаев.

Ключевые слова: трубопроводный транспорт; особо опасный объект; промышленная безопасность; безопасность; газопровод; нефтерпровод; прокуратура; Ростехнадзор.

Цитирование. Изгагина Т. Ю. Некоторые вопросы обеспечения безопасности на трубопроводном транспорте // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 91–101. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-91-101>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Изгагина Т. Ю., 2021

Татьяна Юрьевна Изгагина – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте, НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, 123022, Российская Федерация, г. Москва, 2-я Звенигородская ул., 15.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 07.07.2021
Revised: 10.08.2021
Accepted: 28.08.2021

Some security issues in pipeline transport

T. Yu. Izgagina

University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: izg-tat@yandex.ru

Abstract: the article shows the role of pipeline transport in the Russian economy, analyzes the Russian legislation regulating the activities of this type of transport; analyzes typical violations detected in the operation of pipelines by control and supervisory authorities and the prosecutor's office; shows the role of Rostekhnadzor in detecting violations of high-risk objects. The article analyzes the legislation of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan in terms of legal regulation of the trunk pipeline transport and the supervision of it by the prosecutor's office; provides judicial practice on compensation for environmental damage caused by accidents on pipelines. In addition, a comparative analysis of the order of supervision in Russia and in the United States was carried out. The conclusion is made about the need to activate state supervision by Rostekhnadzor; improve regulatory regulation by adopting a specialized regulatory act.

Key words: pipeline transport; especially dangerous object; industrial safety; safety; gas pipeline; oil pipeline; prosecutor's office; Rostekhnadzor.

Citation. Izgagina T. Yu. *Nekotorye voprosy obespecheniya bezopasnosti na truboprovodnom transporte* [Some security issues in pipeline transport]. *Juridicheskiy vestnik Samarского университета* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 91–101. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-91-101> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Izgagina T.Yu., 2021

Tatyana Yu. Izgagina – senior researcher, Department of Scientific Support for Prosecutor's Supervision and Strengthening the Law in the Activities of Customs Authorities and in Transport, Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 15, 2nd Zvenigorodskaya Street, Moscow, 123022, Russian Federation.

В России построена широкая сеть магистральных нефтепроводов (53,4 тыс. км), газопроводов (179,3 тыс. км) и нефтепродуктопроводов (17,1 тыс. км) [1]. В Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной приказом Минтранса РФ от 12.05.2005 № 45, трубопроводы отнесены к транспортной инфраструктуре, в качестве основного и приоритетного направления развития данной системы названо развитие трубопроводного транспорта, в том числе реконструкция и техническое переоснащение его действующих объектов. Трубопроводы активно используются для транспортировки товаров, трубопроводный транспорт лидирует в структуре грузооборота: в 2019 году его объем составил 47,3 %, на долю железнодорожного транспорта приходится 45,9 %; 4,9 % – на автомобильный транспорт; 1,8 % – на водный транспорт; 0,1 % – на грузоперевозки с использованием воздушного транспорта [2]. Следует отметить, что помимо газо- и нефтепроводов существуют аммиакопроводы, этиленопроводы, углепроводы и др. С помощью магистрального трубопроводного транспорта перемещается 100 % добываемого газа, около 99 % добываемой нефти, более 50 % производимой продукции нефтепереработки. В общем объеме перемещаемой по магистральным транспортным трубопроводам продукции доля газа составляет 55,4 %, нефти – 40,3 %, нефтепродуктов – 4,3 % [3].

Магистральный трубопроводный транспорт включает в себя большое количество технологических сооружений и агрегатов. Ростехнадзор по состоянию на 31.12.2019 к опасным производственным объектам нефтегазового комплекса относит 79 583 объекта, из них: 7051 опасный производственный объект нефтегазодобывающей промышленности; 4147 опасных производственных объектов нефтехимической, нефтегазоперерабатывающей промышленности и объектов нефтепродуктообеспечения; 4364 опасных производственных объекта магистрального трубопроводного транспорта; 64 021 опасный производственный объект газораспределения и газопотребления. Опасные производственные объекты (ОПО) нефтегазового комплекса по классам опасности распределены следующим образом: I класса – 1 518 ОПО; II класса – 5 685 ОПО; III класса – 66 442 ОПО; IV класса – 5 938 ОПО [4].

Как отмечают эксперты, значительная часть этих транспортных магистралей уже давно превысила нормативный срок своей службы, который составляет 25 лет. Средний возраст многих дей-

ствующих трубопроводов в России – 27–30 лет. Действующему нефтепроводу «Дружба» в 2020 году исполнилось 54 года. Также нужно учитывать, что в 1990-х и начале 2000-х годов не все нефтепроводы строили надлежащим образом с соблюдением требований безопасности [5]. Отмечается, что еще по состоянию на 1999 год 85 % газопроводов и 59 % нефтепроводов имели срок эксплуатации от 10 до 30 лет; менее 10 лет эксплуатировались около 1 % газопроводов и около 1 % нефтепроводов; 40 тыс. км газопроводов выработали свой расчетный ресурс; 40 % нефтепроводов к 2000 году превысили нормативный срок эксплуатации. Специалисты отмечают, что магистральный трубопроводный транспорт является весьма опасной сферой производственной деятельности, что обусловлено высокой степенью концентрации перекачиваемых мощностей, горюче- и взрывоопасностью транспортируемой продукции, ее отравляющими и иными опасными свойствами, концентрацией на отдельных направлениях до 10 ниток магистральных трубопроводов; сосредоточением в узких технических коридорах многониточных магистралей газопроводов, нефтепроводов, продуктопроводов, которые многократно пересекаются друг с другом. Применявшиеся технологии прокладки и защиты магистральных трубопроводов обуславливают непродолжительный срок их эксплуатации и необходимость проведения ремонтных и защитных работ после 8–10 лет их использования, проведения дополнительных испытаний, внутритрубной диагностики [3]. В связи с этим обеспечение безопасности функционирования трубопроводного транспорта является важной государственной задачей, в первую очередь путем правового регулирования указанного вида транспорта, а также осуществления контрольно-надзорных мероприятий за исполнением установленных требований.

В то же время несмотря на то, что уже выделено в качестве подотрасли транспортного права трубопроводное право [6], нормы права, регламентирующие трубопроводный транспорт в настоящее время, разрозненные, находятся в различных нормативных актах. На семнадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление от 19 апреля 2001 г. № 17-5) принят Модельный закон «О трубопроводном транспорте»; в России был разработан проект Федерального закона № 99045329-2 «О магистральном трубопроводном транспорте», он прошел два чтения и отклонен [7]. Исследователи отмечают, что необходима «четко выстроенная система законодательного регулирования», поскольку

ку отличительной особенностью трубопроводного транспорта является его «самостоятельная внутренняя система: как на общем уровне (трубопроводный транспорт состоит из непосредственно трубопровода и объектов, обслуживающих трубопроводный транспорт), так и на специальном (объекты, предназначенные для транспортировки конкретного товара) [8].

В российском законодательстве на уровне федеральных законов нет нормативных актов, определяющих, какие объекты следует относить к трубопроводному транспорту. Понятие трубопроводного транспорта дается в Правилах подключения нефтеперерабатывающих заводов к магистральным нефтепроводам и (или) нефтепродуктопроводам и учета нефтеперерабатывающих заводов в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21.12.2009 № 1039, – «это совокупность технологически взаимосвязанных объектов, обеспечивающих транспортировку нефти или нефтепродуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации, от мест приема до мест сдачи или перевалки на другие виды транспорта», однако его можно отнести только нефте- и нефтепродуктопроводам. В ряде подзаконных нормативных актах содержится определения разновидностей трубопроводного транспорта [9]. Росстат при ведении статистики руководствуется рядом определений, которые приводятся в Методологических положениях по статистике транспорта [10].

В Модельном законе «О трубопроводном транспорте»: трубопроводный транспорт определен как вид транспорта, предназначенный для транспортировки газообразной, жидкой и иной продукции по трубам. Под магистральными трубопроводами данный закон понимает «единый производственно-технологический комплекс трубопроводов с подземными, подводными, наземными и надземными сооружениями, предназначенный для транспортировки продукции от пунктов приемки от грузоотправителей до пунктов сдачи ее грузополучателям, технологического хранения или перевалки на другой вид транспорта» (статья 1). Данное определение наиболее полно и отражает многообъектность понятия трубопроводный транспорт.

Модельный закон очерчивает круг субъектов правового регулирования и сферу их деятельности, в том числе это обеспечение безопасности на трубопроводном транспорте; внешнеэкономические отношения в области трубопроводного транспорта; государственного надзора и контроля за строительством и эксплуатацией объектов трубопроводного транспорта и др.

В Беларуси и Казахстане соответствующие законы о трубопроводном транспорте приняты [11]. В России нормы права, регламентирующие деятельность трубопроводного транспорта содержатся в федеральных законах от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» (регламентирует отношения, которые возникают на товарных рынках);

от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (регламентирует вопросы предотвращения актов незаконного вмешательства и антитеррористической защищенности); постановлении Правительства РФ от 29.03.2011 № 218 (вопросы обеспечения недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий по транспортировке нефти (нефтепродуктов) по магистральным трубопроводам в Российской Федерации); Земельном кодексе Российской Федерации (регламентирует возможность предоставления земель под строительство объектов трубопроводного транспорта (ст. 90 ЗК РФ), а также порядок установления охранных зон трубопроводов, зон минимальных расстояний до магистральных или промышленных трубопроводов (ст. 105 ЗК РФ); в главе 41 ТК ЕАЭС и главе 39 Федерального закона от 03.08.2018 № 283 «О таможенном регулировании в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (особенности таможенного декларирования товаров, перемещаемых трубопроводным транспортом) и др. Среди нормативных актов, регламентирующих вопросы безопасности при строительстве и эксплуатации объектов трубопроводного транспорта, следует выделить Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», в соответствии с ним объекты трубопроводного транспорта относятся к категории опасных производственных объектов, соответственно, на них распространяются требования промышленной безопасности; Правила охраны магистральных трубопроводов [12]; СНиП 2.05.06-85 [13] и др. [14]. Обращает на себя внимание, что ранее действовавшие Правила по охране труда при эксплуатации промышленного транспорта [15] распространялись на трубопроводный транспорт; принятые в результате «регуляторной гильотины» новые правила, утвержденные приказом Минтруда России от 18.11.2020 № 814н, норм о трубопроводном транспорте не содержат.

Кроме того, ряд требований к трубопроводному транспорту принят на уровне наднационального законодательства: Технический регламент Таможенного союза «О безопасности машин и оборудования» (ТР ТС 010/2011), утвержденный решением Комиссии Таможенного союза от 18.10.2011 № 823 «Технический регламент Таможенного союза “О безопасности оборудования, работающего под избыточным давлением”» (ТР ТС 032/2013), Технический регламент Евразийского экономического союза «О требованиях к магистральным трубопроводам для транспортирования жидких и газообразных углеводородов» (ТР ЕАЭС 49/2020) (вступает в силу с 01.07.2021).

Очевидно, что разрозненных требований, содержащихся в различных нормативных актах, недостаточно и требуется их кодификация – принятие специализированного закона, в том числе для обеспечения безопасности на данном виде транспорта.

В США в рамках Программы безопасности трубопроводов осуществляются нормативное регулирование и надзор за более чем 2,7 миллиона миль энергетических трубопроводных систем. Основными направлениями программы безопасности являются: обновление или разработка новых правил, политики и руководящих указаний; совершенствование надзора с целью привлечения операторов трубопроводов к ответственности; поиск инновационных решений для повышения безопасности; а также учет и поощрение исследований в области новых и перспективных технологий. Цель реализации данной программы безопасности – «ноль аварий на трубопроводах», а «философия надзора» основана на трех фундаментальных принципах: установить минимальные стандарты безопасности и принять принудительные меры в отношении операторов, не соблюдающих эти стандарты; убедиться, что операторы понимают и управляют рисками, связанными с их трубопроводами, включая принятие мер по предотвращению аварий на трубопроводах и минимизации последствий любых возникающих аварий; разработка мер поощрения операторов трубопроводов, чтобы создавать «сильную культуру безопасности». Нормотворчество в ходе реализации программы безопасности направлено на нормативное регулирование безопасности жидкостных трубопроводов; разработку правил транспортировки газов по трубопроводам (требований к операторам по подтверждению максимально допустимого рабочего давления определенных газопроводов; вопросы целостности трубопровода); вопросов безопасности газотранспортных и сборных трубопроводов; правил размещения клапанов и обнаружения разрывов (установление стандартных показателей обнаружения разрывов для размещения клапанов); правила о применении материалов надлежащего качества (пластика) для изготовления газовых труб: новые или замененные местные газораспределительные системы будут строиться и обслуживаться с использованием самых передовых трубопроводных технологий, что, как ожидается, значительно повысит общественную безопасность местных сообществ [16].

В России данному вопросу не уделяется достаточного внимания. Так, органом исполнительной власти по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере топливно-энергетического комплекса, в том числе магистральных трубопроводов нефти, газа и продуктов их переработки, является Министерство энергетики Российской Федерации. В структуре Минэнерго России создан департамент нефтегазового комплекса, который обеспечивает реализацию полномочий, в том числе по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в пределах компетенции министерства в сфере нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, газодобывающей, газоперерабатывающей, газохимической и нефтехимической промышленности, магистраль-

ных трубопроводов нефти, газа и продуктов их переработки. Среди вопросов, отнесенных к сфере деятельности департамента, отсутствуют вопросы обеспечения безопасной эксплуатации трубопроводов; возможно, данные вопросы затрагиваются при осуществлении департаментом деятельности по вопросам экологической политики, энергосбережения и повышения энергетической эффективности, чрезвычайных ситуаций в указанных сферах.

Желательно, чтобы в структуре данного министерства либо Министерства транспорта Российской Федерации (в связи с тем, что трубопроводный транспорт – это разновидность транспорта) был создан департамент, занимающийся вопросами безопасности трубопроводного транспорта, как, например, это сделано в США, где создано специализированное Управление по безопасности трубопроводов и опасных материалов Министерства транспорта США (PHMSA) [16].

Ростехнадзор является органом федерального государственного надзора в области промышленной безопасности. Важное значение для обеспечения безопасной эксплуатации трубопроводного транспорта имеет как правотворческая, так и надзорная деятельность данного органа. Например, приказом Ростехнадзора от 15.12.2020 № 536 утверждены Правила промышленной безопасности при использовании оборудования, работающего под избыточным давлением. В структуре Ростехнадзора созданы специализированные подразделения, осуществляющие надзор за трубопроводным транспортом. Так, например, в структуре Центрального управления Ростехнадзора функционирует Межрегиональный отдел по надзору за объектами магистрального трубопроводного транспорта и газовому надзору, который осуществляет организацию и проведение проверок (инспекций) и иных мероприятий по надзору и контролю за соблюдением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями требований законодательства Российской Федерации, нормативных правовых актов, норм и правил, в том числе: требований промышленной безопасности при проектировании и строительстве опасных производственных объектов магистрального трубопроводного транспорта; требований технических регламентов; за проведением мониторинга антитеррористической защищенности; за соблюдением требований обязательного страхования гражданской ответственности владельцев опасных производственных объектов магистрального трубопроводного транспорта за вред, причиненный в результате аварии на объекте; за выполнением поднадзорными организациями установленных правил осуществления производственного контроля за соблюдением требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах. Ростехнадзор принимает участие в работе комиссий по приемке в эксплуатацию объектов магистрального трубопроводного транспорта в соответствии со ст. 8 Федерального закона

от 21.07.1997 № 116 ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»; привлекает к административной ответственности виновных лиц за нарушения в области промышленной безопасности и строительного надзора; ведет учет поднадзорных опасных производственных объектов и перечня организаций, осуществляющих деятельность на территории поднадзорных предприятий и др. [17]. Приказом Ростехнадзора от 25.01.2019 № 19 разграничены полномочия между 18 управлениями Ростехнадзора (Центральным, Северо-Западным, Волжско-Окским, Средне-Поволжским, Приволжским, Западно-Уральским, Уральским, Северо-Кавказским, Кавказским, Северо-Уральским, Сибирским, Дальневосточным, Приокским, Нижне-Волжским, Енисейским, Межрегиональным по Республике Крым и г. Севастополю, Ленским, Сахалинским) по территориальному принципу нахождения поднадзорных объектов.

По сути, именно Ростехнадзор является органом, в котором сосредоточены все сведения о безопасности на трубопроводном транспорте. К наиболее значимым рискам, по оценке Ростехнадзора, на объектах трубопроводного транспорта относятся: возможность возникновения несчастных случаев со смертельным исходом; возможность возникновения аварии. Анализ результатов технических расследований аварий показал, что основными причинами их возникновения явились: ошибки персонала эксплуатирующих и сервисных организаций, нарушение требований законодательства в области промышленной безопасности при бурении и капитальном ремонте скважин, эксплуатации компрессорных установок, при техническом обслуживании и ремонте основного технологического и вспомогательного оборудования, в том числе связанных с выполнением огневых и газоопасных работ; физический износ оборудования; механические повреждения наружных газопроводов вследствие воздействия посторонних лиц и организаций при производстве земляных работ в границах охранной зоны газопроводов и магистральных трубопроводов [18].

Одной из важнейших проблем является обеспечение экологической безопасности трубопроводного транспорта, о чем свидетельствуют недавние события: 12.06.2020 произошел пожар, повлекший взрыв, на Казанской Кустовой базе сжиженных газов, где в ходе проверки в 2017 году были выявлены нарушения техники безопасности (не было факельной системы для аварийного сброса паровой фазы сжиженного газа, установлены манометры с истекшим сроком годности, эксплуатировались дефектные насосы, на резервуарах были видны трещины и т. д.). Кроме того, экологическая катастрофа произошла в результате другой аварии в Норильске в результате утечки 20 тыс. тонн дизельного топлива из резервуара хранения. В этой связи огромное значение имеет профилактика инцидентов и аварий на трубопроводном транспор-

те. Приказом Ростехнадзора от 25.06.2020 № 240 утверждена Программа профилактики нарушений обязательных требований Ростехнадзора на 2020–2022 гг. Среди профилактических мероприятий на трубопроводном транспорте указаны: обобщение и анализ правоприменительной практики при осуществлении федерального государственного надзора; размещение на официальном сайте Ростехнадзора материалов по каждому произошедшему и расследованному случаю повреждений поднадзорных особо опасных объектов с целью донесения информации, содержащейся в анализе, до поднадзорных организаций, планирования и проведения ими мероприятий по совершенствованию работы, направленной на предупреждение аварий; актуализация и публикация перечня правовых актов, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю в рамках осуществления федерального государственного надзора в области промышленной безопасности; актуализация перечня типовых нарушений обязательных требований и его публикация. Вызывает сомнение достаточность таких мероприятий, чтобы изменить сложившуюся ситуацию с безопасностью при эксплуатации объектов трубопроводного транспорта. Тем более что в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 05.05.2012 № 455 «О режиме постоянного государственного надзора на опасных производственных объектах и гидротехнических сооружениях» Ростехнадзор осуществляет постоянный госконтроль посредством систематического (в соответствии с графиком) и беспрепятственного осуществления ряда мероприятий, которые можно назвать «профилактическими» (обход и осмотр объекта; проверка работоспособности приборов и систем контроля безопасности; проверка пригодности к использованию систем наблюдения, оповещения, связи и поддержки действий в случае аварии; проверка обеспечения охраны и контрольно-пропускного режима; рассмотрение документации, наличие которой предусмотрено требованиями промышленной безопасности; рассмотрение и анализ представляемых сведений (отчетов) о результатах производственного контроля за соблюдением требований промышленной безопасности, технического регулирования; наблюдение за работой комиссий по расследованию причин инцидентов на объектах повышенной опасности; за соблюдением требований по проведению проверки знаний рабочих, их инструктажа по безопасности, стажировки на рабочем месте; за работой аттестационных комиссий; проверка организации и функционирования системы управления промышленной безопасностью на объекте и др. Данные мероприятия не отменяют проведения плановых и внеплановых проверок. Реализация мероприятий постоянного государственного надзора должна способствовать совершенствованию аналитической деятельности Ростехнадзора, а также деятельности по планированию надзорных мероприятий и профилактике нарушений.

В ряде случаев Ростехнадзор не использует в полном объеме предоставленные полномочия. Так, например, прокуратурой Ханты-Мансийского автономного округа выявлено, что случаи выявления должностными лицами Ростехнадзора существенных фактов нарушения правил эксплуатации трубопроводного транспорта и приостановления работы аварийных объектов единичны. Заключение экспертиз промышленной безопасности, не отвечающие требованиям закона, вообще не выявляются, что указывает на ненадлежащую работу в данном направлении, хотя для этого есть все основания: почти на все нефтепроводы и водоводы, на которых возникли аварийные ситуации, имеются положительные заключения экспертиз промышленной безопасности; проверки прокуратуры показали, что большинство экспертиз промышленной безопасности не отражают реальную картину состояния системы трубопроводного транспорта; перечисленные в заключениях экспертиз технические параметры трубопроводов (их диаметр, толщина стенки) не соответствуют параметрам, указанным в эксплуатационных паспортах. В случаях аварийных разливов оценка действиям работников организаций, эксплуатирующих трубопроводы, на предмет соблюдения ими требований промышленной безопасности Ростехнадзором не дается [19].

Кроме того, специалисты отмечают, что часты нарушения земельного законодательства: распространены застройки в охранных зонах; выявляются мусорные свалки вдоль трасс магистральных трубопроводов; беспокойство вызывают и вопросы допуска к объектам трубопроводного транспорта, расположенным в пределах частных земельных владений. Достаточно остро стоит вопрос с эксплуатацией трубопроводов, которые не имеют собственников или собственники которых неизвестны (либо от права собственности на которые собственники отказались). Ряд исследователей отмечает повышенную криминогенность нефтяной отрасли [20].

В 2018 году утратила силу ст. 269 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов [21], в связи с чем актуальным становится вопрос: подпадает ли под действие иной уголовно-правовой нормы декриминализованное деяние. Поскольку объекты трубопроводного транспорта относятся к особо опасным производственным объектам, по мнению правоведов, нарушения правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов следует квалифицировать по ст. 217 УК РФ как наиболее полно охватывающей сущность этого преступления (под действие ст. 216 УК РФ подпадает лишь один вид деяния – нарушение правил безопасности при ведении работ, в связи с чем она не может применяться к рассматриваемому преступлению) [22].

Прокуроры, на территории которых расположены объекты трубопроводного транспорта, также

выявляют многочисленные нарушения в их работе. Особую озабоченность выразил Генеральный прокурор Российской Федерации И. Краснов 26.06.2020 на коллегии о состоянии законности и практике прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране и использовании недр в связи с «**негативным влиянием на экосистемы**» **нарушений законов при транспортировке и перевалке добытых природных ресурсов** и высокой аварийностью нефтепроводов – около 8 тысяч прорывов ежегодно, причинами которых являются значительная изношенность и коррозия оборудования» [23].

Нарушения выявляются как в ходе самостоятельных, так и совместных проверок прокуратуры со специалистами Ростехнадзора, Росприроднадзора. В то же время, несмотря на значимость данного направления прокурорского надзора, отдельной статистики по трубопроводному транспорту не ведется, в приказах Генерального прокурора РФ надзор за трубопроводным транспортом не разграничен между территориальными, природоохранными и транспортными прокуратурами. Все нарушения прокурорами выявляются «случайным образом», отсутствует надлежащее планирование данной надзорной деятельности, состояния законности на данном виде транспорта надлежащим образом не анализируется. Так, например, транспортными прокуратурами выявляются нарушения исполнения законодательства, направленного на обеспечение безопасности движения при эксплуатации нефте- и газопроводов, проложенных вдоль железнодорожных путей, по фарватеру рек и водоемов: выявлялись повреждения защитного кожуха газопровода; участки газопроводов не отмечались соответствующими опознавательными знаками; предприятия нефтегазодобывающего комплекса не проводили обязательных мероприятий по берегоукреплению вблизи пролегания газопроводов, ряд трубопроводов находится на недопустимо малой глубине либо в непосредственной близости от железнодорожных путей [24]. Территориальными прокуратурами также не осуществляется системный надзор за объектами трубопроводного транспорта. Так, например, прокуратурой Ямало-Ненецкого автономного округа в план проверок на I полугодие 2017 года были включены мероприятия по проверке исполнения законодательства при эксплуатации нефтегазопроводов, обращении с отходами бурения и содержании законсервированных нефтяных скважин на основании Указа Президента РФ от 05.01.2016 № 7 об объявлении 2017 года Годом экологии и по итогам анализа законности в данной сфере за 2015–2016 гг. [25]. Природоохранная прокуратура тоже при проведении проверок выявляет нарушения в сфере трубопроводного транспорта. Так, например, при проведении проверки соблюдения предприятиями ТЭК законодательства при строительстве и эксплуатации на землях лесного фонда, а также в границах водных объектов нефтегазодобывающих скважин, трубопроводов и

линий электропередачи выявлены факты незаконной эксплуатации нефтесборных трубопроводов без разрешений на ввод в эксплуатацию [26].

В Беларуси прокурорский надзор за исполнение законов на трубопроводном транспорте осуществлялся транспортными прокуратурами, а после их ликвидации – территориальными; состояние законности на трубопроводном транспорте анализируется Управлением Генеральной прокуратуры по надзору за исполнением законодательства на транспорте и в таможенных органах [27]; а в Казахстане – Главной транспортной прокуратурой. Данные вопросы нередко становятся темами отдельных заседаний.

Особое значение имеет деятельность прокуроров и органов государственного надзора по восстановлению экологического ущерба, причиненного в результате аварий на трубопроводном транспорте. Именно в рамках данной деятельности удается возместить ущерб, причиненный окружающей среде. В основном данная деятельность осуществляется путем направления исков в суд.

В 2016 года Ханты-Мансийская межрайонная природоохранная прокуратура путем направления в суд иска в размере 238 млн руб. взыскала ущерб, причиненный аварийным разливом нефти, в результате которого были загрязнены природные объекты (протока Чеускина и береговая полоса) на площади более 24 га. На момент аварии срок эксплуатации трубопровода составлял более 17 лет и на нем уже происходило 8 порывов, однако должных мер по предотвращению новых аварийных ситуаций, должностными лицами эксплуатирующей организации принято не было. Решение суда было исполнено, деньги зачислены в бюджет [28]. В результате нефтеразлива на площади 3 гектаров, произошедшего из-за 5 инцидентов, лесному фонду причинен ущерб на сумму более 36 млн рублей. Прокуратура обратилась в суд с исками о возложении обязанности разработать проект рекультивации загрязненного участка и восстановить его естественное состояние. Суд района полностью поддержал требования прокурора [29].

Арбитражный суд Красноярского края удовлетворил иск Росприроднадзора на сумму 146,177 млрд рублей с Норильско-Таймырской энергетической компании в связи с аварией на Норильской ТЭЦ. Почти всю взысканную сум-

му (145,492 млрд рублей) планируется направить в федеральный бюджет, остальное – в бюджет Норильска [30].

В настоящее время сложилась судебная практика, согласно которой возмещение вреда в соответствующей оставшейся части осуществляется в денежной форме в случае, если восстановление состояния окружающей среды, существовавшее до причинения вреда, в результате проведения восстановительных работ возможно лишь частично (в том числе в силу наличия невосполнимых и (или) трудновосполнимых экологических потерь) [31].

Огромное значение имеют результаты административных расследований Росприроднадзора, в ходе которых устанавливается размер ущерба, причиненный окружающей среде. Так, например, Управление Росприроднадзора возбудило дело об административном правонарушении по ст. 8.1 КоАП РФ по факту аварии на продуктопроводе на реке Оби вблизи Нижневартовска за несоблюдение экологических требований при эксплуатации сооружений и иных объектов. По итогам административного расследования эксперты предоставят оценку ущерба, причиненного окружающей среде [32].

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, стоит отметить, что состояние законности на трубопроводном транспорте требует активизации государственного надзора со стороны Ростехнадзора, более активного использования ими полномочий по постоянному государственному надзору. В части совершенствования нормативного регулирования необходимо, безусловно, принять специализированный нормативный акт, который бы объединил все разрозненные требования к деятельности трубопроводного транспорта, а главное, дал бы ему определение. Обращает на себя внимание, что результативные проверки со стороны контрольно-надзорных органов осуществляются только после возникновения инцидентов и аварий, то есть когда ущерб экологии причинен, в связи с чем необходимо основные усилия сосредотачивать на проведении профилактических мероприятий, таких как своевременное выявление нарушений технического характера, могут спровоцировать аварию; проверять эксплуатирующие организации на предмет своевременности и достаточности диагностических мероприятий.

Библиографический список

1. Анализ рынка трубопроводных грузоперевозок в России. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/transp18.htm (дата обращения: 24.03.2021).
2. Грузооборот по видам транспорта по Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/23455?print=1> (дата обращения: 24.03.2021).
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О магистральном трубопроводном транспорте». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902358183> (дата обращения: 24.03.2021).
4. Программа профилактики нарушений обязательных требований Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору на 2020–2022 годы (утв. приказом Ростехнадзора от 25.06.2020 № 240) // СПС «Гарант». URL: <https://legalacts.ru/doc/programma-profilaktiki-narushenii-objazatelnykh-trebovanii-federalnoi-sluzhby-po-ekologicheskomu>.

5. Состояние трубопроводов в России: старое против нового. URL: <https://dprom.online/oilngas/sostoyanie-truboprovodov-v-rossii-staroe-protiv-novogo> (дата обращения: 24.03.2021).
6. Перчик А. И. Трубопроводное право. Москва: Нефть и газ, 2002. 368 с. URL: <http://seluk.ru/agro/141190-1-perchik-truboprovodnoe-pravo-pod-redakciey-larina-moskva-2002-udk-6226914-perchik-truboprovodnoe-pravo-m-ne.php> (дата обращения: 09.03.2021).
7. Законопроект № 99045329-2 «О магистральном трубопроводном транспорте». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902358183> (дата обращения: 09.03.2021).
8. Иванова Т. Н. Трубопроводный транспорт России: понятие и источники правового регулирования // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 66–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44292370>.
9. ГОСТ 34182–2017 «Магистральный трубопроводный транспорт нефти и нефтепродуктов. Эксплуатация и техническое обслуживание» магистральный трубопровод (для нефти и нефтепродуктов) // СПС «Гарант». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200146117>.
10. Методологические положения по статистике транспорта (утв. приказом Росстата от 29 декабря 2017 г. № 887) // СПС «Гарант». URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metod-transp\(1\).pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metod-transp(1).pdf).
11. Закон РБ № 87-3 от 09.01.2002 «О магистральном трубопроводном транспорте». URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_magistralnom_truboprovodnom_transporte.htm; Закон Республики Казахстан от 22 июня 2012 года № 20-V «О магистральном трубопроводе». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31212949.
12. Правила охраны магистральных трубопроводов (утв. Минтопэнерго РФ 29.04.1992, Постановлением Госгортехнадзора РФ от 22.04.1992 № 9) // СПС «Гарант». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200004703>.
13. Свод правил. Магистральные трубопроводы. Актуализированная редакция (утв. Приказом Госстроя от 25.12.2012 № 108/ГС) // СПС «Гарант». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200103173>.
14. Перечень актов, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении федерального государственного надзора в области промышленной безопасности опасных производственных объектов магистрального трубопроводного транспорта. URL: http://cntr.gosnadzor.ru/activity/control/Prom_bezop/perechen-aktov-soderzhashchikh-obyazatelnye-trebovaniya-soblyudenie-kotorykh-otsenivaetsya-pri-prove (дата обращения: 24.03.2021).
15. Правила по охране труда при эксплуатации промышленного транспорта (утв. приказом Минтруда России от 27 августа 2018 г. № 553н) // СПС «Гарант».
16. Pipeline Safety and Reauthorization. URL: <https://www.transportation.gov/testimony/pipeline-safety-and-reauthorization> (дата обращения: 09.03.2021).
17. Межрегиональный отдел по надзору за объектами магистрального трубопроводного транспорта и газовому надзору. URL: <http://cntr.gosnadzor.ru/about/structure/Otdel/MO/tube.php> (дата обращения: 30.03.2021).
18. Программа профилактики нарушений обязательных требований Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору на 2020–2022 годы (утв. приказом Ростехнадзора от 25.06.2020 № 240) // СПС «Гарант». URL: <https://rulaws.ru/acts/Programma-profilaktiki-narusheniy-obyazatelnyh-trebovaniy-Federalnoy-sluzhby-po-ekologicheskomu,-tehno>.
19. Актуальные аспекты прокурорского надзора за соблюдением требований промышленной и экологической безопасности при эксплуатации трубопроводного транспорта в ХМАО. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/wiselawyer.ru/poleznoe/88267-aktualnye-aspekty-prokurorskogo-nadzora-soblyudeniem-trebovanij-promyshlennoj> (дата обращения: 09.03.2021); <http://prokhmao.ru/upload/medialibrary/44f/prokuror.pdf>.
20. Бухтояров Е. В. Хищения нефтепродуктов из трубопровода: правовые аспекты // Юристь-Правоведь. 2010. № 2. С. 111–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hischeniya-nefteproduktov-iz-truboprovoda-pravovye-aspekty/viewer> (дата обращения: 09.03.2021); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13946309>.
21. Федеральный закон от 23.04.2018 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://docs.cntd.ru/document/557240514>.
22. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Транспортные преступления: новые шаги законодателя и Конституционного Суда РФ // Уголовное право. 2018. № 4. С. 73–82. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38203569>.
23. Под председательством Генпрокурора России Игоря Краснова прошла коллегия о состоянии законности и практике прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране и использовании недр. URL: <https://err.genproc.gov.ru/web/sztp/mass-media/news?item=50613515> (дата обращения: 09.03.2021).
24. Уральская транспортная прокуратура выявила нарушения законодательства о безопасности эксплуатации нефте- и газопроводов, проложенных вдоль железных дорог и по фарватеру рек. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-65264> (дата обращения: 19.03.2021).
25. Прокуратура округа обобщила результаты проверок исполнения законодательства при эксплуатации нефтегазопроводов, обращении с отходами бурения и содержании законсервированных нефтяных скважин. URL: <https://procrf.ru/news/591017-prokuratura-okruga-obobschila-rezultaty-proverok-ispolneniya-zakonodatelstva-pri-ekspluatatsii-nefte-gazoprovodov.html> (дата обращения: 19.03.2021).
26. По требованию природоохранной прокуратуры предприятиями ТЭК устранены нарушения законодательства при эксплуатации нефтесборных трубопроводов. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1092377> (дата обращения: 19.03.2021).

27. В Генпрокуратуре изучили исполнение законодательства о безопасной эксплуатации трубопроводного транспорта. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/february/46443> (дата обращения: 09.03.2021).
28. По требованию Ханты-Мансийской межрайонной природоохранной прокуратуры ООО «РН-Юганскнефтегаз» возмещен ущерб за причиненный вред окружающей среде. URL: <https://www.ugrapro.ru/2016/05/24/yuganskneftegaz-za-razliv-nefti-na-protokhe-cheuskina-vyiplatili-shtraf-v-razmere-238-mln-rublej> (дата обращения: 26.03.2021).
29. «Юганскнефтегаз» снова заставили рекультивировать загрязненную нефтепродуктами землю. URL: https://www.znak.com/2020-03-06/yuganskneftegaz_snova_zastavili_rekultivirovat_zagryaznennuyu_nefteproduktami_zemlyu (дата обращения: 29.03.2021).
30. Суд удовлетворил иск Росприроднадзора к «Норникелю» на 146 млрд руб. URL: <https://www.interfax.ru/russia/749558> (дата обращения: 09.03.2021).
31. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2020 № 306-ЭС20-16219 по делу № А578748/2019. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28122020-n-306-es20-16219-po-delu-n-a57-87482019/>; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-13575/2019-АК. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/19d44762-1736-4023-a5d4-8da44f27988b/4635ea10-1513-4e98-90e7-15f1b72f2b07/A50-13567-2019_20210209_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 29.03.2021).
32. Росприроднадзор возбудил дело по факту аварии на трубопроводе в ХМАО. URL: <https://muksun.fm/news/ecology/18-03-2021/rospririodnadzor-vozbudil-delo-po-faktu-avarii-na-truboprovode-v-hmao> (дата обращения: 09.03.2021).

References

1. *Analiz rynka truboprovodnykh gruzoperevozok v Rossii* [Analysis of the pipeline cargo transportation market in Russia]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/transp18.htm (accessed 24.03.2021) [in Russian].
2. *Gruzooborot po vidam transporta po Rossiiskoi Federatsii* [Cargo turnover by types of transport in the Russian Federation]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/23455?print=1> (accessed 24.03.2021) [in Russian].
3. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona «O magistral'nom truboprovodnom transporte»* [Explanatory note to the draft of the Federal Law «On Trunk pipeline Transport»]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902358183> [in Russian].
4. *Programma profilaktiki narushenii obyazatel'nykh trebovanii Federal'noi sluzhby po ekologicheskomu, tekhnologicheskomu i atomnomu nadzoru na 2020 – 2022 gody (utv. prikazom Rostekhnadzora ot 25.06.2020 № 240)* [Program for the prevention of violations of mandatory requirements of the Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Supervision for 2020-2022 (approved by order of Rostekhnadzor № 240 as of 25.06.2020)]. Retrieved from legal reference system «Garant». Available at: <https://legalacts.ru/doc/programma-profilaktiki-narushenii-objazatelnykh-trebovanii-federalnoi-sluzhby-po-ekologicheskomu> [in Russian].
5. *Sostoyanie truboprovodov v Rossii: staroe protiv novogo* [State of pipelines in Russia: old vs. new]. Available at: <https://dprom.online/oilngas/sostoyanie-truboprovodov-v-rossii-staroe-protiv-novogo> (accessed 24.03.2021) [in Russian].
6. Perchik A. I. *Truboprovodnoe pravo* [Pipeline law]. Moscow: Neft' i gaz, 2002, 368 p. Available at: <http://seluk.ru/agro/141190-1-perchik-truboprovodnoe-pravo-pod-redakciey-larina-moskva-2002-udk-6226914-perchik-truboprovodnoe-pravo-m-ne.php> (accessed 09.03.2021) [in Russian].
7. *Zakonoproekt № 99045329-2 «O magistral'nom truboprovodnom transporte»* [Draft law № 99045329-2 «On trunk pipeline transport»]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902358183> (accessed 09.03.2021) [in Russian].
8. Ivanova T. N. *Truboprovodnyi transport Rossii: ponyatie i istochniki pravovogo regulirovaniya* [Pipeline transportation in Russia: notion and sources of legal regulation]. *Predprinimatel'skoe pravo* [Entrepreneurial Law], 2020, no. 4, pp. 66–73. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44292370> [in Russian].
9. *GOST 34182–2017 «Magistral'nyi truboprovodnyi transport nefti i nefteproduktov. Ekspluatatsiya i tekhnicheskoe obsluzhivanie» magistral'nyi truboprovod (dlya nefti i nefteproduktov)* [GOST 34182-2017 «Oil and oil products trunk pipeline transportation. Operation and maintenance. Main principles»]. Retrieved from legal reference system «Garant». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200146117> [in Russian].
10. *Metodologicheskie polozheniya po statistike transporta (utv. prikazom Rosstat ot 29 dekabrya 2017 g. № 887)* [Methodological provisions on transport statistics (approved by Rosstat order № 887 as of December 29, 2017)]. Retrieved from legal reference system «Garant». Available at: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metod-transp\(1\).pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metod-transp(1).pdf) [in Russian].
11. *Zakon RB № 87-Z ot 09.01.2002 «O magistral'nom truboprovodnom transporte»* [Law of the Republic of Belarus № 87-Z as of 09.01.2002 "On trunk pipeline transport"]. Available at: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_magistralnom_truboprovodnom_transporte.htm [in Russian]; *Zakon Respubliki Kazakhstan ot 22 iyunya 2012 goda № 20-V «O magistral'nom truboprovode»* [Law of the Republic of Kazakhstan № 20-V as of June 22, 2012 «On trunk pipeline»]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31212949 [in Russian].
12. *Pravila okhrany magistral'nykh truboprovodov (utv. Mintopenergo RF 29.04.1992, Postanovleniem Gosgortekhnadzora RF ot 22.04.1992 № 9)* [Rules for the protection of trunk pipelines (approved by the Ministry of Fuel and Energy of

the Russian Federation on 29.04.1992, by the Resolution of the Gosgortekhnadzor of the Russian Federation № 9 as of 22.04.1992)]. Retrieved from legal reference system «Garant». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200004703> [in Russian].

13. *Svod pravil. Magistral'nye truboprovody. Aktualizirovannaya redaktsiya (utv. Prikazom Gosstroya ot 25.12.2012 № 108/GS)* [Set of rules. Trunk pipelines. Updated version (approved by Gosstroy Order № 108/GS dated 25.12.2012)]. Retrieved from legal reference system «Garant». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200103173> [in Russian].

14. *Perechen' aktov, sodержashchikh obyazatel'nye trebovaniya, soblyudenie kotorykh otsenivaetsya pri provedenii meropriyatii po kontrolyu pri osushchestvlenii federal'nogo gosudarstvennogo nadzora v oblasti promyshlennoi bezopasnosti opasnykh proizvodstvennykh ob'ektov magistral'nogo truboprovodnogo transporta* [The list of acts containing mandatory requirements, compliance with which is assessed when carrying out control measures in the implementation of federal state supervision in the field of industrial safety of hazardous production facilities of trunk pipeline transport]. Available at: http://cntr.gosnadzor.ru/activity/control/Prom_bezop/perechen-aktov-soderzhashchikh-obyazatelnye-trebovaniya-soblyudenie-kotorykh-otsenivaetsya-pri-prove [in Russian].

15. *Pravila po okhrane truda pri ekspluatatsii promyshlennogo transporta (utv. prikazom Mintruda Rossii ot 27 avgusta 2018 g. № 553n)* [Rules on labor protection during the operation of industrial transport (approved by the Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation № 553n as of August 27, 2018)]. Retrieved from legal reference system «Garant». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/542632194> [in Russian].

16. Pipeline Safety and Reauthorization. Available at: <https://www.transportation.gov/testimony/pipeline-safety-and-reauthorization> (accessed 09.03.2021).

17. *Mezhregional'nyi otdel po nadzoru za ob'ektami magistral'nogo truboprovodnogo transporta i gazovomu nadzoru* [Interregional Department for Supervision of Trunk Pipeline Transport Facilities and Gas Supervision]. Available at: <http://cntr.gosnadzor.ru/about/structure/Otdel/MO/tube.php> (accessed 30.03.2021) [in Russian].

18. *Programma profilaktiki narushenii obyazatel'nykh trebovanii Federal'noi sluzhby po ekologicheskomu, tekhnologicheskomu i atomnomu nadzoru na 2020-2022 gody (utv. prikazom Rostekhnadzora ot 25.06.2020 № 240)* [Program for the prevention of violations of mandatory requirements of the Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Supervision for 2020-2022 (approved by order of Rostekhnadzor № 240 as of 25.06.2020)]. Retrieved from legal reference system «Garant». Available at: <https://rulaws.ru/acts/Programma-profilaktiki-narusheniy-obyazatelnykh-trebovaniy-Federalnoy-sluzhby-po-ekologicheskomu,-tehno/> [in Russian].

19. *Aktual'nye aspekty prokurorskogo nadzora za soblyudeniem trebovanii promyshlennoi i ekologicheskoi bezopasnosti pri ekspluatatsii truboprovodnogo transporta v khmao* [Actual aspects of the prosecutor's supervision over compliance with the requirements of industrial and environmental safety during the operation of pipeline transport in the KhMAO]. Available at: <https://yandex.ru/turbo/s/wiselawyer.ru/poleznoe/88267-aktualnye-aspekty-prokurorskogo-nadzora-soblyudeniem-trebovanij-promyshlennoj> (accessed 09.03.2021); <http://prokhmao.ru/upload/medialibrary/44f/prokuror.pdf> [in Russian].

20. Buhtojarov E. V. *Khishcheniya nefteproduktov iz truboprovoda: pravovye aspekty* [Plunder of mineral oil from the pipeline: legal aspects]. *Yurist"-Pravoved"* [Jurist-Pravoved], 2010, no. 2, pp. 111–113. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hishcheniya-nefteproduktov-iz-truboprovoda-pravovye-aspekty/viewer> (accessed 09.03.2021); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13946309> [in Russian].

21. *Federal'nyi zakon ot 23.04.2018 № 114-FZ «O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i stat'i 31 i 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Federal Law № 114-FZ as of 23.04.2018 «On Amendments Being Made to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «Garant». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/557240514> [in Russian].

22. Korobeyev A. I., Chuchayev A. I. *Transportnye prestupleniya: novye shagi zakonodatelya i Konstitutsionnogo Suda RF* [Transport crimes: new steps of a legislator and the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo*, 2018, no. 4, pp. 73-82. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38203569> [in Russian].

23. *Pod predsedatel'stvom Genprokurora Rossii Igorya Krasnova proshla kollegiya o sostoyanii zakonnosti i praktike prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva ob okhrane i ispol'zovanii nedr* [A panel on the state of legality and practice of prosecutor's supervision over the implementation of legislation on the protection and use of mineral resources was held under the chairmanship of the Prosecutor General of Russia Igor Krasnov]. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/sztp/mass-media/news?item=50613515> (accessed 09.03.2021) [in Russian].

24. *Ural'skaya transportnaya prokuratura vyavila narusheniya zakonodatel'stva o bezopasnosti ekspluatatsii nefte- i gazoprovodov, prolozhennykh vdol' zheleznykh dorog i po farvateru rek* [The Ural Transport Prosecutor's Office has revealed violations of the legislation on the safety of operation of oil and gas pipelines laid along railways and along the fairway of rivers]. Available at: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-65264/> (accessed 19.03.2021) [in Russian].

25. *Prokuratura okruga obobshchila rezul'taty proverok ispolneniya zakonodatel'stva pri ekspluatatsii nefte-gazoprovodov, obrashchenii s otkhodami bureniya i sodержanii zakonservirovannykh neftyanykh skvazhin* [The District Prosecutor's Office summarized the results of inspections of the implementation of legislation in the operation of oil and gas pipelines, the management of drilling waste and the maintenance of mothballed oil wells]. Available at: <https://procrf.ru/news/591017-prokuratura-okruga-obobshchila-rezultatyi-proverok-ispolneniya-zakonodatelstva-pri-ekspluatatsii-nefte-gazoprovodov.html> (accessed 19.03.2021) [in Russian].

26. *Po trebovaniyu prirodookhrannoi prokuratury predpriyatiyami TEK ustraneny narusheniya zakonodatel'stva pri ekspluatatsii neftesbornykh truboprovodov* [At the request of the Environmental Prosecutor's Office, fuel and energy

companies eliminated violations of the law during the operation of oil collection pipelines]. Available at: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1092377> (accessed 19.03.2021) [in Russian].

27. *V Genprokuratorie izuchili ispolnenie zakonodatel'stva o bezopasnoi ekspluatatsii truboprovodnogo transporta* [Prosecutor General's Office has studied the implementation of legislation on the safe operation of pipeline transport]. Available at: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/february/46443> (accessed 09.03.2021) [in Russian].

28. *Po trebovaniyu Khanty-Mansiiskoi mezhraionnoi prirodookhrannoi prokuratury OOO «RN-Yuganskneftegaz» vozmeshchen ushcherb za prichinennyi vred okruzhayushchei srede* [At the request of the Khanty-Mansiysk Interdistrict Environmental Prosecutor's Office, LLC «RN-Yuganskneftegaz» was compensated for damage caused to the environment]. Available at: <https://www.ugrapro.ru/2016/05/24/yuganskneftegaz-za-razliv-nefti-na-protoke-cheuskina-vyiplatili-shtraf-v-razmere-238-mln-rublej> (accessed 26.03.2021) [in Russian].

29. *«Yuganskneftegaz» snova zastavili rekul'tivirovat' zagryaznennuyu nefteproduktami zemlyu* [Yuganskneftegaz was again forced to reclaim the land contaminated with oil products]. Available at: https://www.znak.com/2020-03-06/yuganskneftegaz_snova_zastavili_rekul'tivirovat_zagryaznennuyu_nefteproduktami_zemlyu (accessed 29.03.2021) [in Russian].

30. *Sud udovletvoril isk Rosprirodnadzora k «Nornikelyu» na 146 mlrd rub.* [The court granted the claim of Rosprirodnadzor to Norilsk Nickel for 146 billion rubles]. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/749558> (accessed 09.03.2021) [in Russian].

31. *Opredelenie Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 28.12.2020 № 306-ES20-16219 po delu № A578748/2019* [Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation as of 28.12.2020 № 306-ES20-16219 with regard to case № A578748/2019]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogoSuda-rossiiskoi-federatsii-ot-28122020-n-306-es20-16219-po-delu-n-a57-87482019>; *Postanovlenie Semnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda № 17AP-13575/2019-AK* [Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal № 17AP-13575/2019-AK]. Available at: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/19d44762-1736-4023-a5d4-8da44f27988b/4635ea10-1513-4e98-90e7-15f1b72f2b07/A50-13567-2019_20210209_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed 29.03.2021) [in Russian].

32. *Rosprirodnadzor vzbudil delo po faktu avarii na truboprovode v KhMAO* [Rosprirodnadzor raised an action on the fact of an accident on a pipeline in the KhMAO]. Available at: <https://muksun.fm/news/ecology/18-03-2021/rosprirodnadzor-vozbudil-delo-po-faktu-avarii-na-truboprovode-v-hmao> (accessed 09.03.2021) [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.7

Дата поступления: 20.05.2021
рецензирования: 01.07.2021
принятия: 28.08.2021

Коллизии законодательства о нестационарной торговле

М. А. Паладьев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mapaladev@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются правовой статус нестационарных торговых объектов, аспекты реформирования правового статуса нестационарной торговли в Российской Федерации, а также обращается внимание на реализацию государственной политики в области нестационарной торговли в Самарской области. Автор приходит к выводу, что действующее законодательство ставит в неравные условия владельцев нестационарных торговых объектов, заключивших договоры аренды земельных участков в разные периоды времени, а именно: до 1 марта 2015 года и после этой даты. Кроме того, в статье обращается внимание на недостаточную определенность правового статуса нестационарных торговых объектов в Российской Федерации в целом и формирование различной правоприменительной практики, не всегда обеспечивающей защиту интересов хозяйствующих субъектов. Отмечается, что формирование режима правовой определенности является важной гарантией развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации. Автором предложены меры, направленные на установление равноправия владельцев нестационарных торговых объектов и восстановление конкуренции.

Ключевые слова: нестационарный торговый объект; правовой статус нестационарного торгового объекта; договор аренды земельного участка; договор размещения нестационарного торгового объекта; схема размещения нестационарных торговых объектов; товарный рынок; ограничение конкуренции; субъекты малого и среднего предпринимательства.

Цитирование. Паладьев М. А. Коллизии законодательства о нестационарной торговле // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 102–106. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-102-106>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Паладьев М. А., 2021

Максим Анатольевич Паладьев – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.05.2021
Revised: 01.07.2021
Accepted: 28.08.2021

Conflict of legislation on non-stationary trade

M. A. Paladyev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: mapaladev@mail.ru

Abstract: The article examines the legal situation of non-stationary trade objects, considers aspects of reforming the legal status of non-stationary trade in the Russian Federation, as well as the implementation of state policy in the field of non-stationary trade in the Samara Region. The author concludes that the current legislation places in unequal conditions the owners of non-stationary trading facilities that have concluded land lease agreements at different periods of time, namely: before March 1, 2015 and after this date. In addition, the article draws attention to the insufficient certainty of the legal status of non-stationary trading facilities in the Russian Federation as a whole and the formation of various law enforcement practices that do not always protect the interests of business entities. It is noted that the formation of a legal certainty regime is an important guarantee for the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation. The author proposes measures aimed at establishing the equality of owners of non-stationary trading facilities and restoring competition.

Key words: non-stationary trading facility; legal position of non-stationary trading facility; land lease agreement; non-stationary trading facility location agreement; non-stationary trading facility layout scheme; commodity market; restriction of competition; small and medium business subjects.

Citation. Paladyev M. A. *Kollizii zakonodatel'stva o nestatsionarnoi trgovle* [Conflict of legislation on non-stationary trade]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 102–106. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-102-106> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Paladyev M. A., 2021

Maxim A. Paladyev – Candidate of Legal Sciences, associate professor, Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1] запрещает постановку хозяйствующих субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность на одном и том же товарном рынке, в заведомо неравные условия.

Между тем 1 марта 2015 года разделил арендаторов земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, на тех, кто успел, и тех, кто «опоздал».

В соответствии с разъяснениями, приведенными в пункте 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «О некоторых вопросах практики применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» [2], договор аренды государственного или муниципального имущества может быть продлен на неопределенный срок в порядке, предусмотренном пунктом 2 статьи 621 Гражданского кодекса Российской Федерации [3], если этот договор был заключен до вступления в силу закона, требующего проведения обязательных торгов для заключения договора аренды (статья 422 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Положения Земельного кодекса Российской Федерации [4] в редакции от 1 марта 2015 года прямо не исключают применения положений пункта 2 статьи 621 Гражданского кодекса Российской Федерации к договору аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, юридически заключенному без проведения торгов.

Поэтому, если после 1 марта 2015 года арендатор продолжал пользоваться таким земельным участком, арендованным до указанной даты, после истечения срока действия договора при отсутствии возражений со стороны арендодателя договор считается продленным на тех же условиях на неопределенный срок. Общее правило, предусмотренное пунктом 1 статьи 39.6 Земельного кодекса РФ, не распространяется на продление таких договоров.

Но арендаторы, заключившие договоры аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности после 1 марта 2015 года (за исключением лиц, имеющих право аренды земельного участка без проведения торгов в соответствии с пунктом 2 статьи 39.6 Земельного кодекса РФ), в соответствии с пунктом 1 статьи 39.6 Земельного кодекса РФ, после истечения срока действия договора должны либо вернуть арендованный земельный участок, либо подать заявку на проведение торгов на право заключения договора аренды на новый срок.

Действие этих правовых норм ставит хозяйствующие субъекты в неравные условия.

Эти обстоятельства приводят (могут привести) к негативным последствиям в виде дестабилизации прав хозяйствующих субъектов, осуществля-

ющих торговую деятельность, невозможности долгосрочного планирования их деятельности, перераспределения рынка, сокращения или прекращения предпринимательской деятельности и, как следствие, приводят (могут привести) к сокращению числа хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, на розничном рынке с использованием нестационарных торговых объектов (далее – НТО), что, согласно пункту 17 статьи 4 Закона о защите конкуренции, является признаком ограничения конкуренции.

Создание условий и (или) возможности наступления последствий в виде предупреждения, ограничения или устранения конкуренции является достаточным основанием для вывода о нарушении статьи 15 Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [5].

В соответствии со статьей 39.33 Земельного кодекса Российской Федерации использование земельных участков или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, за исключением земельных участков, предоставленных гражданам или юридическим лицам, может осуществляться без предоставления земельных участков и установления сервитута, в том числе в случае размещения НТО, рекламных конструкций, а также иных объектов, виды которых устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Согласно пункту 1 статьи 39.36 Земельного кодекса РФ, размещение НТО на земельных участках или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется на основании схемы размещения нестационарных коммерческих объектов (далее в тексте – Схема) в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2009 года № 381-ФЗ.

Постановлением Правительства Самарской области от 02.08.2016 № 426 «Об осуществлении отдельных полномочий в области государственного регулирования торговой деятельности» [6] утвержден Порядок заключения договора о размещении нестационарного коммерческого объекта в целях использования земельных участков или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для размещения нестационарных коммерческих объектов без предоставления этих земельных участков и установления в отношении них сервитута (далее в тексте – Порядок).

В пояснительной записке к проекту настоящего постановления говорится, что данное постановление разработано в целях совершенствования правового регулирования в сфере размещения НТО на основании договора о размещении НТО. Постановление должно было создать условия для

субъектов малого и среднего предпринимательства, предоставить им возможность заключать договоры на размещение НТО в случае расторжения с ними (в одностороннем порядке по инициативе арендодателя) договора аренды земельного участка, заключенного до 1 марта 2015 года.

В то же время отдельные правила Порядка заключения договора на размещение НТО не обеспечивают в полной мере защиту прав субъектов малого и среднего предпринимательства – арендаторов земельных участков для размещения НТО.

Так, порядок заключения договора размещения НТО на земельном участке или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для размещения НТО без предоставления этих земельных участков и установления сервитута в отношении них содержит критерии предоставления государственной услуги, согласно которым заявителем может являться арендатор, надлежащим образом исполнивший свои обязанности по договору аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, используемого с целью размещения НТО, заключенному до 1 марта 2015 года, .

В то же время постановление Правительства Самарской области от 02.08.2016 № 426 не содержит определения термина «надлежащее исполнение обязательств по договору», что влечет за собой его произвольное толкование и, как следствие, не гарантирует равенства прав участников соответствующих отношений.

Между тем взаимные права и обязанности арендатора и арендодателя, вытекающие из договора аренды земельного участка, регулируются гражданским и земельным законодательством Российской Федерации. В случае нарушения сторонами условий договора аренды земельного участка он может быть расторгнут, в том числе в одностороннем порядке, на основании действующего законодательства.

Представляется, что нарушение арендатором договора аренды, заключенного до 1 марта 2015 года, должно повлечь за собой только последствия, предусмотренные договором и регулирующие его законодательством. В соответствии с заявленными целями Порядка заключения договора о размещении НТО сам факт наличия нерасторгнутого договора аренды земельного участка должен быть предусмотрен в качестве основания для заключения договора о размещении НТО без проведения торгов. Наличие в Приказе условия, позволяющего отказать в заключении договора на размещение НТО лицу, ненадлежащим образом исполнившему свои обязанности по договору аренды земельного участка, заключенному до 1 марта 2015 года, представляет широкие возможности для усмотрения правоприменителя.

Кроме того, презумпция добросовестности арендатора земельного участка не ограничивает возможности воздействия на субъект, уже заключивший договор размещения, путем применения норм действующего законодательства

в случае нарушения договора предпринимателем.

Представляется, что фраза «надлежащим образом исполнял свои обязанности по заключенному договору», применяемая в Порядке, не гарантирует равенства прав хозяйствующих субъектов.

Возвращаясь к ранее поднятому вопросу о правах арендаторов «до 1 марта 2015 года и после», следует отметить, что без проведения торгов договор на размещение НТО заключается в случае размещения на новый срок НТО, ранее размещенного на том же месте, предусмотренном Схемой размещения, только хозяйствующим субъектом, выполнившим свои обязательства либо по ранее заключенному договору размещения, либо по договору аренды земельного участка, заключенному до 01.03.2015. Поскольку в соответствии с Порядком, утвержденным постановлением Правительства Самарской области от 02.08.2016 № 426, арендатор земельного участка вправе заключить договор размещения без проведения торгов только в том случае, если договор аренды был заключен до 01.03.2015.

Таким образом, законодатель вновь подчеркивает неравное положение на одном и том же товарном рынке арендаторов земельных участков, заключивших договоры аренды до 1 марта 2015 года, и арендаторов, заключивших договоры аренды после 1 марта 2015 года.

Между тем в соответствии с частью 1 статьи 15 Федерального закона «О защите конкуренции» органам местного самоуправления запрещается принимать акты, которые приводят или могут привести к предотвращению, ограничению, устранению конкуренции, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами.

Арендаторы земельных участков «после 1 марта 2015 года» не могут рассчитывать на эти гарантии, если из Схемы исключен НТО.

В соответствии с частями 1, 2, 3 статьи 10 Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ размещение НТО на земельных участках, в зданиях, сооружениях, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется в соответствии со Схемой размещения НТО с учетом необходимости обеспечения устойчивого развития территорий и достижения минимальных нормативов обеспечения населения площадью коммерческих объектов.

Согласно мнению Верховного Суда Российской Федерации, изложенному в апелляционном определении СК по административным делам № 31-АПА19-10 от 11 сентября 2019 года [7], органы местного самоуправления должны обеспечить стабильность предпринимательской деятельности для объектов НТО, существовавших до утверждения схемы размещения НТО на территории муниципального образования.

В соответствии с нормативными правовыми актами, действующими на территории городского округа Самара (пункт 1 статьи 39.36 Земельного кодекса Российской Федерации, статья 10 Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ,

пункт 4 Постановления Правительства Самарской области от 02.08.2016 № 426, статья 10.9 Закона Самарской области от 11.03.2005 № 94-ГД «О земле» [8], пункт 2 части 12 статьи 5 Закона Самарской области от 05.07.2010 № 76-ГД «О государственном регулировании торговой деятельности на территории Самарской области» [9]), сохранение НТО после истечения срока действия договора аренды земельного участка, заключенного после 01.03.2015, возможно только при наличии НТО в Схеме, действующей на территории городского округа Самара, а договора аренды земельного участка, заключенного до 01.03.2015, возможно при отсутствии НТО в Схеме.

Так, в соответствии со статьей 5 Закона Самарской области от 05.07.2010 № 76-ГД, арендатор, надлежащим образом исполнивший свои обязанности по договору аренды, заключенному до 1 марта 2015 года, на земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности и используемый для размещения НТО, вправе заключить договор о размещении НТО в границах арендованного земельного участка без проведения аукциона.

Собственник НТО, исключенного из Схемы, в отношении которого действует договор о размещении НТО или договор аренды земельного участка для размещения соответствующего НТО, вправе заключить договор о размещении другого НТО, включенного в Схему того же муниципального образования, без проведения аукциона.

Однако эти правила, направленные на обеспечение стабильности прав хозяйствующих субъектов, осуществляющих торговую деятельность, сохранение возможности долгосрочного планирования их бизнеса, предотвращение перераспределения рынка, предотвращение сокращения или прекращения торгового бизнеса, а также ухудшение положения хозяйствующих субъектов, не гарантируют предпринимателям всех вышеперечисленных льгот в случае одностороннего расторжения арендодателем договора аренды земельного участка, заключенного до 1 марта 2015 года.

В соответствии с пунктом 2 статьи 610 Гражданского кодекса Российской Федерации договор может быть расторгнут одной из сторон в любое время без указания причин независимо от надлежащего или ненадлежащего исполнения сторонами обязательств, и в этом случае каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора.

При этом на основании части 13 статьи 5 Закона Самарской области от 05.07.2010 № 76-ГД арендатор до истечения срока действия договора

аренды вправе заключить договор о размещении НТО в границах арендуемого земельного участка без проведения аукциона, заключение которого (для арендаторов, заключивших договор аренды земельного участка после 01.03.2015), в свою очередь, возможен только при наличии НТО в Схеме, то есть если он не был исключен оттуда заинтересованными в этом местными органами власти.

Например, администрация городского округа Самара считает факт расторжения договора аренды по инициативе органа местного самоуправления городского округа Самара достаточным основанием для исключения НТО из Схемы (решение по делу № 2а-4355/2020 Ленинского районного суда г. Самары).

Согласно заключению Верховного Суда Российской Федерации, изложенному в апелляционном определении СК по административным делам № 31-АПА19-10 от 11.09.2019, расторжение договора аренды земельного участка или договора о размещении НТО не является основанием для исключения НТО из Схемы. Органы местного самоуправления должны обеспечить возможность осуществления стабильной предпринимательской деятельности для объектов НТО, существовавших до утверждения Схемы на территории муниципального образования.

Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о недостаточной определенности правового статуса НТО в Российской Федерации в целом и формировании различной правоприменительной практики, не всегда обеспечивающей защиту интересов хозяйствующих субъектов. Все это позволяет говорить о необходимости выработки единых образных правил функционирования НТО на всей территории Российской Федерации.

В качестве одной из мер, позволяющих уравнять правовое положение владельцев НТО, считаю возможным предложить установление срока (даты) переоформления договоров аренды земельных участков, заключенных до 01.03.2015, на договоры размещения НТО. По истечении данного срока указанные арендаторы должны утратить право на заключение договора размещения НТО без проведения торгов. Одновременно для устранения неравенства необходимо предоставить право переоформления договоров аренды земельных участков, заключенных после 01.03.2015, на договоры размещения НТО без проведения торгов. Указанные меры позволят привести всех упомянутых арендаторов в равное правовое положение и восстановить конкуренцию.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901989534>.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2021. № 1, январь. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123451/; <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-vas-rf-ot-17112011-n>.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9027703>.

4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.10.2001. № 44. Ст. 4147. URL: <https://docs.cntd.ru/document/744100004>.
5. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2010. № 1. Ст. 2. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902192509>.
6. Постановления Правительства Самарской области от 02.08.2016 № 426 «О реализации отдельных полномочий в области государственного регулирования торговой деятельности» // Волжская коммуна. № 202 (29748). 09.08.2016. URL: <https://pravo.samregion.ru/postanovleniya-pravitelstva/postanovlenie-pravitelstva-samarskoj-oblasti-ot-02-08-2016-426-o-realizatsii-otdelnyh-polnomochij-v-oblasti-gosudarstvennogo-regulirovaniya-torgovoj-deyatelnosti>.
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.09.2019 № 31-АПА19-10 «Об отмене решения Верховного Суда Чувашской Республики от 30.04.2019 и признании не действующим в части пункта 1 решения Чебоксарского городского Собрания депутатов от 25.12.2018 № 1516 «О Схеме размещения нестационарных торговых объектов на территории города Чебоксары» // Документ опубликован не был. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11092019-n-31-apa19-10>.
8. Закон Самарской области от 11.03.2005 № 94-ГД «О земле» // Волжская коммуна. 12.03.2005. № 44. URL: <https://www.samregion.ru/documents/laws/94-gd-ot-11-03-2005>.
9. Закон Самарской области от 05.07.2010 № 76-ГД «О государственном регулировании торговой деятельности на территории Самарской области» // Волжская коммуна. 07.07.2010. № 238 (27185). URL: <https://www.samregion.ru/documents/laws/76-gd-ot-05-07-2010>.

References

1. *Federal'nyi zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ «O zashchite konkurentsii»* [Federal Law as of 26.07.2006 № 135-FZ «On Protection of Competition»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 31.07.2006, no. 31 (part 1), Article 3434. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901989534> [in Russian].
2. *Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 17 noyabrya 2011 g. № 73 «Ob otdel'nykh voprosakh praktiki primeneniya pravil Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o dogovore arendy»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated November 17, 2011 № 73 «On Certain Issues of the Practice of Applying the Rules of the Civil Code of the Russian Federation on a Lease Agreement»]. *Vestnik VAS RF*, January 2012, no. 1. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123451; <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-vas-rf-ot-17112011-n/> [in Russian].
3. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ* [Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 26.01.1996 № 14-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 29.01.1996, no. 5, Article 410. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/9027703> [in Russian].
4. *Zemel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 25.10.2001 № 136-FZ* [Land Code of the Russian Federation dated 25.10.2001 № 136-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 29.10.2001, no. 44, Article 4147. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/744100004> [in Russian].
5. *Federal'nyi zakon ot 28.12.2009 № 381-FZ «Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya torgovoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law as of 28.12.2009 № 381-FZ «On the Basics of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 04.01.2010, no. 1, Article 2. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902192509> [in Russian].
6. *Postanovleniya Pravitel'stva Samarskoj oblasti ot 02.08.2016 № 426 «O realizatsii otdel'nykh polnomochii v oblasti gosudarstvennogo regulirovaniya torgovoi deyatel'nosti»* [Resolutions of the Government of the Samara Region dated 02.08.2016 № 426 «On the implementation of certain powers in the field of state regulation of trade activities»]. *Volzhskaya kommuna*, 09.08.2016, no. 202 (29748). Available at: <https://pravo.samregion.ru/postanovleniya-pravitelstva/postanovlenie-pravitelstva-samarskoj-oblasti-ot-02-08-2016-426-o-realizatsii-otdelnyh-polnomochij-v-oblasti-gosudarstvennogo-regulirovaniya-torgovoj-deyatelnosti> [in Russian].
7. *Apellyatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po administrativnym delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 11.09.2019 № 31-APA19-10 «Ob otmene resheniya Verkhovnogo Suda Chuvashskoi Respubliki ot 30.04.2019 i priznanii ne deistvuyushchim v chasti punkta 1 resheniya Cheboksarskogo gorodskogo Sobraniya deputatov ot 25.12.2018 № 1516 «O Skheme razmeshcheniya nestatsionarnykh torgovykh ob'ektov na territorii goroda Cheboksary»* [Appeal definition of Judicial board on administrative cases of the Supreme Court of the Russian Federation as of 11.09.2019 «About cancellation of the decision of the Supreme Court of the Chuvash Republic as of 30.04.2019 and recognition № 1516 which isn't existing in a part of Paragraph 1 of the decision of the Cheboksary city Meeting of deputies from 25.12.2018 "About the Scheme of placement of non-stationary shopping facilities on the territory of the city of Cheboksary»]. *The document wasn't published*. Available at: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11092019-n-31-apa19-10> [in Russian].
8. *Zakon Samarskoj oblasti ot 11.03.2005 № 94-GD «O zemle»* [Law of the Samara Region dated 11.03.2005 № 94-GD «On land»]. *Volzhskaya kommuna*, 12.03.2005, no. 44. Available at: <https://www.samregion.ru/documents/laws/94-gd-ot-11-03-2005> [in Russian].
9. *Zakon Samarskoj oblasti ot 05.07.2010 № 76-GD «O gosudarstvennom regulirovanii torgovoi deyatel'nosti na territorii Samarskoj oblasti»* [Law of the Samara Region dated 05.07.2010 № 76-GD «On State Regulation of Trade Activities in the Samara Region»]. *Volzhskaya kommuna*, 07.07.2010, no. 238 (27185). Available at: <https://www.samregion.ru/documents/laws/76-gd-ot-05-07-2010> [in Russian].

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС CIVIL PROCESS

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-107-114

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.415, 347.91

Дата поступления: 19.06.2021
рецензирования: 23.07.2021
принятия: 28.08.2021

Механика взаимодействия материального и процессуального на примере цессии в исполнительном производстве

Д. Б. Абушенко

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: abushenko73@yandex.ru

Аннотация: В статье автором рассматриваются отдельные вопросы, связанные с переходом права от цедента к цессионарию на стадии исполнения судебного акта. Обосновывается тезис о том, что факты, непосредственно не связанные с переменой лиц в материальном правоотношении, для замены стороны исполнительного производства значения иметь не должны. Обсуждаются вопросы, связанные с правовыми последствиями несовпадения уступаемого права требования с тем, что отражено в исполнительном документе. Рассматривается проблематика правовых последствий ранее состоявшегося частичного исполнения и истечения срока для предъявления исполнительного документа к исполнению. Для исполнения, произведенного должником первоначальному кредитору или приобретателю требования в период с момента получения уведомления о переходе права до замены взыскателя в установленном порядке, предлагаются подходы, направленные на согласование публичной процедуры исполнения с произошедшей переменой кредитора.

Ключевые слова: цессия; исполнительное производство; замена взыскателя; последствия исполнения ненадлежащему кредитору; окончание исполнительного производства.

Цитирование. Абушенко Д. Б. Механика взаимодействия материального и процессуального на примере цессии в исполнительном производстве // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 107–114
DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-107-114>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Абушенко Д. Б., 2021

Дмитрий Борисович Абушенко – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Уральский государственный юридический университет, 620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.06.2021
Revised: 23.07.2021
Accepted: 28.08.2021

Mechanics of the interaction of material and procedural using the example of an assignment in execution proceedings

D. B. Abushenko

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: abushenko73@yandex.ru

Abstract: In the article, the author considers certain issues related to the transfer of law from the assignor to the assignee at the stage of execution of a judicial act. The thesis is substantiated that the facts that are not directly related to the change of persons in the material legal relationship should not have any significance for the replacement of the party to the enforcement proceedings. The issues related to the legal consequences of the discrepancy between the assigned right of claim and what is reflected in the enforcement document are discussed. The problems of legal consequences of the earlier partial execution and the expiration of the deadline for submitting the enforcement document for execution are considered. For the execution of the claim made by the debtor to the original creditor or the acquirer in the period from the moment of receipt of the notification of the assignment until the replacement of the recoverer in accordance with the established procedure, approaches are proposed aimed at coordinating the public execution procedure with the change of the creditor that has occurred.

Key words: assignment; enforcement proceedings; replacement of the recoverer; consequences of execution to an improper creditor; end of enforcement proceedings.

Citation. Abushenko D. B. *Mekhanika vzaimodeystviya material'nogo i protsessual'nogo na primere tsessii v ispolnitel'nom proizvodstve* [Mechanics of the interaction of material and procedural using the example of an assignment in execution proceedings]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 107–114. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-107-114> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Abushenko D. B., 2021

Dmitry B. Abushenko – Doctor of Legal Sciences, professor at the Department of Civil Process, Ural State Law University, 21, Komsomolskaya Street, Yekateriburg, 620137, Russian Federation.

Российский законодатель, к сожалению, не очень охотно обращается к механизмам межотраслевого взаимодействия. Нормативные акты, как правило, четко ограничивают сферу своего применения строго определенными отраслевыми отношениями, и случаи, когда разработчики переходят невидимую отраслевую демаркационную линию, крайне редки. Подобный подход, видимо, кроется в классическом преподавании отдельных правовых дисциплин и последующей узкой специализации тех, кто выбирает деятельность, так или иначе связанную с законодательством. Однако «отраслевой изоляционизм», на наш взгляд, явление сугубо умозрительное; от него не остается и следа, когда возникает конкретный правовой конфликт. В состоянии спора стороны для эффективной защиты интересов чаще всего просто вынуждены оперировать как институтами частного права, так и сугубо процессуальными – в итоге нередко происходит т. н. отраслевое наложение.

Цессия на стадии исполнительного производства являет собой как раз тот случай, когда требуется довольно выверенное и аккуратное взаимосоотношение норм о переходе субъективного права с теми нормами, которые регулируют публичные правоотношения, уже возникшее в результате предъявления исполнительного документа ко взысканию¹. Понятно, что охватить все возможные вопросы, которые бы возникали на подобном стыке материального и процессуального, в одной статье совершенно невозможно². И тем не менее мы попытаемся выявить некие хотя бы самые общие подходы – те, что должны определять общую логику функционирования института уступки при наличии у взыскателя уже имеющегося исполнительного документа и возбужденного исполнительного производства.

Начнем с действующего правового регулирования. Часть 1 ст. 52 ФЗ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗИП) в числе прочих случаев, влекущих замену стороны исполнительного производства ее правопреемником, упоминает также и уступку права требования. Увы, но каких-либо норм, которые бы регламентировали более инструментальные аспекты, касающиеся взаимных связей между переходом права от цедента к цессионарию,

с одной стороны, с публичной исполнительской процедурой – с другой, указанный закон не содержит. По понятным причинам соответствующие нормы отсутствуют и в гражданском законодательстве. Эту пробельность некоторым образом восполнил Верховный Суд РФ: сравнительно недавно он дал разъяснения, касающиеся цессии именно на стадии исполнения³. Конечно, их явно недостаточно для какой-то целостной картины, однако они дают определенную пищу для размышлений⁴. В настоящей статье мы попытаемся поставить несколько базовых вопросов, отталкиваясь в том числе и от предложенных интерпретаций указанного судебного органа.

1. На наш взгляд, отправной точкой для последующих рассуждений должен выступать следующий тезис: *факты, непосредственно не связанные с переменной лиц в материальном правоотношении, для замены стороны исполнительного производства значения не имеют*. В частности, не должно учитываться волеизъявление правопреемника и правопреемника. Специфика уступки на стадии исполнения состоит в том, что юридическая действительность основного обязательства (обязательства, которое, собственно, и подлежит принудительному исполнению) под сомнение не ставится: такое обязательство либо уже прошло судебную проверку, либо может быть проверено в будущем, но произойдет это не в рамках процедуры замены взыскателя в исполнительном производстве, а посредством возбуждения самостоятельного судебного производства (например, при предъявлении иска о признании сделки недействительной). Следовательно, проверка оснований для замены взыскателя должна ограничиваться исключительно вопросами действительности цессии как сделки и установления факта перехода прав от одного лица к другому.

Однако Верховный Суд РФ придерживается иного мнения, предлагая на стадии исполнения учитывать волеизъявление приобретателя требования. Так, указанный орган обращает внимание на то, что, «осуществляя процессуальное правопреемство на стадии исполнения судебного акта, суд производит замену цедента цессионарием по

¹ Заметим, что сами по себе вопросы цессии и правопреемства, в т. ч. в публичном правоотношении, конечно же, неоднократно становились предметом научных исследований: см. например: [1–6] и др.

² Общим вопросам соотношения материального и процессуального посвящено немало содержательных работ – см.: [7–11] и др.

³ Все рекомендации указанного судебного органа поместились в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 54).

⁴ Обратим внимание на то, что относительно содержания п. 35 постановления Пленума ВС РФ № 54 уже высказывались как цивилисты, так и процессуалисты [12, с. 135–137].

заявлению или с согласия последнего...»⁵ Иначе говоря, если приобретатель требования прямо не выражает свою волю на замену взыскателя, то последний остается в правоотношении, возникшем в исполнительном производстве. Понятно, что ситуация эта довольно редкая – разумный интерес лица, которое стало кредитором в материальном правоотношении, должен подтолкнуть его и к соответствующей замене внутри процедуры принудительного исполнения, иначе денежные средства или иное имущество от должника неосновательно получит первоначальный кредитор. Однако оставим в стороне истинные мотивы пассивного поведения приобретателя требования (скажем, входя в одну группу со взыскателем, он для целей налогообложения может быть заинтересован в более позднем зачислении денежных средств и вполне резонно рассчитывает их получить в следующем налоговом периоде не от должника, а как неосновательное обогащение от первоначального кредитора, предполагая, что должник произведет исполнение именно ему) и поставим несколько более общих вопросов. Во-первых, действительно ли отсутствие волеизъявления приобретателя требования должно препятствовать замене взыскателя? И во-вторых, могут ли участники материального правоотношения манипулировать субъектным составом сторон в исполнительном производстве, по сути, игнорируя произошедшую замену кредитора?

Начнем с того, что вследствие сохранения в исполнительном производстве первоначального кредитора интересы должника никоим образом не страдают. Верховный Суд РФ прямо указывает, что «должник, получивший уведомление об уступке, вправе не осуществлять исполнение цессионарию до замены взыскателя»⁶. Да и в целом, конечно же, для должника не имеет особого значения, в пользу кого производить исполнение. Теоретически, однако, допустимы довольно редкие случаи, когда у должника все же может быть интерес к замене персоны взыскателя. Речь идет о ситуациях, дающих основание должнику предполагать, что приобретатель требования совершит либо воздержится от совершения действий, выгодных именно должнику: к примеру, заявит ходатайство об отложении исполнительных действий (ч. 1 ст. 38 ФЗИП), о возвращении исполнительного документа (п. 1 ч. 1 ст. 46 ФЗИП) либо откажется от получения вещи, указанной в исполнительном документе (ч. 2 ст. 88 ФЗИП).

Впрочем, анализа интересов должника в замене или сохранении первоначального кредитора в исполнительном производстве явно недостаточно, чтобы понять, действительно ли разумна рекомендация Верховного Суда РФ о волеизъявлении приобретателя требования как необходимом условии для замены взыскателя. На наш взгляд, имеются и иные причины, которые не дают повода отступать от буквального толкования ч. 1 ст. 52 ФЗИП и дополнять фактический состав еще и волеизъявлением приобретателя требования.

Во-первых, сохраняя свой статус в исполнительном производстве, взыскатель может совершить определенные распорядительные действия, которые негативно повлияют на фактическое исполнение. Например, отказ взыскателя от взыскания повлечет прекращение исполнительного производства и невозможность повторного предъявления исполнительного документа к исполнению (п. 2 ч. 2 ст. 43, ч. 5 ст. 44 ФЗИП). Понятно, что приобретатель требования, не выражая волю к замене взыскателя, должен принимать на себя все риски (в том числе и риск неразумного поведения первоначального кредитора). Однако такое развитие событий, по сути, означает, что у первоначального кредитора сохранилось право своей волей превратить обязательство в натуральное. Полагаем, для стабильности оборота это довольно вредное явление – сторона, уже выбывшая из материального правоотношения, тем не менее сохраняет возможность оказывать на него столь радикальное влияние.

Во-вторых, сам первоначальный кредитор, принудительно оставленный в статусе взыскателя, несет издержки, связанные с продолжением исполнительного процесса и исполнением обязанности произвести передачу неосновательно полученного приобретателю требования. По этой причине не исключен последующий спор, связанный с их возмещением между первоначальным кредитором и приобретателем требования.

В-третьих, публичность информации об имеющихся исполнительных производствах может дезориентировать иных участников оборота: формально взыскателем значится одно лицо, а де-юре кредитором в силу состоявшейся цессии является совсем другое. Здесь, в частности, возникают риски нарушения прав и интересов кредиторов взыскателя и приобретателя требования. Так, кредитор взыскателя на основании информации об имеющихся исполнительных производствах может рассчитывать на обращение взыскания на дебиторскую задолженность. Напротив, кредитор приобретателя требования будет исходить из отсутствия у последнего прав требования к иным лицам. Между тем в обеих ситуациях внешне видимое правовое положение взыскателя и приобретателя требования не соответствует действительному.

По этим соображениям полагаем, что при правопреемстве на стадии исполнения судебного акта необходимо основываться на буквальном толковании ч. 1 ст. 52 ФЗИП, а суд должен производить замену цедента цессионарием как при наличии, так и в отсутствие волеизъявления приобретателя требования (если с заявлением о замене взыскателя обратится должник либо первоначальный кредитор, то при доказанности состоявшегося перехода прав в установленном материальном правоотношении суд должен вынести определение о правопреемстве, даже если приобретатель требования возражает против надления его статусом взыскателя).

Вывод об ошибочности рекомендации Верховного Суда РФ о необходимом волеизъявлении приобретателя требования как условия для замены

⁵ Пункт 35 постановления Пленума ВС РФ № 54.

⁶ Там же.

взыскателя позволяет дать ответ и на более общий вопрос о допустимости манипулирования субъектным составом сторон в исполнительном производстве (имеется в виду согласованная тактика взыскателя – первоначального кредитора и приобретателя требования в вопросе заявления либо незаявления ходатайства о замене взыскателя). На наш взгляд, замещение в исполнительном производстве одного лица другим (вопреки де-юре существующему материально-правовому отношению) возможно лишь в каких-то особых случаях, когда имеется некое благо, ценность которого перевешивает возможные негативные правовые и экономические последствия несоответствия внешне видимого правового положения взыскателя и приобретателя требования действительному⁷. Поэтому поведение сторон, утаивающих состоявшийся переход, либо, наоборот, вводящих в заблуждение о якобы состоявшемся переходе права, должно оцениваться как порочное. Соответственно, при разрешении возможных споров суду следует учитывать недобросовестность cedentа и цессионария, исключая неблагоприятные правовые последствия не только для должника, но и для иных участников, которые полагались на публичную информацию о фигуре взыскателя. Скажем больше: для целей частноправовых соглашений сторон, направленное на сознательное искажение информации о действительном кредиторе применительно к конкретному исполнительному производству, должно квалифицироваться как ничтожное.

2. Далее необходимо определиться с *правовыми последствиями несовпадения уступаемого права требования с тем, что отражено в исполнительном документе*.

Умозрительно здесь можно выделить два варианта: первый – кредитор уступил меньше, нежели ему принадлежит на основании исполнительного документа; второй – кредитор, наоборот, уступил больше.

Уступка части требований предполагает, что в материальном правоотношении образуется активная множественность. Понятно, что право кредитора распорядиться требованием именно таким образом не может быть ограничено вследствие возбуждения исполнительной процедуры. По этой причине в законодательстве об исполнительном производстве необходимо лишь обеспечить соответствующий правовой инструментарий для приобретателя требования – он должен занять место взыскателя в той части, в которой к нему перешло право требования. Иначе говоря, правовым следствием частичной уступки будет возникновение активной множественности и в исполнительном производстве (сокредиторы станут одновременно и совзыскателями – ч. 5 ст. 49 ФЗИП). Более сложен второй вариант. Причины соверше-

ния сделки, по условиям которой уступается больший объем требований, нежели указан в исполнительном документе, могут быть разными. Например, возможны техническая ошибка либо даже недобросовестные действия со стороны cedentа. Не исключен также случай, когда стороны указали завышенную сумму права требования вполне добросовестно и без каких-либо пороков воли, исходя только лишь из особенностей ранее разрешенного спора. Скажем, если это касается договорной неустойки, которую суд первой инстанции снизил по ст. 333 Гражданского кодекса РФ. В этом случае приобретатель требования становится «единоличным» кредитором во всем обеспечительном обязательстве, арифметически определяемом так, как это предусмотрено без учета имевшего место снижения. Логика сторон при этом основывается на достижении двоякой цели: добиться изменения судебного акта в части снижения неустойки в суде проверочной инстанции и одновременно произвести замену взыскателя в исполнительном производстве. Здесь, полагаем, необходимо исходить из базовой посылки о том, что если передали больше, чем было, то это большее включает и меньшую часть. Следовательно, никаких препятствий для замены взыскателя не возникает.

Однако если все же имеет место порок самой цессии как сделки, связанный именно с объемом уступленного права требования, то это влечет самостоятельное правовое последствие – у заинтересованного субъекта появляется возможность для предъявления иска, к примеру, о признании оспоримой сделки недействительной. Отдельно отметим, что в отсутствие соответствующего судебного решения, которым такая сделка опорожена, суд не вправе игнорировать основание правопреемства (например, заблуждение относительно объема уступленного права требования не дает оснований для констатации изначальной ничтожности цессии)⁸.

3. Теперь обратимся к вопросу о *правовых последствиях ранее состоявшегося частичного исполнения*.

Какое влияние на замену взыскателя его правопреемником имеет ранее состоявшееся исполнение части обязательства? Верховный Суд РФ разъяснил, что, осуществляя процессуальное правопреемство на стадии исполнения судебного акта, суд производит замену cedentа цессионарием по заявлению или с согласия последнего в той части,

⁷ В качестве примера здесь можно привести случай защиты прав авторов произведений, выпущенных анонимно или под псевдонимом (см. п. 3 ст. 15 Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., п. 86 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

⁸ Верховный Суд РФ также выделяет оба из рассмотренных вариантов, указывая, что «уступка части требований либо несоответствие уступленной суммы денежного требования сумме, взысканной в соответствии с резолютивной частью судебного акта, сами по себе не являются основанием для отказа в замене взыскателя новым кредитором» (п. 35 постановления Пленума ВС РФ № 54). Полагаем, в приведенной рекомендации указанный судебный орган допустил довольно существенную неточность: как было показано выше, при частичной уступке сокредиторы станут одновременно и совзыскателями, поэтому традиционной «замены взыскателя новым кредитором» производиться не должно.

в которой судебный акт не исполнен⁹. Ранее состоявшееся исполнение прекратило обязанность должника в соответствующей части, а потому даже если взыскатель вследствие злоупотребления или ошибки уступил уже несуществующее право требования, то такая сделка, разумеется, не может «реинкарнировать» прекращенное обязательство. В этом смысле рекомендация указанного судебного органа сомнений не вызывает.

Вместе с тем возникает другой вопрос: какой эффект оказывает «замена цедента цессионарием... в той части, в которой судебный акт не исполнен», на субъектный состав правоотношения, в рамках которого возмещаются понесенные до цессии расходы взыскателя по совершению исполнительных действий? Проще говоря, переходят ли к приобретателю требования права, связанные с возмещением таких расходов, или же они остаются у прежнего взыскателя? Понятно, что стороны в договоре цессии могут разрешить этот вопрос, и тогда компетентный орган при вынесении акта о замене взыскателя обязан будет основываться на содержании такой договоренности. Однако каким должно быть решение вопроса, если в договоре цессии вообще не разрешен вопрос о судьбе понесенных до перехода права требования расходов взыскателя по совершению исполнительных действий? На наш взгляд, базовое правило о полном замещении одного субъекта другим в процессуальном правоотношении следует применять и в исполнительном производстве (*de lege lata* к этому подталкивает и содержание ч. 4 ст. 52 ФЗИП): правопреемник должен принимать на себя все последствия, возникшие до цессии для его правопродшественника в рамках публичного правоотношения по исполнению судебного акта. Поэтому при отсутствии в договоре цессии соглашения об ином необходимо исходить из полного перехода к правопреемнику прав на возмещение расходов взыскателя по совершению исполнительных действий, в том числе и тех, которые возникли до или вследствие частичного исполнения, произведенного правопродшественнику.

В то же время предложенный подход, полагаем, не должен применяться к правоотношению по поводу хранения арестованного имущества. Для случая, когда такое имущество передано на хранение взыскателю, после его замены правопреемником следует исходить из прекращения указанного правоотношения – при ином подходе место хранителя автоматически занимал бы субъект, который, вполне вероятно, де-факто не имеет возможности осуществлять функции хранителя и у которого само имущество не находится в фактическом обладании. Здесь разумнее было бы вновь вернуться к разрешению вопроса о субъекте, способном обеспечить надлежащее хранение арестованного имущества (и если таковым будет признан правопреемник взыскателя, то необходимо основываться на том, что возникло новое правоотношение по хранению, а прекратившееся старое правоотношение предполагает возврат имущества).

⁹ Пункт 35 постановления Пленума ВС РФ № 54.

4. Следующий вопрос, который находится на стыке частного и публичного, состоит в определении *правовых последствий исполнения, произведенного должником приобретателю требования в период с момента получения уведомления о переходе права до замены взыскателя в установленном порядке.*

Поскольку законодатель придает значение тому, от кого получено уведомление о переходе права (п. 1 ст. 385 Гражданского кодекса РФ), то целесообразно рассмотреть два самостоятельных варианта: первый – когда такое уведомление направлено первоначальным кредитором, второй – когда приобретателем требования.

4.1. Рассмотрение первого варианта начнем с важной цивилистической посылки: если уведомление о переходе права направлено должнику первоначальным кредитором, то исполнение, совершенное должником в пользу указанного в уведомлении нового кредитора, по общему правилу считается предоставленным надлежащему лицу, в том числе в случае недействительности договора, на основании которого должна была производиться уступка¹⁰. Иначе говоря, обязанность должника прекращается даже и тогда, когда само основание для перехода права было порочно. Получается довольно запутанная ситуация:

– исполнение, произведенное должником приобретателю требования, приравнивается к исполнению надлежащему лицу, а следовательно, причин для продолжения исполнительного производства не имеется;

– требования, указанные в исполнительном документе, были исполнены не в пользу взыскателя, и потому формально отсутствуют основания для окончания исполнительного производства;

– вне зависимости от того, состоялся ли переход права и была ли проведена замена взыскателя приобретателем требования, должник защищен фикцией надлежащего исполнения, вследствие чего с него в принципе ничего не может быть взыскано (в том числе и в рамках процедуры принудительного исполнения).

Какие могут быть предложены выходы из такой ситуации?

Начнем с того, что общая идея, защищающая интересы должника (для случая, когда он получил уведомление от первоначального кредитора о состоявшемся переходе права), конечно же, должна ретранслироваться и в исполнительное производство: было бы странно препятствовать должнику в исполнении его обязанности на период, пока компетентный орган не разрешит вопрос о замене взыскателя. В конце концов, у должника могут быть свои интересы в том, чтобы как можно скорее освободиться от обязанности (прекращение начисления санкций за неисполнение, снятие публичных ограничений и т. п.). Отталкиваясь от этой посылки, следует признать, что ни в законе, ни на уровне разъяснений высших судебных инстанций не содержится легальных механизмов, которые бы связывали состоявшееся прекращение материального обязатель-

¹⁰ См. п. 20 постановления Пленума ВС РФ № 54.

ства исполнением лицу, не являющемуся взыскателем, с одной стороны, и необходимость продолжения исполнительской процедуры (с заменой взыскателя или без таковой) – с другой. Итак, в действующем законодательстве имеется пробел. Восполнить его необходимо специальным правилом, которое бы императивно предписывало оканчивать исполнительное производство в том числе и тогда, когда исполнение в силу норм гражданского законодательства произведено лицу, формально взыскателем не являющемуся. Понятно, что оценку допустимости такого исполнения и, соответственно, разрешение вопроса о наличии основания для окончания исполнительного производства должен давать исключительно суд (включая случаи, когда исполнительное производство возбуждено на основании исполнительного документа, выданного несудебным органом). Отметим также, что приобретатель требования имеет самый непосредственный интерес в разрешении указанного вопроса. Более того, при действительности договора цессии и состоявшемся переходе права он примет на себя все правовые последствия действий, совершенных ранее в исполнительном производстве. По этой причине разумнее было бы сначала разрешать вопрос о замене взыскателя и только затем уже устанавливать, имеются ли основания для окончания исполнительного производства.

4.2. Теперь обратимся ко второму варианту: как следует поступать, если должник произведет исполнение приобретателю требования, полагаясь исключительно лишь на уведомление о переходе права, полученное от цессионария? На наш взгляд, предложенная выше общая логика применима и здесь: в первую очередь должен быть разрешен вопрос о замене взыскателя, а уже затем – вопросы о квалификации произведенного исполнения и наличии оснований для окончания исполнительного производства.

Поскольку в этом случае не действует фикция надлежащего исполнения, то не исключено, что должник окажется в крайне неприятном положении: например, если выяснится, что в действительности переход права не состоялся, то произведенное им исполнение (скажем, уплата денежных средств) вообще не будет иметь правового значения для исполнительного производства (принудительное исполнение будет продолжено с прежним взыскателем, а должнику придется предъявлять самостоятельный иск о взыскании неосновательного обогащения от лжецессионария).

5. С предыдущим вопросом связан и вопрос о *правовых последствиях исполнения, произведенного должником первоначальному кредитору в период с момента получения уведомления о переходе права до замены взыскателя в установленном порядке.*

Временной разрыв между получением должником от взыскателя уведомления о переходе права и заменой взыскателя в исполнительном производстве делает возможной также и ситуацию исполнения взыскателю, который вследствие цессии уже не является кредитором. Ни ФЗИП, ни разъясне-

ния Верховного Суда РФ не определяют правовых последствий такого исполнения для исполнительного производства. Между тем в рассматриваемом случае вполне возможно столкновение противоположных интересов:

– с одной стороны, должник может иметь разумные сомнения в действительности полученного уведомления о переходе права (например, если оно подписано лицом, полномочия которого не подтверждены должным образом), либо для должника могут быть очевидны обстоятельства, влекущие недействительность цессии; в подобных ситуациях понятно его стремление, действуя в рамках публичного правоотношения, исполнить обязанность именно так, как это предписано процедурой исполнительного производства;

– с другой стороны, взыскатель может иметь вполне объяснимый интерес не получать исполнение от должника (к примеру, получив плату за цессию, он не желает уже выступать «передаточным звеном» между должником и приобретателем требования, так как полагает, что это повлечет для него определенные налоговые последствия);

– с третьей стороны, цессионарий вполне очевидно ожидает получить исполнение от должника: приобретая право требования, он рассчитывал на то, что займет место взыскателя и сможет воспользоваться механизмами принудительного исполнения; состоявшееся же исполнение в пользу первоначального кредитора вполне возможно исключит взыскание с должника и повлечет новый судебный спор о взыскании неосновательно полученного с цедента.

На наш взгляд, при разрешении возникающих вопросов здесь необходимо выделять два самостоятельных варианта.

Первый основан на том, что предмет исполнения передается органу принудительного исполнения (а не непосредственно взыскателю). Для него можно было применить механизм «замораживания»: к примеру, поступившие от должника на депозитный счет подразделения судебных приставов денежные средства будут находиться на таком счете до момента, пока в установленном порядке не будет разрешен вопрос о замене взыскателя (в итоге их получит именно тот, кто действительно является кредитором).

Второй вариант, напротив, предполагает, что предмет исполнения передается непосредственно взыскателю. Здесь при решении вопроса о правомерности действий должника следует принимать во внимание то, от кого было получено уведомление о переходе права, и поведение взыскателя. Применительно к случаю, когда уведомление получено только лишь от приобретателя требования, следует учитывать разъяснение Верховного Суда РФ, который подтверждает право должника исполнить обязательство первоначальному кредитору¹¹. Действительно, если взыскатель не позаботился уведомить должника и, более того, принял от него исполнение, странно было бы в чем-то упрекать должника. Соответственно, в этом случае имеется и безусловное основание для окончания исполнительного производства.

¹¹ См. п. 20 постановления Пленума ВС РФ № 54.

Напротив, если сам взыскатель (первоначальный кредитор) уведомил о переходе права должника, а тот, по сути, проигнорировал такое уведомление, то именно должник должен принимать на себя все риски, связанные с исполнением ненадлежащему субъекту. Скажем, если должник производит платеж денежных средств на счет взыскателя, то это следует квалифицировать как ненадлежащее исполнение. В подобных ситуациях после состоявшейся замены взыскателя принудительное исполнение следует продолжить с новым взыскателем, а должник вынужден будет предъявлять самостоятельный иск о взыскании неосновательного обогащения к первоначальному кредитору.

В то же время противоречивое поведение самого взыскателя в некоторых случаях, на наш взгляд, следует рассматривать как извинительное для должника (применительно к вопросам определения надлежащего кредитора и квалификации произведенного исполнения). Например, если после полученного уведомления о переходе права должник лично взыскателю передает спорную вещь, а тот ее принимает, то должник может разумно полагать, что взыскатель, по сути, дезавуировал ранее сделанное им уведомление (или подтвердил, что оно было направлено неуполномоченным лицом).

6. Наконец, последний вопрос, который мы хотели бы поднять в рамках этой статьи, это вопрос о *последствиях цессии в случае истечения срока для предъявления исполнительного документа к исполнению*.

Понятно, что материально-правовой эффект цессии никоим образом не связан с тем, возбуждено или нет исполнительное производство, предъявлен или нет исполнительный документ к исполнению, истек или нет срок для такого предъявления и пр. Однако может ли оказать какое-либо влияние на будущее отношение, связанное с принудительным исполнением, уступка, совершенная еще до того, как это отношение возникло, при условии, что срок для предъявления исполнительного документа к исполнению истек?

Верховный Суд РФ разъяснил, что если истек срок для предъявления исполнительного листа к ис-

полнению, то суд производит замену только в случае восстановления срока на предъявление исполнительного листа к исполнению¹². При этом указанный судебный орган ссылается на ст. 23 ФЗИП, что, видимо, следует понимать следующим образом: приобретатель требования, еще не имея статуса взыскателя, лишен возможности обратиться с заявлением о восстановлении срока на предъявление исполнительного листа к исполнению; по этой логике подобное действие вправе совершить лишь первоначальный кредитор. В итоге лицо, скорее всего, уже утратившее интерес к фактическому исполнению, вынуждено будет инициировать рассмотрение вопроса о восстановлении срока, а субъект, который, напротив, непосредственно заинтересован в том, чтобы должник произвел исполнение именно ему, вынужден ожидать положительного разрешения указанного вопроса и только затем получить возможность заявить ходатайство о замене взыскателя. Такой подход видится спорным: хотя обстоятельства пропуска срока и связаны с поведением первоначального кредитора, тем не менее проявлять активность и доказывать их наличие будет, как правило, именно тот, кто преследует цель возбуждения исполнительного производства, т. е. приобретатель требования. Поэтому, на наш взгляд, для случая, когда переход права требования состоялся в промежутке между выдачей исполнительного документа и предъявлением его к исполнению, правом подачи заявления о восстановлении срока на предъявление исполнительного документа к исполнению должен быть наделен не только взыскатель (ч. 1 ст. 322 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ч. 2 ст. 432 Гражданского процессуального кодекса РФ, ч. 1 ст. 23 ФЗИП), но и его правопреемник. И если такое заявление подано именно правопреемником, то, учитывая взаимосвязь законного интереса к восстановлению срока с материальным и процессуальным правопреемством, суду следует вынести одно судебное определение, в котором будет и дана оценка состоявшейся (либо несостоявшейся) цессии, и разрешен вопрос о наличии оснований для восстановления срока на предъявление исполнительного документа к исполнению.

¹² См. п. 35 постановления Пленума ВС РФ № 54.

Библиографический список

1. Белов В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. Москва: ЮрИнфоР, 2000. URL: https://vk.com/wall-89850005_78011.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. Москва: Статут, 1997. URL: https://private-right.ru/wp-content/uploads/Dogovornoe_pravo_T1.pdf.
3. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. III. Обязательственное право. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2004. URL: https://vk.com/wall-89850005_129419.
4. Нечаев А. И. Процессуальное правопреемство в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. URL: <https://www.prlib.ru/item/942351>.
5. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1950.
6. Семякин М. Н. Юридическая конструкция цессии в гражданском праве Российской Федерации: теоретический и практический аспекты исследования // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2018. № 3 (47). С. 80–96. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36543922>.
7. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970.

8. Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15989430>; <https://www.disscat.com/content/yuridicheskie-fakty-v-mekhanizme-realizatsii-norm-grazhdanskogo-protsessualnogo-prava>.
9. Грось Л. А. Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право (научно-практические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1999.
10. Рожкова М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2010. URL: https://rozhkova.com/pdf/DOC_DISSER.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19236733>.
11. Машутина Ж. Н. Судебная защита и проблема соотношения материального и процессуального: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1972.
12. Байбак В. В., Ильин А. В., Карапетов А. Г., Павлов А. А., Сарбаш С. В. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 3. С. 80–137. URL: <https://publications.hse.ru/articles/220444716>; <https://igzakon.ru/magazine491>.

References

1. Belov V. A. *Singulyarnoe pravopreemstvo v obyazatel'stve* [Singular succession in obligation]. Moscow: YurInfoR, 2000. Available at: https://vk.com/wall-89850005_78011 [in Russian].
2. Braginskii M. I., Vitryanskiy V. V. *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* [Contract law. General provisions]. Moscow: Statut, 1997. Available at: https://private-right.ru/wp-content/uploads/Dogovornoe_pravo_T1.pdf [in Russian].
3. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy: v 4 t. T. III. Obyazatel'stvennoe pravo* [Selected works: in 4 volumes. Vol. III. Law of Obligations]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr «Press», 2004. Available at: https://vk.com/wall-89850005_129419 [in Russian].
4. Nechaev A. I. *Protsessual'noe pravopreemstvo v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural succession in civil proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 2012. Available at: <https://www.prlib.ru/item/942351> [in Russian].
5. Novitskiy I. B., Lunts L. A. *Obshchee uchenie ob obyazatel'stve* [General doctrine of obligation]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1950. Available at: https://vk.com/wall-188752153_2719; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21030969> [in Russian].
6. Semyakin M. N. *Yuridicheskaya konstruktsiya tsessii v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty issledovaniya* [Legal construction of cession in the Russian civil law: theory and practice]. *Ekonomicheskoe pravosudie v Ural'skom okruge* [Economic Justice in Ural District], 2018, no. 3 (47), pp. 80–96. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36543922> [in Russian].
7. Gukasyan R. E. *Problema interesa v sovetskom grazhdanskom protsessual'nom prave* [The problem of interest in the Soviet civil procedural law]. Saratov, 1970 [in Russian].
8. Yarkov V. V. *Yuridicheskie fakty v mekhanizme realizatsii norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal facts in the mechanism of implementation of the norms of civil procedural law: Doctoral of Law thesis]. Yekaterinburg, 1992. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15989430>; <https://www.disscat.com/content/yuridicheskie-fakty-v-mekhanizme-realizatsii-norm-grazhdanskogo-protsessualnogo-prava> [in Russian].
9. Gros' L. A. *Vliyanie norm material'nogo prava na grazhdanskoe protsessual'noe pravo (nauchno-prakticheskie problemy): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Influence of norms of substantive law on civil procedural law (scientific and practical problems): author's abstract of Doctoral of Laws thesis]. Moscow, 1999 [in Russian].
10. Rozhkova M. A. *Teorii yuridicheskikh faktov grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: ponyatiya, klassifikatsii, osnovy vzaimodeistviya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theories of legal facts of civil and procedural law: concepts, classifications, basics of interaction: Doctoral of Law thesis]. Moscow, 2010. Available at: https://rozhkova.com/pdf/DOC_DISSER.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19236733> [in Russian].
11. Mashutina Zh. N. *Sudebnaya zashchita i problema sootnosheniya material'nogo i protsessual'nogo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial defense and the problem of the correlation of material and procedural: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Tomsk, 1972 [in Russian].
12. Baibak V. V., Ilyin A. V., Karapetov A. G., Pavlov A. A., Sarbash S. V. *Kommentarii k Postanovleniyu Plenuma VS RF ot 21.12.2017 № 54 «O nekotorykh voprosakh primeneniya polozhenii glavy 24 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o peremene lits v obyazatel'stve na osnovanii sdelki»* [A Commentary on the SC RF Plenary Ruling of 21 December, 2017 No. 54 «On Certain Issues in the Application of RF Civil Code Chapter 24 on Contractual Assignment of Rights and Debts under an Obligation»]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii* [Herald of Economic Justice], 2018, no. 3, pp. 80–137. Available at: <https://publications.hse.ru/articles/220444716>; <https://igzakon.ru/magazine491> [in Russian].

Трибуна Молодого Ученого
TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-115-120

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 336.226.2(045)

Дата поступления: 11.06.2021
рецензирования: 14.07.2021
принятия: 28.08.2021

**Цифровые технологии как вектор трансформации принципа
справедливости и эффективности в налоговой системе современного
государства**

С. Д. Казаченков

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: kazachenkov94@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена пристальному анализу цифровизации в жизни государства и его граждан в сфере налогообложения. В статье показано, что цифровизация затрагивает отношения во всех сферах жизнедеятельности, от учебного процесса до налогообложения. Основное внимание в работе автор акцентирует на том, что государство прежде всего должно применять принципы справедливости и эффективного налогообложения при цифровизации, чтобы налогоплательщик мог получать необходимые ему консультации и удобство цифровых сервисов, услуги и уплату налогов по справедливым критериям, а государство могло эффективно следить за налоговыми поступлениями. Новизна исследования заключается в том, что, несмотря на теоретические исследовательские работы по рассматриваемой тематике в целом, данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований в вопросе формирования концепции принципа эффективности и справедливости в области цифровизации налогообложения, в чем и проявляется актуальность работы и потребность в изучении. Статья посвящена детальному анализу статистики эффективности налогообложения вместе с реализацией принципа справедливости в современной налоговой системе посредством цифровизации на примере имущественного налогообложения в Ростовской, Московской и Самарской областях в цифровой деятельности через личный кабинет налогоплательщика. Значительное внимание уделяется формированию концепции цифровизации на основе принципов эффективности и справедливости посредством анализа, статистических данных, судебных решений и отношений между налогоплательщиком, налоговыми органами и государством в связи с отсутствием достаточной проработки исследования в научной среде. Обосновывается мысль о том, что принцип справедливости и эффективности имущественного налогообложения при цифровизации должен учитывать особенности современных реалий социальной действительности.

Ключевые слова: принципы; налогообложение; имущество; цифровизация; социальная справедливость; принципы имущественного налогообложения; налоговая справедливость; эффективность; налоговая политика; механизм.

Цитирование. Казаченков С. Д. Цифровые технологии как вектор трансформации принципа справедливости и эффективности в налоговой системе современного государства // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 115–120. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-115-120>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Казаченков С. Д., 2021

Станислав Дмитриевич Казаченков – ассистент кафедры финансового и административного права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.06.2021
Revised: 14.07.2021
Accepted: 28.08.2021

**Digital technologies as a vector of transformation of the principle of justice
and efficiency in the tax system of the modern state**

S. D. Kazachenkov

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation
E-mail: kazachenkov94@mail.ru

Abstract: The article is devoted to a close analysis of digitalization in the life of the state and its citizens in the field of taxation. The article shows that digitalization affects relations in all spheres of life, from the educational process to

taxation. The author focuses on the fact that the state should first of all apply the principles of fairness and effective taxation in digitalization, so that the taxpayer can receive the necessary advice and convenience of digital services, services and payment of taxes according to fair criteria, and the state can effectively monitor tax revenues. The novelty of the research lies in the fact that despite the theoretical research work on the subject in general, this problem is poorly studied and requires further research in the formation of the concept of the principle of efficiency and fairness in the field of tax digitalization, which shows the relevance of the work and the need for study. The article is devoted to a detailed analysis of tax efficiency statistics together with the implementation of the principle of fairness in the modern tax system through digitalization on the example of property taxation in the Rostov, Moscow and Samara regions in digital activities through the taxpayer's personal account. Considerable attention is paid to the formation of the concept of digitalization based on the principles of efficiency and fairness through analysis, statistical data, court decisions and relations between the taxpayer, tax authorities and the state due to the lack of sufficient research in the scientific community. The author substantiates the idea that the principle of fairness and efficiency of property taxation in the process of digitalization should take into account the features of modern social reality.

Key words: principles; taxation; property; digitalization; social justice; principles of property taxation; tax justice; efficiency; tax policy; mechanism.

Citation. Kazachenkov S. D. *Tsifrovyye tekhnologii kak vektor transformatsii printsipa spravedlivosti i effektivnosti v nalogovoi sisteme sovremennogo gosudarstva* [Digital technologies as a vector of transformation of the principle of justice and efficiency in the tax system of the modern state]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 115–120. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-115-120> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Kazachenkov S. D., 2021

Stanislav D. Kazachenkov – assistant professor of the Department of Financial and Administrative Law, Rostov State University of Economics, 69, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation.

Технологии и цифровизация быстро меняют способ функционирования жизни граждан во всех сферах жизни, помогая улучшить коммуникацию и повысить их вовлеченность.

Так, например, если сравнивать с предыдущими статистическими периодами [1, с. 94; 2, с. 78], наблюдается сокращение и числа внутренних мигрантов – россиян, переезжающих в другие регионы из-за распространения дистанционного формата работы, так как на рынке труда произошли системные изменения, что поспособствовало ускоренному созданию удаленных рабочих мест и снижению территориального неравенства, росту открытости рынка, где цифровизация сделала практически безграничными доступность и возможности конкретного рабочего места. При этом изменилась структура спроса и предложения на рынке труда, из-за необходимости быстрой цифровизации бизнеса появились новые рабочие места с ранее не востребованным функционалом. Более того, данные области защищены как от нелегальной внешней [3, с. 10], так и внутренней трудовой миграции [4, с. 50], что повышает правосознание и дает большие перспективы как для работника, так и для работодателя. Электронное голосование по поправкам в Конституцию Российской Федерации в прошлом году показало, что для работы с избирателями и их голосами используется технология блокчейн, благодаря которой заменить данные, однажды помещенные в сеть, невозможно, как и невозможно получить доступ одновременно ко всем существующим данным, так как за ростом данных можно следить в режиме реального времени, а эти данные являются прозрачными и общедоступными.

Однако, несмотря на развитие данной отрасли, здесь также возникает и ряд проблем. Так, например, цифровизация в регионах не всегда отвечает критериям современности [5, с. 60]. Например, у гражда-

нина есть доступ к онлайн-площадкам, где он может что-то заказать в Интернете, но доставить товар пользователю домой еще не могут по причине несовершенства логистической системы. В связи с этим считаем, что в ближайшие пять-десять лет государство будет работать над тем, чтобы цифровая логистика дошла до каждого человека. Касаемо области медицины, у гражданина не всегда есть возможность записаться на прием к врачу через сервисы электронной записи с авторизацией посредством портала государственных услуг по причине отсутствия закрепления того или иного врача в данной системе, из-за чего пользователю медицинских услуг приходится проводить запись в очном режиме. Цифровизация образования также подвергается критике по причине несовершенства адаптации учебного процесса и технического обеспечения во многих регионах, несмотря на то что цифровые технологии сегодня приобрели статус востребованных инструментов современного образовательного процесса¹. Слаборазвитая система цифровизации в системе индивидуального жилищного строительства России останавливает ее развитие, так как к барьерам совершенствования индивидуального жилищного строительства относятся отсутствие стандартов индивидуального домостроения и гарантий для участников рынка вместе с высокой стоимостью обеспечения участков необходимой инфраструктурой и низким развитием ипотеки. Дальнейшее формирование рынка в стране возможно при соблюдении стандартизации сегмента, роста уровня защищенности граждан и кредиторов, развития ипотеки и повышения прозрачности рынка за счет цифровизации.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2020 г. № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012090002>

Следовательно, цифровизация ключевых жизнеобеспечивающих отраслей должна совершенствоваться вместе с проведением широкополосного Интернета в удаленные от столиц и областей регионы, подключать к сети социально значимые объекты. Второй важной проблемой является уязвимость общественного сознания. Любые технологические проблемы легко преодолеть, однако текущая ситуация сопровождается инфодемией, и как результат – общественные страхи растут. На данный момент главная уязвимость при реализации любых инфраструктурных программ в том, что в обществе нарастает недоверие к использованию технологий как во всем мире, так и в нашей стране. Однако здесь мы задаемся логичным вопросом: а что же происходит в цифровизации налогообложения, так важной для нас?

Влияние цифровизации на сферу права – одна из наиболее актуальных и широко обсуждаемых в науке тем [6, с. 36], с чем вполне можно согласиться, так как цифровизация затронула все без исключения институты финансового права, обусловив необходимость научного исследования и оценки происходящих процессов [7, с. 185]. Цифровизация налоговой сферы способствует формированию системы добровольного исполнения налоговых обязательств, для которой характерны практически полная прозрачность экономики и новый уровень доверия между государством и обществом, вместе с тем цифровые технологии играют очень важную роль в предоставлении выплат и льгот социально незащищенным слоям населения [8, с. 76].

Отступление от правовых принципов может негативно отразиться на социальной и экономической сферах со всеми вытекающими последствиями, а потому для обеспечения поступательного и стабильного экономического развития государства необходим учет данных принципов, и, следовательно, государство при построении национальной налоговой системы должно делать все возможное для их соблюдения. Считаем, что прежде всего государство должно применять принципы справедливости и эффективного налогообложения, чтобы налогоплательщик мог получать необходимые ему консультации, услуги и уплату налогов по справедливым критериям, а государство могло эффективно следить за налоговыми поступлениями. Вместе с тем стоит отметить, что технологии и цифровизация налогообложения так же, как и в других сферах, быстро меняют способ функционирования финансового сектора и помогают улучшить коммуникацию с потребителями и повысить их вовлеченность. Однако, налогоплательщики обычно рассматривают процесс подачи налоговой декларации как ненужную и неприятную рутину. Это осложняется сезонной спешкой данной подачи в сжатые сроки, что неизбежно «напрягает» службы поддержки, что приводит к разочарованию и плохому обслуживанию. Налогоплательщики мотивированы не только на уплату суммы налога в срок, которую они могут

уплатить в рамках закона, но при этом они также хотят иметь простой и понятный путь взаимодействия с налоговой системой.

Следовательно, цифровизация российской экономики становится одним из важнейших приоритетов государственной политики и имеет большие перспективы, в том числе для национальной системы налогового администрирования. Несмотря на то что цифровизация общества является относительно новой областью научного знания и разворачивается под влиянием ускоренных темпов развития информационных и коммуникационных технологий [9, с. 695], проблемы цифровизации в последние годы занимают важное место в различных исследовательских проектах. Несмотря на популярность и динамичное развитие российских разработок, недостаточное внимание в этом контексте уделяется потребителям налоговых услуг, в том числе оценке их готовности использовать цифровой формат с учетом всех объективных и субъективных факторов. Цифровизация налоговых услуг означает не только создание общих баз данных, которые сейчас достаточно активно развиваются, но и поддержку существующих онлайн-сервисов. Улучшение объема и качества имеющихся данных должно использоваться не только для лучшего выявления несоответствующих налогоплательщиков для целевых аудитов, но и для снижения частоты ложных срабатываний, с тем чтобы соответствующие налогоплательщики реже подвергались затратам и неудобствам проверок. Улучшение обслуживания налогоплательщиков должно также распространяться на более простые процессы соблюдения требований, полезные индивидуальные консультации и большую прозрачность налоговых дел в режиме реального времени. Конечно, амбиции и технологии сами по себе не позволят достичь целей цифровизации – для достижения этих целей у любого налогового органа есть серьезные проблемы. В связи с этим представляется актуальным оценить тенденции развития принципа справедливости налогообложения в современных условиях цифровой экономики.

Начиная с 2010 года в России ведется работа по цифровизации налогообложения, возглавленная Михаилом Мишустиним. В настоящее время интернет-сайт Федеральной налоговой службы разработан с учетом удобства использования и вся информация доступна буквально в пару кликов. Например, можно с легкостью узнать о действующих налогах и сборах и их особенностях на территории каждого региона, а также воспользоваться различными услугами и сервисами посредством официального интернет-портала государственных услуг. За последние годы Россия также достигла значительного прогресса в реализации функционирующей концепции электронного правительства, которая предусматривает предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме параллельно другим каналам посредством формирования системы межведомственного электронного взаимодействия путем

интеграции многофункциональных центров и портала государственных услуг, развития баз данных, предоставления различных сервисов и т. д.²

Длинные очереди и медленная работа начинают уходить в прошлое – с момента начала «цифровизации» (по результатам прошлого исследования автора) опрошенные признали значительное повышение эффективности системы посредством сайта Федеральной налоговой службы с интеграцией Единой системы идентификации и аутентификации и приложения «Мой налог», где налогоплательщики, а особенно категория «самозанятых граждан» могут в кратчайшие сроки рассчитать и уплатить налог с применением системы автоплатежа, что значительно облегчает процесс уплаты налога, освобождая налогоплательщика от излишней нагрузки по уплате налогов, а также приводит к диалогу между налогоплательщиком и налоговыми органами, что соответствует реализации принципа справедливости и доступности налогообложения. Однако среди опрошенных есть и скептически настроенные граждане, которые считают, что такой большой объем данных не должен храниться у государственных органов.

Тем не менее, несмотря на неоднозначное мнение среди граждан, стоит признать, что цифровизация впечатляюще быстро развивается в налоговых услугах. Но в этом направлении можно констатировать ряд технических проблем, требующих решения. Например, в настоящее время не существует возможности размещать сведения о налогах, которые физическое лицо как владелец личного кабинета налогоплательщика в качестве законного представителя платит за своих несовершеннолетних детей. В дальнейшем планируется сделать такую функцию, где отображаться будут и подлежащие уплате налоги, и уплаченные. Также налоговые уведомления высылаются в электронном виде гражданам, которые получили доступ к личному кабинету налогоплательщика, однако при необходимости получения таких документов в бумажном виде налогоплательщику следует предоставить соответствующее заявление в налоговую. Считаем, что следовало бы ввести возможность подачи такого заявления онлайн через личный кабинет налогоплательщика с взаимодействием через ЕСИА и сети многофункциональных центров, чтобы затем уже прийти за документами в бумажном виде, пропуская этап подачи заявления в налоговой, так как личный кабинет предназначен не только для исполнения обязанностей, но и для реализации прав налогоплательщиков, что отвечало бы принципу справедливости и эффективности налогообложения. Также в качестве социальной справедливости считаем необходимым уделить внимание гражданам с ограниченными возможностями здоровья, например, адаптировать личный кабинет налогоплательщика в версии для слабовидящих.

² Цифровое правительство 2021. Перспективы для России. Всемирный Банк, Институт развития информационного общества. URL: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2021RUS.pdf>.

В аспекте реализации принципа справедливости, помимо организационных моментов в сфере государственной кадастровой оценки, следует рассмотреть судебную практику, которая сложилась в Ростовской, Московской и Самарской областях. Проанализировав комплекс судебных решений Ростовского областного суда, принятых по итогам разрешения налоговых споров относительного налога на имущество физических лиц и земельного налога (№ 3А-496/2018 3А-496/2018~М-426/2018 М-426/2018 от 22 ноября 2018 г. по делу № 3А-496/2018, № 3А-152/2018 3А-152/2018 ~ М-823/2017 М-823/2017 от 22 марта 2018 г. по делу № 3А-152/2018, № 3А-421/2018 3А-421/2018~М-347/2018 М-347/2018 от 12 сентября 2018 г. по делу № 3А-421/2018, № 3А-133/2019 3А-133/2019~М-52/2019 М-52/2019 от 25 апреля 2019 г. по делу № 3А-133/2019, № 3А-333/2019 3А-333/2019~М-320/2019 М-320/2019 от 29 августа 2019 г. по делу № 3А-333/2019, № 3А-148/2020 3А-148/2020~М-44/2020 М-44/2020 от 16 апреля 2020 г. по делу № 3А-115/2020~М-10/2020, № 3А-241/2020 3А-241/2020~М-167/2020 М-167/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 3А-241/2020, № 3А-275/2020 3А-275/2020~М-210/2020 М-210/2020 от 26 августа 2020 г. по делу № 3А-65/2020(3А-510/2019;)-М-532/2019 и многие другие), Московского областного суда (решения № 3А-620/2018 3А-620/2018~М-346/2018 М-346/2018 от 20 августа 2018 г. по делу № 3А-620/2018, № 3А-639/2018 3А-639/2018~М-288/2018 М-288/2018 от 2 октября 2018 г. по делу № 3А-639/2018, № 3А-959/2018 3А-959/2018~М-817/2018 М-817/2018 от 28 ноября 2018 г. по делу № 3А-959/2018, № 3А-189/2018 3А-3/2019 3А-3/2019(3А-189/2018;3А-970/2017;)-М-965/2017 3А-970/2017 М-965/2017 от 20 марта 2019 г. по делу № 3А-189/2018, № 3А-680/2019 3А-680/2019~М-443/2019 М-443/2019 от 27 августа 2019 г. по делу № 3А-680/2019, № 3А-685/2019 3А-685/2019~М-425/2019 М-425/2019 от 22 октября 2019 г. по делу № 3А-685/2019, № 3А-1356/2019 3А-391/2020 3А-391/2020(3А-1356/2019;)-М-1226/2019 М-1226/2019 от 22 мая 2020 г. по делу № 3А-1356/2019, № 3А-1373/2019 3А-407/2020 3А-407/2020(3А-1373/2019;)-М-1191/2019 М-1191/2019 от 22 июня 2020 г. по делу № 3А-1373/2019, № 3А-1294/2020 3А-1294/2020~М-290/2020 М-290/2020 от 27 августа 2020 г. по делу № 3А-1294/2020), а также Самарского областного суда (решения № 3А-1246/2018 3А-1246/2018~М-637/2018 М-637/2018 от 24 июля 2018 г. по делу № 3А-1246/2018, № 3А-1433/2018 3А-1433/2018~М-843/2018 М-843/2018 от 11 сентября 2018 г. по делу № 3А-1433/2018, № 3А-1672/2018 3А-1672/2018~М-1068/2018 М-1068/2018 от 28 декабря 2018 г. по делу № 3А-1672/2018, № 3А-1660/2019 3А-1660/2019~М-1239/2019 М-1239/2019 от 30 августа 2019 г. по делу № 3А-1660/2019, № 3А-1353/2019 3А-1353/2019~М-907/2019 М-907/2019 от 25 июля 2019 г. по делу № 3А-1353/2019, № 3А-895/2019 3А-895/2019~М-420/2019 М-420/2019 от 10 июня 2019 г. по делу № 3А-895/2019, № 3А-948/2020 3А-948/2020~М-328/2020 М-328/2020 от 16 апреля 2020 г. по делу № 3А-948/2020, № 3А-1085/2020

3А-1085/2020–М-490/2020 М-490/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 3А-1085/2020, № 3А-1515/2020 3А-1515/2020–М-959/2020 М-959/2020 от 28 августа 2020 г. по делу № 3А-1515/2020), можно с уверенностью утверждать, что принцип справедливости активно используется судьями в различных регионах. Речь идет о вышеназванных случаях, когда суд, принимая во внимание то, что кадастровая стоимость намного превышает рыночную, устанавливает кадастровую стоимость земельного участка в размере его рыночной стоимости по состоянию на 1 января 2014 года.

В связи с вышеуказанным считаем, что в рамках применения принципа справедливости и эффективности налогообложения было бы правильно включить справочный материал о процедуре оспаривания при поиске, а также видеть результаты оценки недвижимого имущества посредством личного кабинета налогоплательщика, что отвечало бы критерию справедливости и своевременности для налогоплательщика и также эффективности судебных решений и своевременной уплаты имущественных налогов. Также из недавней жало-

бы налогоплательщика [10] известно, что инспекция отказала налогоплательщику в уменьшении налогооблагаемого дохода от продажи автомобиля на расходы по его приобретению, поскольку он не представил подтверждающие документы, однако налогоплательщик не согласился с отказом и обратился с жалобой в ФНС России. ФНС России удовлетворила жалобу налогоплательщика и отметила, что так как в рассматриваемом договоре, заключенном между двумя физическими лицами, указан факт уплаты налогоплательщиком денежных средств за приобретаемый автомобиль, то он фактически подтверждает расходы, на сумму которых может быть уменьшен налогооблагаемый доход, полученный от последующей продажи этого транспортного средства. В таких случаях представляется актуальным ввести справочный материал по поиску, а также дать возможность дистанционного общения с инспекцией и ФНС России с предоставлением документов в реальном времени через личный кабинет налогоплательщика.

Библиографический список

1. Вергунова А. В. Статистический анализ состава, структуры и динамики занятого населения России // Концепт. 2016. Т. 34. С. 92–96. URL: <https://e-koncept.ru/2016/56743.htm>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=26638298>.
2. Сарычева Т. В. Структура занятости по видам экономической деятельности в России и динамика ее изменений // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 4 (48). С. 76–82. URL: <https://readera.org/struktura-zanjatosti-po-vidam-jekonomicheskoi-deyatelnosti-v-rossii-i-dinamika-ee-14322957>.
3. Ненашев А. В., Барсуков Я. В. Совершенствование и цифровизация системы налогообложения и учета внешних трудовых мигрантов в России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал, 2021. № 1 (65). С. 2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44902718>.
4. Леденева В. Ю. Эффективность контроля в сфере трудовой миграции: способы преодоления нелегальной миграции // Вестник университета. 2013. № 20. С. 46–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21025009>.
5. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторной функции государства в данной сфере // Ex jure. 2021. № 1. С. 56–67. DOI: <http://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-1-56-67>.
6. Папаскуа Г. Т. Трансформация метода финансового права в условиях цифровизации экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 3 (124). С. 36–44. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.124.3.036-044>.
7. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. Москва, 2020. 256 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44719476>.
8. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / под ред. И. А. Цинделиани. Москва, 2019. 320 с. URL: <https://doi.org/10.31085/9785392288380-2019-320>.
9. Лютова О. И. Объект налогообложения в условиях цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 3. С. 695–716. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-3-695-716>.
10. Матиташвили А. А. Обзор новейших нормативных правовых актов Федеральной налоговой службы по вопросам налогообложения имущества // Налоговая политика и практика. 2021. № 6 (222). С. 22–26. URL: <http://nalogkodeks.ru/kak-fizlicu-podverdit-priobretenie-avtomobilya-i-umenshit-summu-nalogooblaemogo-dokhoda-pri-ego-pereprodazhe/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46312144>.

References

1. Vergunova A. V. *Statisticheskii analiz sostava, struktury i dinamiki zanyatogo naseleniya Rossii* [Statistical analysis of the composition, structure and dynamics of the employed population of Russia]. *Kontsept* [Concept], 2016, vol. 34, pp. 92–96. Available at: <https://e-koncept.ru/2016/56743.htm>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=26638298> [in Russian].
2. Sarycheva T. V. *Struktura zanyatosti po vidam ekonomicheskoi deyatel'nosti v Rossii i dinamika ee izmenenii* [Employment structure by economic activity and the dynamics of its changes]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Regional economy and management: electronic scientific journal], 2016, no. 4 (48),

pp. 76–82. Available at: <https://readera.org/struktura-zanjatosti-po-vidam-jekonomicheskoy-deyatelnosti-v-rossii-i-dinamika-ee-14322957> [in Russian].

3. Nenashev A. V., Barsukov Ya. V. *Sovershenstvovanie i tsifrovizatsiya sistemy nalogooblozheniya i ucheta vneshnikh trudovykh migrantov v Rossii* [Improvement and automation of the taxation and accounting system of foreign labor migrants in Russia]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Regional economy and management: electronic scientific journal], 2021, no. 1 (65), p. 2. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44902718> [in Russian].

4. Ledeneva V. Y. *Effektivnost' kontrolya v sfere trudovoi migratsii: sposoby preodoleniya nelegal'noi migratsii* [Efficiency of control in the sphere of labor migration: methods of overcoming illegal migration]. *Vestnik universiteta*, 2013, no. 20, pp. 46–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21025009> [in Russian].

5. Bondarenko N. L., Konanevich Yu. G. *Pravovaya i organizatsionnaya priroda protsessov tsifrovizatsii i regul'yatornoi funktsii gosudarstva v dannoi sfere* [Legal and organizational nature of digitalization processes and regulatory functions of the state in this sphere]. *Ex jure*, 2021, no. 1, pp. 56–67. DOI: <http://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-1-56-67> [in Russian].

6. Papaskua G. T. *Transformatsiya metoda finansovogo prava v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki* [Transformation of the financial law method in conditions of digitalization of economy]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2021, vol. 16, no. 3 (124), pp. 36–44. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.124.3.036-044> [in Russian].

7. *Aktual'nye problemy finansovogo prava v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki: monografiya. Pod red. E. Yu. Grachevoi* [Gracheva E. Yu. (Ed.) Current problems of financial law in the context of digitalization of the economy: monograph]. Moscow, 2020, 256 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44719476> [in Russian].

8. *Finansovoe pravo v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki: monografiya / pod red. I. A. Tsindeliani* [Tsindeliani I. A. (Ed.) Financial law in the conditions of the development of the digital economy: monograph]. Moscow, 2019, 320 p. DOI: <https://doi.org/10.31085/9785392288380-2019-320> [in Russian].

9. Lyutova O. I. *Ob"ekt nalogooblozheniya v usloviyakh tsifrovizatsii* [Object of taxation under digitalization]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law], 2020, vol. 24, no. 3, pp. 695–716. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-3-695-716> [in Russian].

10. Matitashvili A. A. *Obzor noveishikh normativnykh pravovykh aktov Federal'noi nalogovoi sluzhby po voprosam nalogooblozheniya imushchestva* [Review of the latest regulatory legal acts of the Federal Tax Service on property taxation]. *Nalogovaya politika i praktika*, 2021, no. 6, pp. 22–26. Available at: <http://nalogkodeks.ru/kak-fizlicu-podtverdit-priobretenie-avtomobilya-i-umenshit-summu-nalogooblogaemogo-dokhoda-pri-ego-pereprodazhe>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46312144> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-3-121-125

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.111.5

Дата поступления: 20.06.2021
рецензирования: 25.07.2021
принятия: 28.08.2021

Юридический факт и случай: соотносимость в правовых отношениях

Н. А. Плахтий

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация
E-mail: nikolas-plahtii@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы соотношения юридического факта и феномена случая в сфере правовых отношений. Исследуются подходы к интерпретации термина «правовые отношения» с двух интенций. Изучается специфика терминологического определения юридического факта, его классификации. Детализируются свойства события как разновидности юридического факта. Обосновывается мысль о том, что случай может восприниматься как юридический факт. Анализируется проблематика отнесения феномена «случай» к правовым явлениям. Автор обращает внимание на двуединый подход по терминологическому осмыслению категории «случай». Приведены примеры правовых вариаций интерпретации данного явления. Делаются выводы о генетической близости случая и юридического факта-события. Важным результатом проведенного исследования является выдвижение обоснованного положения о том, что изучаемые правовые явления соотносятся как частное и общее. Автор приходит к заключению, что юридический факт тождествен случаю только при законодательном закреплении фактора случайности в нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: правовые отношения; случай; случайность; юридический факт; событие; казус; жизненный факт.

Цитирование. Плахтий Н. А. Юридический факт и случай: соотносимость в правовых отношениях // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 121–125. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-121-125>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Плахтий Н. А., 2021

Николай Алексеевич Плахтий – аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.06.2021
Revised: 25.07.2021
Accepted: 28.08.2021

Legal fact and case: correlation in legal relations

N. A. Plakhtiy

Penza State University, Penza, Russian Federation
E-mail: nikolas-plahtii@yandex.ru

Abstract: The article deals with the correlation of legal fact and the phenomenon of case in the sphere of legal relations. Approaches to the interpretation of the term «legal relations» from two intents are studied. The article studies the specifics of the terminological definition of a legal fact and its classification. It details the properties of an event as a type of legal fact. The author substantiates the idea that the case can be perceived as a legal fact. The problem of attributing the phenomenon of chance to legal phenomena is analyzed. The author draws attention to a two-pronged approach to the terminological understanding of the category case. Examples of legal variations in the interpretation of this phenomenon are given. Conclusions are drawn about the genetic proximity of the case and the legal fact-event. An important result of the research is to put forward a reasonable position that the legal phenomena under study are related as private and general. The author comes to the conclusion that a legal fact is identical to a case only if the randomness factor is legally fixed in normative legal acts.

Key words: legal relations; case; chance; legal fact; event; incident; fact of life.

Citation. Plakhtiy N. A. *Yuridicheskii fakt i sluchai: sootnosimost' v pravovykh otnosheniyakh* [Legal fact and case: correlation in legal relations]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 121–125. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-121-125> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Plakhtiy N. A., 2021

Nikolay A. Plakhtiy – post-graduate student, Penza State University, 40, Krasnaya Street, Penza, 440026, Russian Federation.

Правовые отношения эксплицируются в юридической мысли как одна из важных разновидностей социального существования права. Они выражают, устанавливают и материализовывают юридические положения в публичной сфере [1, с. 76]. Именно поэтому правовые отношения предстают одной из основ воплощения норм права в общественную жизнь. С помощью них отражается правовой аспект конкретных жизненных отношений.

Заслуженные деятели юридической науки сегодня рассматривают терминологическую интерпретацию понятия «правовые отношения» с двух интенций. Семантический анализ данной языковой экспликации происходит с позиций узкой трактовки и с репрезентации данного явления в широкой парадигме. Имплементация данного определения с точки зрения узкого смысла заключается в понимании правовых отношений в качестве одной из вариаций социальных связей, при которых взаимодействие субъектов таких отношений регулируется правовой нормой и охраняется государством с помощью его специальных органов.

В качестве широкой трактовки используется парадигма, согласно которой правовые отношения – это специальная форма общественной кооперации, формирующаяся до законодательных постулатов, представители которой имеют особые права и обязанности, обладают возможностью воплощать и защищать свои интересы и потребности в рамках установленных государством границ [2, с. 34]. Сами по себе резюмируемые трактовки в совокупности не дают представления об имманентных элементах данного явления, но конкретно и нетривиально создают общее понимание семантического ядра данной языковой экспликации.

Проводя более глубокий анализ, стоит отметить, что правоотношение как объективно-субъективная реальность состоит из нескольких ключевых элементов. К таким элементам могут быть отнесены: субъекты, объекты и само содержание правоотношений, в которое включены действия и юридические факты.

Из всех этих компонентов правовых отношений для нас интересен в первую очередь юридический факт, потому что именно он, как правило, тесно коррелирует с понятием «случай».

На сегодняшний день юридический факт традиционно определяется в литературе как конкретное жизненное обстоятельство или как факт реальной действительности, с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правовых отношений [3, с. 83].

В таком определении ясно прослеживается единство двух сторон понятия «юридический факт»: материальной – конкретное жизненное обстоятельство и идеальной – обусловленная нормой права связь их наступления с возникновением, изменением или прекращением правовых последствий. Эти аспекты исследуемой категории очень важны для нашего дальнейшего анализа.

Одновременно с этим В. Н. Синюков подчеркивает, что понимание юридического факта должно основываться на осмыслении его как правовой

модели реального явления. В этом случае «факт-модель» – это конструкция, предназначенная законодателем для выполнения определенной юридической функции. Ее задача – перевести реальное жизненное явление в сферу правовых отношений [4, с. 115]. Именно при имплементации конкретного жизненного явления юридический факт можно рассматривать как основу для возникновения правовых отношений. Построенная модель создает условие для перехода общественных явлений в область правовых.

Вообще представление о корреляции жизненных и юридических фактов очень распространено в правовой доктрине. Так, например, З. Д. Иванова указывает, что «юриспруденция не знает иных фактов, чем фактов, заимствованных из жизни. В жизни нет фактов в юридическом смысле. Юридические факты – социальные факты...» [5, с. 19–20]. Того же мнения придерживается и О. А. Красавчиков – «юридические факты отличаются от других фактов реальной действительности только с точки зрения значимости данных фактов для права» [6, с. 14]. Данную позицию разделяют большинство ученых (особенно ярко это проявляется в советской юриспруденции). По идее, юридическим фактом может быть любое обстоятельство реальной действительности, если законодатель признает явления такого рода юридически значимыми [7, с. 13].

Соответственно, и случай как проявление объективно-существующей реальности может восприниматься как юридический факт. Вместе с тем современная юридическая мысль сталкивается со сложностью по отнесению отдельных явлений к разновидностям юридического факта. Поэтому возникает необходимость при помощи критического анализа выявлять проблемное содержание понятий разного рода феноменов, тем самым выработать принципы, по которым то или иное жизненное обстоятельство можно отнести к данному правовому критерию [8, с. 169].

Стоит отметить, что юридические факты в своей основе дифференцируются на виды в зависимости от определенных классификаций. Наиболее традиционное деление юридических фактов основано на «волевом» критерии, согласно которому все юридические факты принято делить на действия – юридические факты, наступление которых зависит от воли субъектов правоотношений (поступки человека, акты государственных органов и т. д.) и на события – юридические факты, наступление которых не зависит от воли субъектов правоотношений (явления природы, смерть, совершеннолетие, конец срока наказания и т. д.) [9, с. 278].

Юридический факт – событие по своим свойствам наиболее близок к термину «случай». Они имеют общий характеризующий признак – отсутствие зависимости от воли субъектов правовых отношений. Также событие, можно определить еще одной чертой – протяженностью во времени, оно не происходит в каждый момент. Это присуще и случаю, так как он тоже отличается непостоянным характером.

Надо отметить, что все события можно подразделить на относительные и абсолютные. Те явления, которые возникают и развиваются независимо от волевой деятельности субъектов, будут абсолютными событиями. К примеру, стихийные бедствия (наводнение, засуха, землетрясение, вьюга и т. п.) и другие природные явления (разломы и обвалы, падение метеорита и т. п.). Относительными будут считаться события, которые всегда возникают по воле субъектов, но развиваются независимо от воли таковых (например, рождение ребенка) [10, с. 31].

Наиболее полно соответствовать категории «случай» будут абсолютные события. Одним из характеризующих признаков случая является нетипичность. Как правило, феномен «случай» имеет необычный, специфичный и своеобразный правовой оттенок [11, с. 206]. Абсолютному событию в том числе имманентна атипичность, по большей части оно денотирует совокупность неожиданных и уникальных ситуаций, происходящих в окружающем нас мире. Также это именно те явления, которые возникают и развиваются независимо от воли деятельности субъектов.

Несомненно, абсолютные события наиболее близки к понятию «случай». Однако возникает вопрос, а все ли происходящие в жизни случайные события, случаи и случайности будут юридическим фактом? Юридический факт и случай соотносятся? И если да, то как?

Для начала разберемся, что такое случай. Не будем детально вдаваться в подробности, но понимание данной терминологии тесно переплетено с двумя взглядами на нее. Первый отмечен в Большом юридическом словаре и применяется, как правило, в гражданском праве. Согласно ему, под случаем понимается обстоятельство, наступившее без вины должника и кредитора и отрицательно отразившееся на исполнении обязательства [12]. Похожих нарративов придерживался Д. М. Генкин. Он создал концепцию, которая эксплицировала данный феномен через призму определения вины и виновности. Согласно его представлениям, вина и случай взаимосвязаны и лежат в основе необходимой причинности [13, с. 181].

В качестве еще одного примера аналогичного взгляда на терминологическое осмысление понятия «случай» можно привести мнение Л. А. Лунца. Согласно его воззрениям на семантическое ядро изучаемого определения, отсутствие вины и случай – это две стороны одного и того же явления, и там, где кончается вина, там начинается случай [14, с. 356].

Второй повседневный взгляд указан в словаре Ожегова. Здесь случай определяется как то, что произошло, случилось, событие, как подходящее время, обстоятельство и как то же, что случайность [15, с. 254]. Такая точка зрения на исследуемую категорию встречается и в правовой мысли заслуженных деятелей юридической науки.

Так, ученый правовед В. Варкалло отмечал, что феномену «случай» иногда придают значение, отражающее его жизненные характеристики, и пред-

лагал такую трактовку этого явления – это фактор, вызывающий изменения, не являющиеся результатом человеческой деятельности, или незапланированное событие [16].

Согласно размышлениям российского юриста Е. И. Кельмана, представленный феномен случая определяется как неожиданное и внезапное событие, в котором на человека или на вещь вредоносно действует какое-либо явление [17, с. 190]. Как видим, он также придерживался второй точки зрения на исследуемую терминологию.

И в первом, и во втором подходе представителями правовой мысли отмечается в качестве главной отличительной особенности данной категории ее непредвиденность и непредусмотренность. Однако, как уже было нами рассмотрено, одним из основных аспектов юридического факта является то, что он выражается в определенном жизненном обстоятельстве, которое предусмотрено правовой нормой, предопределяющей его юридические свойства.

Соответственно, если ирреально установить конкретность и точность возможных случайных событий, нельзя предугадать их совершение в будущем, то невозможно и их закрепление в законодательной дистрикции, следовательно, исключается, как указывал профессор В. Н. Синюков, создание той самой правовой конструкции «факт-модель» [4, с. 115]. В этом противоречии как раз и состоит суть рассматриваемого вопроса.

Нужно отметить, что случай тесно переплетен с понятием «казус». Именно он и является одним из способов выражения событий случайности в правоотношениях. К таким выводам в свое время пришел И. В. Пилипенко. Он отмечал, что разнovidность случайности, органически связанной с необходимостью и вызванной действием внутренних факторов, сама по себе является казусом [18, с. 10].

Рассматривая казус как юридическое отражение нетипичности случая, случайности, мы видим, что он определенным образом соотносится с правовой нормативностью, которая, в свою очередь, выступает как юридическое выражение закономерности [19, с. 39–40].

Фактически можно утверждать, что казус является нормативным выражением случайности. Обозначение термина «казус» в данном значении предполагает нетипичную, случайную с юридической точки зрения ситуацию. Исходя из этого, можно сказать, что казус – это нетипичный случай, событие, случайность, имеющие нормативно-правовую регламентацию.

Вместе с тем стоит отметить, что казус в качестве единичного проявления реальности может вызвать определенные юридические последствия либо исключить их возникновение.

В первом варианте казус или, соответственно, случай по своему характеру тождествен юридическому факту и выступает в качестве необходимого условия возникновения, изменения или прекращения конкретных правоотношений. Таковым, например, является *casus belli* – формальный повод

для возникновения состояния войны между государствами [20].

Во втором варианте случай и казус – это некая противоположность юридическим фактам, это некие жизненные обстоятельства, исключающие юридические последствия в силу того, что они не предусмотрены правом и не закреплены в гипотезе правовой нормы.

Таким образом, можно сделать вывод, что случай тождествен юридическому факту только при

законодательном закреплении обстоятельств случайности в нормативно-правовых актах. Можно утверждать, что две эти правовые категории соотносятся как частное и общее. Однако не стоит забывать, что такое соотношение будет действительно, только если мы будем рассматривать в узком, правовом смысле термин «случай». С других позиций эти категории имеют явный противоположных характер, так как по своей сути одна из них исключает какую-либо правовую определенность.

Библиографический список

1. Вопленко Н. Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Legal Concept. 2003. № 6. С. 76–89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-otnosheniya-ponyatie-i-klassifikatsiya/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=14871044>.
2. Лазарев В. В., Радько Т. Н., Карпеев А. В., Афанасьев В. С. Общая теория права и государства: учебник. Москва, 2012. 568 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/lazar/.
3. Груздев В. В. Юридические факты, юридические условия и правовые состояния в механизме правового регулирования // Вестник экономической безопасности. 2011. № 5. С. 82–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16949311>.
4. Синюков В. Н. О понятии юридического факта в общей теории права // Вопросы теории государства и права: межвуз. науч. сб. 1986. № 7. С. 107–121.
5. Иванова З. Д. Основания возникновения правоотношений по советскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1951. 22 с. URL: <http://www.dslib.net/mechanika-sostojanij/osnovanija-vozniknovenija-pravootnoshenij-po-sovetskomu-pravu.html>.
6. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. Москва: Госюриздат, 1958. 183 с. URL: http://www.adhportal.com/book_1283.html.
7. Титов Е. В. Понятие юридического факта // Ex jure. 2018. № 4. С. 7–31. DOI: <http://doi.org/10.17072/2619-0648-2018-4-7-31>.
8. Разбейко Н. В. Актуальность теории юридических фактов // Вестник Института экономических исследований. 2018. № 2 (10). С. 168–175. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36275447>; <http://vestnik.econri.org/vestnik/index.php/vestnik/article/view/185/183>.
9. Зимин А. Н. Юридическая норма и юридический факт // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 1, № 11 (28). С. 272–281. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36810671>.
10. Кондрашов Ю. А. Юридическая природа событий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 29–34. DOI: <http://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10033>.
11. Суменков С. Ю. Исключения в праве: закономерное и случайное // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (70). С. 203–207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/isklyucheniya-v-prave-zakonornoe-i-sluchaynoe/viewer>.
12. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова [и др.]. Москва, 2001. 790 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19788841>; <http://chakinsky.ru/wp-content/uploads/2011/02/Юридич-словарь-ДодоновЕрмаковКрылова.2001.pdf>.
13. Генкин Д. М., Новицкий И. Б., Рабинович Н. В. История советского гражданского права 1917–1947. Москва, 1949. 544 с. URL: <https://www.nehudlit.ru/books/istoriya-grazhdanskogo-prava.html>.
14. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. Москва: Юрид. лит., 1950. 412 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21030969>.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1995. 907 с. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt.
16. Варкалло В. Ответственность по гражданскому праву. Москва: Прогресс, 1978. 328 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19761126>; <https://knigogid.ru/books/1881914-otvetstvennost-po-grazhdanskomu-pravu-vozmescheniye-vreda-funkcii-vidy-granicy/toread>.
17. Кельман Е. И. Ответственность воздушного перевозчика за вред и убытки // Вопросы воздушного права. 1927. № 1. С. 179–219. URL: <https://naukaprava.ru/catalog/293/617/34524?view=1>.
18. Пилипенко И. В. Проблема необходимости и случайности в философии и естествознании: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 1966. 38 с.
19. Вележев С. И. Юридический казус: к вопросу соотношения с правовой нормативностью // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2019. С. 39–45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41306857>.
20. Вележев С. С. Проблемы соотношения нормы права и юридического казуса: монография. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2009. 140 с.

References

1. Voplenko N. N. *Pravovye otnosheniya: ponyatie i klassifikatsiya* [Legal relations: concept and classification]. *Legal Concept*, 2003, no. 6, pp. 76–89. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-otnosheniya-ponyatie-i-klassifikatsiya/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=14871044> [in Russian].
2. Lazarev V. V., Radko T. N., Karpeev A. V., Afanasiev V. S. [General theory of law and state: textbook]. Moscow, 2012, 568 p. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/lazar [in Russian].
3. Gruzdev V. V. *Yuridicheskie fakty, yuridicheskie usloviya i pravovye sostoyaniya v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [Legal facts, legal conditions and legal statuses in the mechanism of legal regulation]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Vestnik of economic security], 2011, no. 5, pp. 82–89. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16949311> [in Russian].
4. Sinyukov V. N. *O ponyatii yuridicheskogo fakta v obshchei teorii prava* [On the concept of a legal fact in the general theory of law]. In: *Voprosy teorii gosudarstva i prava: mezhvuz. nauch. sb.* [Issues of the theory of state and law: interuniversity scientific collection], 1986, no. 7, pp. 107–121. [in Russian].
5. Ivanova Z. D. *Osnovaniya vozniknoveniya pravootnoshenii po sovetskomu pravu: dis. ... kand. yurid. nauk* [Grounds for the emergence of legal relations under Soviet law: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 1951, 22 p. Available at: <http://www.dslib.net/mechanika-sostojanij/osnovaniya-vozniknoveniya-pravootnoshenij-po-sovetskomu-pravu.html> [in Russian].
6. Krasavchikov O. A. *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal facts in Soviet civil law]. Moscow: Gosyurizdat, 1958, 183 p. Available at: http://www.adhdportal.com/book_1283.html [in Russian].
7. Titov E. V. *Ponyatie yuridicheskogo fakta* [The concept of legal fact]. *Ex jure*, 2018, no. 4, pp. 7–31. DOI: <http://doi.org/10.17072/2619-0648-2018-4-7-31> [in Russian].
8. Razbeyko N. R. *Aktual'nost' teorii yuridicheskikh faktov* [Relevancy of the theory of juridical facts]. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy* [Vestnik of Institute of Economic Research], 2018, no. 2 (10), pp. 168–175. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36275447>; <http://vestnik.econri.org/vestnik/index.php/vestnik/article/view/185/183> [in Russian].
9. Zimin A. N. *Yuridicheskaya norma i yuridicheskii fakt* [Legal norm and legal fact]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*, 2018, vol. 1, no. 11 (28), pp. 272–281. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36810671> [in Russian].
10. Kondrashov Yu. A. *Yuridicheskaya priroda sobytii* [Legal nature of events]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2020, no. 2 (133), pp. 29–34. DOI: <http://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10033> [in Russian].
11. Sumenkov S. Yu. *Isklyucheniya v prave: zakonomernoe i sluchainoe* [Exceptions to laws: the necessary and the contingent]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2009, no. 2 (70), pp. 203–207. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/isklyucheniya-v-prave-zakonomernoe-i-sluchaynoe/viewer> [in Russian].
12. Dodonov V. N., Ermakov V. D., Krylova M. A. et al. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [Big Legal Dictionary]. Moscow, 2001, 790 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19788841>; <http://chakinsky.ru/wp-content/uploads/2011/02/Юридич-словарьДодоновЕрмаковКрылова.2001.pdf> [in Russian].
13. Genkin D. M., Novitsky I. B., Rabinovich N. V. *Istoriya sovetskogo grazhdanskogo prava 1917–1947* [History of Soviet civil law 1917–1947]. Moscow, 1949, 544 p. Available at: <https://www.nehudlit.ru/books/istoriya-grazhdanskogo-prava.html> [in Russian].
14. Novitsky I. B., Lunts L. A. *Obshchee uchenie ob obyazatel'stve* [General doctrine of obligation]. Moscow: Yurid. lit., 1950, 412 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21030969> [in Russian].
15. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1995, 907 p. Available at: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt [in Russian].
16. Warkallo W. *Otvettvennost' po grazhdanskomu pravu* [Responsibility according to the civil law]. Moscow: Progress, 1978, 328 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19761126>; <https://knigogid.ru/books/1881914-otvetstvennost-po-grazhdanskomu-pravu-vozmesczenie-vreda-funkcii-vidy-granicy/toread> [in Russian].
17. Kelman E. I. *Otvettvennost' vozdushnogo perevozhchika za vred i ubytki* [Liability of the air carrier for damage and losses]. *Voprosy vozdushnogo prava*, 1927, no. 1, pp. 179–219. Available at: <https://naukaprava.ru/catalog/293/617/34524?view=1> [in Russian].
18. Pilipenko I. V. *Problema neobkhodimosti i sluchainosti v filosofii i estestvoznanii: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Problem of necessity and chance in philosophy and natural science: author's abstract of Doctoral of Philosophical Sciences thesis]. Moscow, 1966, 38 p. [in Russian].
19. Velezhev S. I. *Yuridicheskii kazus: k voprosu sootnosheniya s pravovoi normativnost'yu* [Legal incident: to the question of correlation with legal normativity]. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika. Al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii*. Samara, 2019, pp. 39–45. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41306857> [in Russian].
20. Velezhev S. S. *Problemy sootnosheniya normy prava i yuridicheskogo kazusa: monografiya* [Problem of the relation between law and legal case: monograph]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2009, 140 p. [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.1

Дата поступления: 09.07.2021
рецензирования: 11.08.2021
принятия: 28.08.2021

Европейский подход к разграничению данных, не являющихся персональными, для целей гражданского оборота

А. В. Стерлигова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация
E-mail: sterligova.a.v34@gmail.com

Аннотация: Цель статьи – комплексно исследовать необходимость разграничения деления данных на персональные и неперсональные. В статье использованы методы, необходимые для анализа применения единого подхода в понимании использования данных в гражданском обороте, а именно: формально-юридический, сравнительно-правовой, формально-логический, системный и функциональный. Теоретическая значимость исследования заключается в разработке единой концепции понимания данных в гражданском обороте. Проведя анализ зарубежной и национальной доктрины и законодательства, автор приходит к выводу, что на практике в гражданском обороте имеется ценность для использования единого понимания данных без выделения в их составе как персональных, так и неперсональных данных. Автор рассмотрела «неличные данные» в контексте европейского подхода к делению данных на персональные и неперсональные. Автор проанализировала применимость европейского подхода к российским реалиям, а также основные проблемы, возникающие на практике в связи с использованием неличных данных.

Ключевые слова: персональные данные; неперсональные данные; данные; информация; цифровая экономика; гражданский оборот; объект гражданского права.

Цитирование. Стерлигова А. В. Европейский подход к разграничению данных, не являющихся персональными, для целей гражданского оборота // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 126–131. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-126-131>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Стерлигова А. В., 2021

Александрина Вячеславовна Стерлигова – аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 09.07.2021
Revised: 11.08.2021
Accepted: 28.08.2021

European approach to the delimitation of non-personal data for the purposes of civil circulation

A. S. Sterligova

HSE University, Moscow, Russian Federation
E-mail: sterligova.a.v34@gmail.com

Abstract: The purpose of the article is to comprehensively investigate the need to differentiate the division of data into personal and non-personal. The article uses the methods necessary to analyze the application of a unified approach in understanding the use of data in civil circulation, namely: formal legal, comparative legal, formal logical, systemic and functional. The theoretical significance of the study lies in the development of a unified concept for understanding data in civil circulation. After analyzing foreign and national doctrine and legislation, the author comes to the conclusion that in practice in civil circulation there is value for using a unified understanding of data without highlighting both personal and non-personal data in their composition. The author considered «non-personal data» in the context of the European approach to dividing data into personal and non-personal. The author analyzed the applicability of the European approach to Russian realities, as well as the main problems that arise in practice in connection with the use of non-personal data.

Key words: personal data; non-personal data; data; information; digital economy.

Citation. Sterligova A. V. *Evropeiskii podkhod k razgranicheniyu dannyykh, ne yavlyayushchikhsya personal'nymi, dlya tselei grazhdanskogo oborota* [European approach to the delimitation of non-personal data for the purposes of civil circulation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 126–131. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-126-131> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Sterligova A. V., 2021

Alexandrina V. Sterligova – postgraduate student, HSE University, 20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation.

В мире идет массовое строительство экономики данных. Страны по всему земному шару стремятся получить как можно больше выгод от новых технологий, основанных на данных. Однако построение цифровой экономики подрывается рядом препятствий: правовой неопределенностью данных, консервативностью правовых систем и иными факторами, влияющими на мобильность данных. Российская Федерация в этом не исключение. В нашей стране не уделено должного внимания информации в принципе. Несмотря на тот факт, что информация не является объектом гражданского права, она является полноправным объектом гражданского правоотношения. Поэтому сейчас остро назревают следующие вопросы: природа отношений по обладанию данными, место данных в системе объектов гражданских прав, соотношение категорий «информация», «данные», «неличные данные» и «персональные данные».

Целью разрешения этих вопросов является создание более конкурентного и интегрированного рынка для услуг и операций по распоряжению и использованию данных. В частности, это означает уменьшение количества и диапазона ограничений локализации данных, повышение правовой определенности; улучшение условий, при которых участники гражданского оборота уверенно будут реализовывать свое право на распоряжение и использование данных в коммерческом обороте.

Тем более что в международной практике довольно часто поднимаются вопросы «собственности» на данные в гражданско-правовом ключе. Американские ученые Джеффри Риттер и Анна Майер полагают, что современная цифровая торговля передачей, лицензированием и продажей персональных данных еще больше укрепила мнение о том, что персональные данные следует характеризовать как собственность [1, с. 220–221].

Британские ученые утверждают, что «право собственности на информацию сосредоточено на определении права компании или отдельного лица контролировать раскрытие, использование, изменение и копирование указанной информации» [2]. Также среди этих ученых есть мнение, что физические лица должны иметь «законное право собственности» на свою личную информацию [2].

В ноябре 2019 года китайская газета People's Court Daily сообщила о решении, вынесенном судом Ханчжоу по вопросам Интернета, в котором рассматривался вопрос собственности и права использования идентификаторов и паролей дилеров-пользователей ресурса истца [4].

В этом деле истцы использовали онлайн-базу данных под названием Lvzhuang Wang, или «Сеть женской одежды». Ответчик управлял конкурирующей онлайн-базой данных под названием Zhongfu Wang, или «Китайская сеть одежды». Многие пользователи, зарегистрировавшиеся у истцов, также зарегистрировались у ответчика. Двадцать четыре пользователя базы данных ответчика разрешили персоналу ответчика использовать их идентификаторы и пароли для доступа

к своим счетам на веб-сайте ответчика. Поскольку многие пользователи могут использовать одни и те же идентификаторы и пароли на разных веб-сайтах, сотрудники ответчика использовали технологию «Сбой библиотеки» для входа в учетные записи двадцати четырех пользователей на веб-сайте истца.

Суд установил, что ответчик загрузил информацию, используя пароли пользователей-дилеров с сайта истцов. Ответчик утверждал, что в пользовательском соглашении истцов не указано, кто является владельцем идентификаторов и паролей пользователей; даже если ответчик неправомерно использовал идентификаторы и пароли пользователей, именно пользователи, а не истцы должны требовать права на идентификаторы и пароли пользователей. Суд отклонил этот аргумент, постановив, что идентификаторы и пароли пользователей являются собственностью и должны быть защищены.

Кроме того, суд постановил, что идентификаторы и пароли сильно коррелировали с аутентификацией личности пользователей и право собственности, генерируемое этой информацией, было похоже на право собственности данных компьютерной информационной системы, поэтому права на идентификаторы и пароли пользователей должны в данном случае принадлежать веб-сайтам истцов [4].

Однако аргумент о праве собственности на данные весьма проблематичен. В описанном выше случае говорить о праве собственности китайской компании на идентификаторы и пароли пользователей ее веб-ресурса сомнительно. Так как компания из Китая как лицо, собирающее и хранящее эти данные, может получить абсолютные права собственности на данные, собранные от субъектов данных. Это связано с тем, что лицо, осуществляющее сбор данных, должно использовать персональные данные строго в соответствии с соглашениями с субъектами данных. Более того, лицо, осуществляющее сбор данных, не обладает исключительно личными данными, но и наборами неперсональных, а также смешанных данных. Субъекты данных могут предоставлять такие же данные другим лицам, осуществляющим сбор данных. Тем не менее лица, осуществляющие сбор данных, вкладывают время, деньги и энергию в сбор, организацию или обработку этих данных. Следовательно, у лиц, осуществляющих сбор данных, есть законные интересы в собираемых ими данных. Предполагается, что такой интерес является имущественным интересом лиц, осуществляющих сбор данных, которые инвестируют в процесс сбора данных под предлогом того, что они не будут использованы другими конкурирующими лицами, осуществляющими сбор данных.

Кроме того, в американском контексте теория права собственности на данные подвергается критике, поскольку существуют веские политические причины, такие как гражданская свобода первой поправки к Конституции Соединенных Штатов

Америки, против обозначения всей личной информации как собственности. [5, с. 365–366].

Аргументы о праве собственности могут усилить право каждого субъекта данных на самоопределение и контроль над своими данными. Однако в противовес сказанному в Китае, например, такое самоопределение и контроль несовместимы с мерами цифрового наблюдения китайского правительства, которые основываются на сборе огромного количества данных [6].

Эти данные собираются в рамках чрезмерно всеобъемлющей концепции национальной безопасности без надлежащего судебного надзора и общественного надзора за прозрачностью. Хотя Гражданский кодекс Китая предусматривает, что сбор и обработка личной информации регулируются принципами законности, пропорциональности и необходимости [7], у китайских потребителей не так много реальных возможностей сказать «нет» и найти удобные альтернативы для многих основных услуг в Китае.

Однако вернемся к российским реалиям. В российской практике данным, а тем более данным, не являющимся персональными, не уделено должное внимание. Отметим, что особое внимание вопросу данных уделяется узким кругом ученых-юристов, среди которых М. А. Рожкова [8; 9], А. И. Савельев [10] и В. О. Калятин [11].

Несмотря на отсутствие в российском правовом поле дефиниции неперсональных данных, предполагается, что к «неперсональным данным» относятся все данные, не являющиеся персональными по смыслу Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [12]. С учетом этого в понимании гражданского права к неперсональным данным можно причислять не только все данные, поступающие из технических источников и имеющие коммерческую ценность.

Такой вывод исходит из европейской практики разделения персональных и неперсональных данных. А именно: понятие персональных данных определено в пункте 1 статьи 4 Постановления (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о бесплатном перемещении таких данных (сокращенно, Общие правила защиты данных, далее – GDPR) [13]. Понятие неличных данных установлено в пункте 1 статьи 3 Регламента (ЕС) 2018/1807 Европейского парламента и Совета Европейского союза от 14 ноября 2018 года о структуре свободного потока неличных данных в ЕС (Регламент о свободном потоке неличных данных, далее – Регламент). В Регламенте как раз поясняется, что неличные данные – это «данные, отличные от персональных данных, как это определено в пункте 1 статьи 4 GDPR» [14].

М. А. Рожкова отмечает, что «неперсональные данные могут создаваться в рамках “интернета вещей”, включающего в свой состав Интернет, который «поставляет» информацию со всевозможных датчиков, контроллеров, приборов учета по-

требления, устройств аудио- и видеорегистрации, измерительных комплексов и проч. Сюда же будут включены данные из таких источников, как искусственный интеллект (англ. artificial intelligence) и машинное обучение (англ. machine learning). К неперсональным данным относят и такие востребованные практикой категории данных, как метеорологические, экологические и географические сведения, данные финансовых и страховых рынков, государственная статистика и информация из государственных реестров (не касающаяся субъектов персональных данных), экономические показатели, результаты аналитических и научных исследований» [8, с. 23].

Примером сбора таких (неперсональных) данных также могут послужить сведения из «Портала открытых данных» Правительства Москвы, расположенном по адресу: <https://data.mos.ru> (далее – Портал). Из анализа информации, размещенной на Портале, можно сделать вывод, что на Портале собираются и хранятся данные по основным сферам жизнедеятельности города (безопасность, государственные услуги, дороги и транспорт, досуг и отдых, здравоохранение, культура и образование и иные сферы). Некоторые из наборов данных содержат только техническую информацию, которую можно отнести к неперсональным данным.

В европейском законодательстве вопросу разделения данных на персональные и неперсональные уделено более пристальное внимание. Так, как упоминалось выше, в Европейском союзе существует отдельный Регламент, регулирующий свободное обращение неличных данных. В этом Регламенте освещены вопросы перемещения данных, не являющихся персональными, через границу, а также вопросы обеспечения свободы в предоставлении услуг по обработке данных в пределах Европейского союза [8, с. 294].

Также документ содержит классификацию таких данных неличного характера (данных, не являющихся персональными) по происхождению, как: данные, которые изначально не относились к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу, или данные, которые изначально были личными данными, но позже стали анонимными.

В случае смешанного набора данных Регламент устанавливает следующий подход: сам документ применяется к части набора неличных данных, а GDPR применяется к части набора персональных данных, также утверждается, что, если личные и неличные данные в наборе данных неразрывно связаны, этот Регламент «не наносит ущерба применению» GDPR. Если неличные данные и персональные данные «неразрывно связаны», права и обязанности по защите данных, вытекающие из GDPR, будут полностью применяться ко всему смешанному набору данных, даже если персональные данные представляют собой небольшую часть набора.

Представляется, что такой подход неадекватен современным реалиям, поскольку GDPR накладывает довольно строгие рамки на хранение и

обработку данных, что может привести к блокированию и замедлению применения смешанных наборов данных. А смешанные данные наборы данных встречаются чаще, нежели чем «чистые» наборы данных: исключительно наборы персональных данных или исключительно наборы неперсональных данных.

Регламент также гласит, что нет требований к локализации данных, а требования к локализации данных больше не применяются, размещение неличных данных для хранения или обработки в пределах ЕС не должно ограничиваться территорией государства-члена. Свободный поток неличных данных означает неограниченное перемещение данных через границы и ИТ-системы. Таким образом, должно быть установлено свободное перемещение данных. На практике это означает, что оператор данных в ЕС может сам решать, где хранить неличные данные.

По мнению Европейской комиссии, свободный поток неличных данных – это ключевой строительный блок единого цифрового рынка и считается наиболее важным фактором для того, чтобы экономика данных полностью раскрыла свой потенциал и удвоила свою стоимость ВВП. Новые меры соответствуют уже существующим правилам свободного перемещения и переносимости персональных данных в ЕС. Что касается переносимости данных, Европейская комиссия будет поощрять и способствовать разработке кодексов саморегулирования на уровне ЕС с целью построения более конкурентоспособной экономики данных [15].

В Российской Федерации пока не идет речь о свободном потоке данных в принципе, поскольку Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» не содержит специальных положений, регулирующих территориальный охват. В целом действие российского законодательства, в том числе Закона о персональных данных, ограничено территорией Российской Федерации. Что касается применимости российского законодательства к веб-присутствию, осуществление деятельности в Интернете не позволяет четко определить географические границы такой деятельности. В связи с этим существует так называемый «целевой тест», направленный на выявление факта нацеливания на граждан России, что приводит к применимости российского законодательства. Например, веб-присутствие (допустим, веб-сайт или приложение) может рассматриваться как нацеленное на граждан России, если оно зарегистрировано в российском домене (например, .ru, .moscow, .su, .rf и так далее). Или если оно предусматривает доставку товаров и услуг по России. Использование русского языка также может быть критерием. Однако проверка таргетинга не является формалистической, и другие обстоятельства, демонстрирующие, что владелец веб-сайта или приложения рассматривает российский рынок в рамках своей бизнес-стратегии, будут изучены регулирующим органом / судами (в случае проверки, спора и так далее) [16].

Однако на уровне Европейского союза в свете свободного (межграницного) потока данных поднимаются следующие вопросы, в частности: роль личных, неличных данных и регламента Европейского союза о защите персональных данных № 2016/679 ЕС (далее – GDPR); вопросы использования допустимой терминологии (например, доступ к данным или доступность данных для нормативных целей). Рассматриваются такие задачи, при которых поставщики облачных услуг, специализирующиеся на управлении процессами приложений, накапливают как личные, так и неличные данные, используя свои сервисы и храня данные у крупных поставщиков облачных услуг. В какой-то момент может возникнуть ситуация для переноса этих данных от одного поставщика данных на другого поставщика, что вызовет правовые вопросы, так как данный сценарий не подпадает под действие статьи 20 GDPR, следовательно, этому вопросу нужно конкретное разрешение [17, с. 8].

На сегодняшний день отдельные европейские юристы более подробно исследуют вопросы разграничения персональных данных и неперсональных [18, с. 1–17].

В работах российских исследователей подерживается деление данных на персональные и неперсональные, а также допустимость признавать имущественные права на собранные неперсональные данные за лицом, осуществляющим первоначальный сбор и накопление таких данных [10, с. 20].

Изложенное иллюстрирует, что роль неперсональных данных возрастает и имеет не только значение на территории Европейского союза, но и в других странах. Игнорирование этого вопроса приводит только к стагнации развития информационных технологий и иных технологий, основанных на данных.

Однако далее хотелось бы обратить внимание на тезис о контрпродуктивности деления данных на персональные и неперсональные, изложенный в работе европейских юристов [18, с. 14].

Ученые Инге Граеф, Мартин Хусовек, Рафаэль Гелерт пришли к мысли, что разделение на личные и неличные данные сомнительно, поскольку наборы данных могут быть смешанными. А в некоторых случаях отделение персональных от неперсональных в соответствии с правилами защиты данных GDPR трудно провести. Кроме того, на практике компании могут организовывать свои данные за пределами подобного деления (личные или неличные данные). Авторы статьи полагают, что возможны существенные трудности с подержанием двух отдельных правовых рамок, одна из которых регулирует личные данные, а другая – неперсональные данные, когда как личные данные нельзя четко отделить от неличных данных. Иллюзорное представление о неперсональных данных в качестве отправной точки для нового регулирования может создать серьезную правовую неопределенность и подрывать эффективность

целей, которые преследуются. Поэтому, чтобы участники рынка сами не решали эту проблему на практике, должен быть применен целостный подход к регулированию данных.

Данный подход является очень интересным и неординарным, поскольку в принципе понятие данных слишком динамично, изменчиво и неограниченно, чтобы обеспечить основу для нового режима. И отсутствие деления на персональные и неперсональные данные, возможно, более советует реалиям информационного обмена в гражданском обороте, нежели чем предложенное большинством соответствующее деление на персональные и неперсональные данные. Учитывая подобный взгляд на проблему, предполагается что деление на персональные и неперсональные, данные является исключительно искусственным делением, возможно, не применимым к реалиям сегодняшнего дня, при-

том что российские реалии в этом случае не исключение, потому что данные не могут носить исключительную принадлежность к территории одного государства, особенно во время роста цифровой экономики и глобализации. Цель правового закрепления данных должна имеет глобальный характер и целостный подход к регулированию. Тем более в период, когда в действующем российском гражданском законодательстве информация не закреплена как объект гражданского права, должны выработаться подходы к закреплению данных, в том числе к их классификации скорее в теоретическом ключе, нежели чем формально закреплённом.

Таким образом, представляется неактуальным предложение российских юристов о введении деления на персональные и неперсональные данные для целей гражданского оборота и иных форм обмена и хранения данных.

Библиографический список

1. Jeffrey Ritter, Anna Mayer. Regulating Data as Property: A New Construct for Moving Forward // *Duke Law and Technology Review*. 2017. Vol. 16, No. 1, pp. 220–277. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/dltr/vol16/iss1/7>.
2. Raymond T. Nimmer, Patricia A. Krauthaus. Information as Property Databases and Commercial Property // *International Journal of Law and Information Technology*, 1993, Vol. 1, Issue 1, pp. 3–34. DOI: <http://doi.org/10.1093/ijlit/1.1.3>.
3. Jamie Lund. Property Rights to Information // *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*, 2011, Vol. 10, Issue 1. Available at: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1155&context=njtpr>.
4. One Company in Zhejiang Is Ordered to Pay 350,000 RMB in a Judgment, *People's Court News*. November, 2019. URL: http://rmfyb.chinacourt.org/paper/html/2019-11/05/content_161872.htm?div=-1 (дата обращения: 24.05.2021).
5. Pamela Samuelson, Information as Property: Do Ruckelshaus and Carpenter Signal a Changing Direction in Intellectual Property Law? // *Catholic University Law Review*. 1989. Vol. 38, No. 2. Available at: <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1867&context=lawreview> (дата обращения: 24.05.2021).
6. China Due to Introduce Face Scans for Mobile Users // *BBC*, December. 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-50587098> (дата обращения^ 24.05.2021).
7. Civil Code of the People's Republic of China. Статья 1035. URL: <http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202012/f627aa3a4651475db936899d69419d1e/files/47c16489e186437eab3244495cb47d66.pdf> (дата обращения 24.05.2021).
8. Рожкова М. А., Глонина В. Н. Персональные и неперсональные данные в составе больших данных // *Право цифровой экономики – 2020. Ежегодник-антология / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. Москва: Статут, 2020. С. 271–296*. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46110150>; <https://rozhkova.com/pdf/2020-16-pce-we.pdf>.
9. Рожкова М. А. Персональные и неперсональные данные как объекты гражданских прав // *Хозяйство и право*. 2019. № 5 (508). С. 15–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37422239>; <https://rozhkova.com/pdf/2019-05.pdf>.
10. Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // *Вестник гражданского права*. 2020. Т. 20, № 1. С. 60–92. DOI: <http://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-60-92>.
11. Калятин В. О. Проблема охраны «сырых» данных // *Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*. 2020. № 2. С. 18–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42422803>; http://www.patentinfo.ru/issue/2_20.html.
12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»//СПС «Консультант.Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801.
13. Regulation (EU) 2016/679 of the European parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC, General Data Protection Regulation. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения: 24.05.2021).
14. Regulation (EU) 2018/1807 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on a framework for the free flow of non-personal data in the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32018R1807> (дата обращения: 24.05.2021).
15. Официальный сайт Европейского союза. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/node/3803/printable/pdf> (дата обращения: 24.05.2021).
16. Russia – Data Protection Overview. URL: <https://www.dataguidance.com/notes/russia-data-protection-overview> (дата обращения^ 24.05.2021).

17. Commission Staff Working Document Impact Assessment accompanying the document Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a framework for the free flow of non-personal data in the European Union// Brussels, 13.9.2017.

18. Graef I., Husovec M., Gellert R. Towards a Holistic Regulatory Approach for the European Data Economy: Why the Illusive Notion of Non-Personal Data is Counterproductive to Data Innovation // SSRN Electronic Journal. September 2018. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3256189>.

References

1. Jeffrey Ritter, Anna Mayer. Regulating Data as Property: A New Construct for Moving Forward. *Duke Law and Technology Review*, 2017, Vol. 16, No. 1, pp. 220–277. Available at: <https://scholarship.law.duke.edu/dltr/vol16/iss1/7>.
2. Raymond T. Nimmer, Patricia A. Krauthaus. Information as Property Databases and Commercial Property. *International Journal of Law and Information Technology*, 1993, Vol. 1, Issue 1, pp. 3–34. DOI: <http://doi.org/10.1093/ijlit/1.1.3>.
3. Jamie Lund. Property Rights to Information. *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*, 2011, Vol. 10, Issue 1. Available at: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1155&context=njtip>.
4. One Company in Zhejiang Is Ordered to Pay 350,000 RMB in a Judgment. *People's Court News*, November, 2019. Available at: http://rmfyb.chinacourt.org/paper/html/2019-11/05/content_161872.htm?div=-1 (accessed 24.05.2021) [in Chinese].
5. Pamela Samuelson. Information as Property: Do Ruckelshaus and Carpenter Signal a Changing Direction in Intellectual Property Law?. *Catholic University Law Review*, 1989, Vol. 38, No. 2. Available at: <https://scholarship.law.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1867&context=lawreview> (accessed 24.05.2021).
6. China Due to Introduce Face Scans for Mobile Users. *BBC*, December 2019. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-50587098> (accessed 24.05.2021).
7. Civil Code of the People's Republic of China. Article 1035. Available at: <http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202012/f627aa3a4651475db936899d69419d1e/files/47c16489e186437eab3244495cb47d66.pdf> (accessed 24.07.2021).
8. Rozhkova M. A., Glonina V. N. *Personal'nye i nepersonal'nye dannye v sostave bol'shikh dannykh* [Personal and non-personal data in big data]. In: *Pravo tsifrovoy ekonomiki – 2020. Ezhegodnik-antologiya. Ruk. i nauch. red. M. A. Rozhkova* [Digital Economy Law – 2020. Yearbook-Anthology. Leader and scientific editor Rozhkova M. A.]. Moscow: Statut, 2020, pp. 271–296. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46110150>; <https://rozhkova.com/pdf/2020-16-pce-we.pdf> [in Russian].
9. Rozhkova M. A. *Personal'nye i nepersonal'nye dannye kak ob"ekty grazhdanskikh prav* [Personal and non-personal data as objects of civil rights]. *Khozyaistvo i pravo* [Business and Law], 2019, no. 5 (508), pp. 15–21. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37422239>; <https://rozhkova.com/pdf/2019-05.pdf> [in Russian].
10. Savelyev A. I. *Grazhdansko-pravovye aspekty regulirovaniya oborota dannykh v usloviyakh popytok formirovaniya tsifrovoy ekonomiki* [Data commercialization regulation in the era of shaping digital economy (civil law aspects)]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2020, vol. 20, no. 1, pp. 60–92. DOI: <http://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-60-92> [in Russian].
11. Kaliatin V. O. *Problema okhrany «srykh» dannykh* [The problem of protecting «raw» data]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava* [Patents & Licenses. Intellectual Rights], 2020, no. 2, pp. 18–29. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42422803>; http://www.patentinfo.ru/issue/2_20.html [in Russian].
12. *Federal'nyi zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nykh dannykh»* [Federal Law as of 27.07.2006 № 152-FZ «On Personal Data»]. Retrieved from legal reference system «Consultan.Plus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 [in Russian].
13. Regulation (EU) 2016/679 of the European parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC, General Data Protection Regulation. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (accessed 24.05.2021).
14. Regulation (EU) 2018/1807 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on a framework for the free flow of non-personal data in the European Union. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32018R1807> (accessed 24.05.2021).
15. *Ofitsial'nyi sait Evropeiskogo soyuza* [Official website of the European Union]. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/node/3803/printable/pdf> (accessed 24.05.2021).
16. Russia - Data Protection Overview. Available at: <https://www.dataguidance.com/notes/russia-data-protection-overview> (accessed 24.05.2021).
17. Commission Staff Working Document Impact Assessment accompanying the document Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a framework for the free flow of non-personal data in the European Union. Brussels, 13.09.2017.
18. Graef I., Husovec M., Gellert R. Towards a Holistic Regulatory Approach for the European Data Economy: Why the Illusive Notion of Non-Personal Data is Counterproductive to Data Innovation. *SSRN Electronic Journal*, September 2018. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3256189>.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.